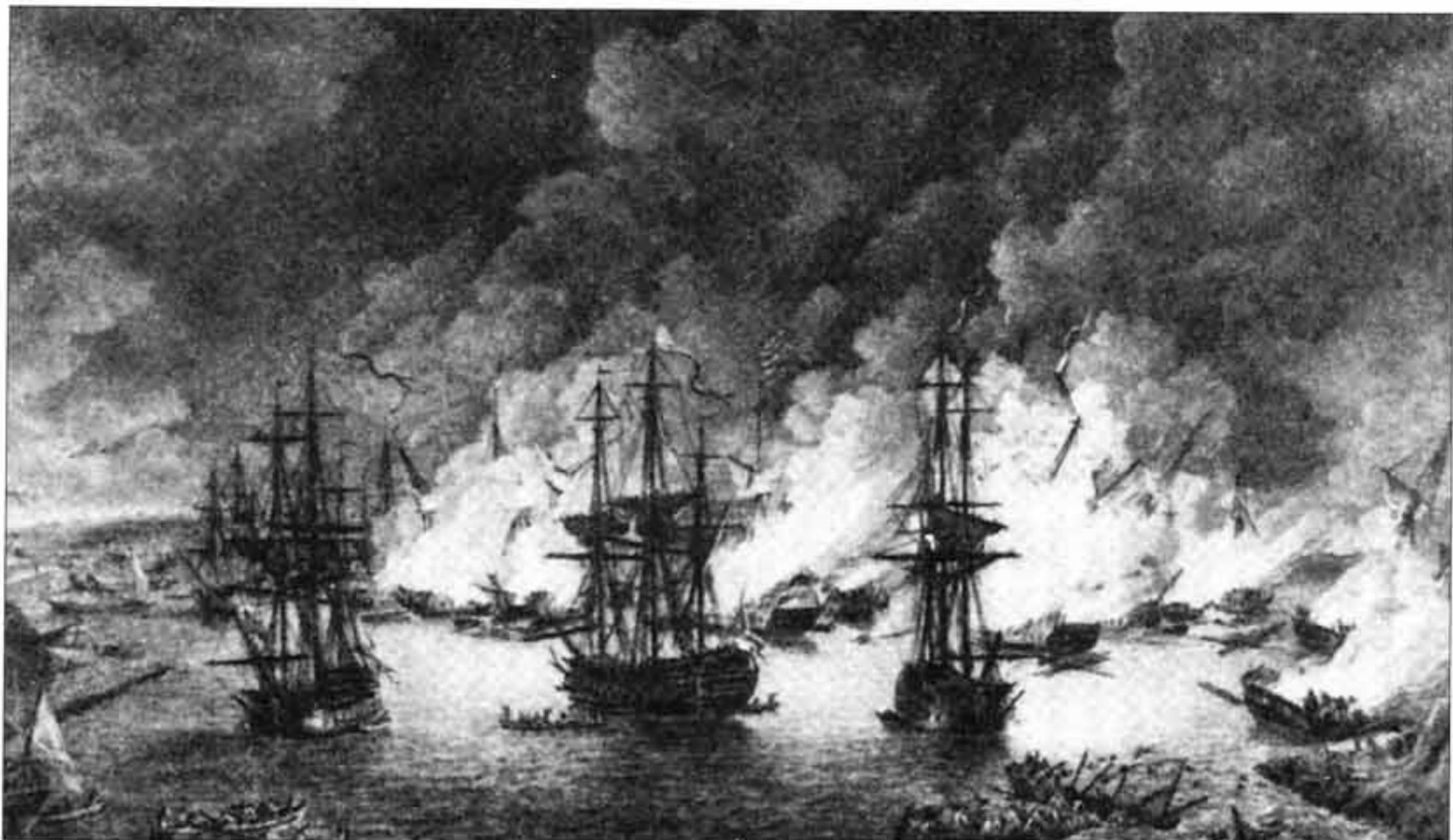

Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов

А.А. Лебедев

Уничтожение русской эскадрой турецкого флота в Чесменской бухте.
26 июня 1770 года. Гравюра конца XVIII века

Русско-турецкую войну 1768–1774 годов нельзя отнести к малоизвестным страницам русской военной истории. Исследованию действий русской армии на Дунае и русского флота в Архипелаге посвящено множество научных трудов и популярных работ, что совершенно справедливо — блестящие победы русского оружия в 1768–1774 годах заслуженно составляют славу Российского государства. Не меньше внимания уделено и внешней политике России того периода. Однако остаются в истории этой Русско-турецкой войны и существенные лакуны. Так, практически отсутствует в отечественной историографии описание деятельности Азовской флотилии, образовавшей второй морской фронт Российской империи. Большие пробелы имеются в анализе военно-морского искусства. Недостаточно отражена роль войны 1768–1774 годов в развитии русского флота. Наконец, практически не проведен сравнительный анализ русского и европейского флотов в период 1750–1770 годов.

Между тем Русско-турецкая война 1768–1774 годов стала по праву первой большой морской войной России, в которой русские воен-

© А.А. Лебедев, 2008

но-морские силы сыграли колоссальную роль. Анализу стратегических и тактических действий русского флота и их влияния на политические процессы в ходе войны и посвящена данная статья.

Несмотря на проводившуюся подготовку, начало Русско-турецкой войны все же оказалось для Российской империи несвоевременным: когда 25 сентября 1768 года Турция объявила ей войну, страна оказалась не полностью к ней готовой. К тому же Российское государство в это время уже вело боевые действия в Польше, и начавшаяся война с Османской империей создавала для страны, таким образом, второй фронт.

Однако для Турции, рассчитывавшей на быструю победу, военные действия русских войск в Польше оказались очень кстати. В частности, у Константинополя появился формальный повод к разрыву с Петербургом якобы ради защиты независимости и неделимости Польского государства.

Истинные же причины войны со стороны Турции оказались банальнее: ею двигало стремление расширить свои владения за счет Польши и украинских земель (в частности, вся верхушка духовенства Османской империи рьяно ратовала за возвращение утраченных в 1699 году Волыни и Подолии), опасения дальнейшего усиления России и, самое главное, активное подстрекательство к этому шагу со стороны французской дипломатии. Достаточно отметить, что Франция обещала Турции профинансировать ее военные действия против России.

Кстати, Франция являлась самым последовательным из числа великих держав противником Петербурга на международной арене на протяжении практически всего XVIII века. Лейтмотивом политики Парижа в отношении России было противодействие решению Петербургом любой внешнеполитической задачи и стремление к максимальному ослаблению российского влияния в европейских делах.

В идеале Версаль был бы не против низвести Россию к положению допетровской Московии. Руководитель тайной дипломатии Франции де Бройль инструктировал своих агентов: нужно

не давать России «возможность играть какую бы то ни было роль в Европе; раз так, то не следует заключать с этим двором никаких договоров. Нужно заставить его впасть в летаргический сон, и если извлекать его из этого сна, то лишь путем конвульсий, например, внутренних волнений».

Сам же король выражался еще определеннее: в своем письме послу в Петербурге Л.О. Брейтелю он излагал свою стратегию так: «Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе...». Вдобавок Людовик XV заявил: «Все, что может ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить во мрак, служит моим интересам».

Подобная позиция объяснялась тем, что Франция видела в России сильного конкурента в борьбе за гегемонию в европейских делах, а также крайне не желала ее выхода в черноморский регион и закрепления там, к чему Петербург все более активно стремился. Последнее обстоятельство вызывало у Парижа острое недовольство, ибо Франция в XVIII веке продолжала занимать первенствующее положение в Левантской торговле и оказывала заметное влияние на политику Османской империи, будучи самым давним союзником султанов.

После потери позиций в Северной Америке и Индии торговля с турками стала очень важной для французов. Купцы и промышленники Франции, а потому и ее правительство, смотрели на продвижение русских к Черному морю и создание ими угрозы турецким владениям как на серьезную опасность для собственных экономических интересов. В результате французы самым активным образом толкали турок к войне с Россией.

Между тем Россия во второй половине 1760-х годов обладала таким серьезным противовесом враждебной политике Франции, как Англия. И хотя

с нею удалось заключить только торговый договор (1766 г.), позиция Лондона благоприятствовала Петербургу. Английская дипломатия рассматривала Россию в качестве союзника в борьбе с давним недругом, способного подорвать французские позиции на Ближнем Востоке и в Турции. Посланник в Петербурге лорд Каткарт писал в 1770 году: «Она (Россия. — Авт.) должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае успеха это лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха — мы утратим лишь то, что не могли иметь».

Правда, России приходилось оглядываться на еще одного противника — Австрию, но Вена вела очень осторожную политику. Тем более что ее сковывал русско-прусский союз, заключенный в 1764 году. Таким образом, хотя международная обстановка и была для России непростой, в целом она все же благоприятствовала ей.

В результате Екатерина II с самого начала решила довести войну до победного конца, для чего развернула к ней активную подготовку. Турцию решили «подпалить с четырех углов». В этом важнейшую роль отвели военно-морским силам. Уже 4 ноября 1768 года Г.Г. Орлов внес предложение об организации экспедиции в Средиземное море. А 9 ноября А.Н. Сенявину поручили организацию Азовской флотилии для действий на Азовском и Черном морях. Так были заложены два важнейших слагаемых, позволивших России столь блестательно выиграть эту войну.

Поскольку состояние русского флота накануне Русско-турецкой войны уже рассматривалось нами в статье,

посвященной Семилетней войне*, то теперь необходимо проанализировать состояние дел во флоте Османской империи, тем более что в отечественной историографии на этот счет имеются лишь смутные представления. Между тем, общая характеристика положения в турецких военно-морских силах на протяжении 1760-х годов выглядит следующим образом: при ряде серьезных достоинств в целом оно оставляло желать многое лучшего.

В наиболее сложной ситуации находился турецкий линейный флот. Основными его недостатками являлись: невысокое качество линейных судов, низкий уровень командного состава (поскольку должности командиров в большинстве случаев покупались), слабость навыков ведения регулярных боевых действий силами подразделений флота, отсутствие слаженности и должной подготовки экипажей. Последнее во многом было связано с тем, что турецкие корабли не имели строго определенных штатов экипажей, а сами они не являлись постоянными: экипажи набирались накануне похода в гораздо большем, чем нужно, количестве (это делалось вследствие того, что при первой же возможности многие насилием взятые матросы бежали с кораблей) и, как правило, с помощью силы; постоянными на кораблях в основном были только артиллеристы.

При этом артиллерийский огонь турецких кораблей также являлся малоэффективным, чему дополнительно способствовала установка на стрельбу по рангоуту и парусам (турки все время стремились захватить добычу в результате абордажного боя).

Состояние турецкого флота на 1770 год по оценке французского агента в Турции барона Ф. де Тотта

Корабли турецкие были высоки, при самом слабом ветре черпали воду нижними батареями и представляли неприятелю много дерева, но мало выбрасываемого металла; движения их были тяжелы и снасти и блоки лопались при всяком усилии; они не имели никакой правильности в нагрузке и никакого знания в морском деле ... батареи были обыкновенно загромождены всяким хламом и повсюду орудия разнокалиберные. В таком материальном состоянии находилась тогда армада эта, и к довершению всего, управление ею поручаемо было людям в равной мере невежественным. Назначение в командиры судов было делом особой спекуляции, нисколь-

* См.: Гангут. — Вып. 48. — С. 33—54.

ко не казавшейся предосудительною. Так как многие искали этого назначения, то капудан-паша отдавал корабли тем, которые более платили за них, предоставляя им в свою очередь, продавать многие свои должности на судах, и от этого управление дошло до такого беспорядка, что морские силы Турции готовы были уничтожиться сами собою, без помощи неприятеля. Ежегодно небольшая эскадра их выходила только в летние месяцы в Архипелаг для собрания податей с жителей и притеснения их или для крейсерства против пиратов в тех водах, и потому офицеры, не привыкшие к другого рода плаванию, чужды были всякой военной дисциплины, всяких правил и не имели никаких знаний и опыта.

Принимая в расчет некоторую тенденциозность данного текста (де Тотт считал более выгодным принизить русские успехи и показать значимость начатых им преобразований), тем не менее нужно признать, что в целом показана близкая к истине картина. О серьезных изъянах турецких кораблей (таких как «неуклюжий и медлительный руль», неспособность, плохая, устарелая артиллерия, неустойчивость из-за слишком высоких бортов) и безобразных порядках на османских кораблях, сильно усугублявшихся системой продажи командных должностей, говорит в своем знаменитом труде и Е.В. Тарле.¹

Кроме того, дополнительные проблемы туркам создавало практически полное отсутствие компасов, слабое знание карт и низкий уровень состояния рангоута и парусов.²

В полной мере эту картину подтвердили и события на море 1770–1774 годов, а Русско-турецкая война 1768–1774 годов указала и на еще одно слабое место турок: большую уязвимость в ночное время. Этот момент был хорошо известен еще донским и запорожским казакам, которые постоянно использовали внезапные ночные атаки. Эта обычная практика казаков даже нашла отражение в донской поговорке «Месяц — казачье солнышко». Вот, что писал историк М.А. Алекберли относительно «особенностей поведения турок в ночное время», даже в походе: «После вечерней молитвы — пятого намаза, очень плотно поевши, они ложились спать, как в обычное время. В Турции ... издавна принято днем довольствоваться легкой пищей, а вечером есть тяжелые блюда. После еды мусульмане погружались в крепкий сон. Эта привычка из поколения в поколение превратилась в традицию».³

Однако турецкий флот имел и сильные стороны, в первую очередь заключавшиеся в развитом гребном флоте. Здесь турки имели достаточное многообразие типов судов при в целом добродушной их постройке, большой опыт плаваний при не менее значительном опыте морского разбоя экипажей этих судов.

К достоинствам турецких кораблей, как малых, так и линейных, относилось и упорное сопротивление противнику их команд: турецкий корабль было легче сжечь, чем заставить сдаться. Однако в целом на флоте дисциплина в основном держалась на страхе, в результате чего в бою турецкие корабли храбро сражались лишь до тех пор, пока в строю находился флагман.

Знали на турецком флоте и основы морской тактики, хотя об этом отечественная историография почему-то умалчивает. Об ее основных положениях сообщал еще Петру I П.А. Толстой⁴ в начале XVIII века. Однако применение ее оставляло желать много лучшего, что и продемонстрировала Русско-турецкая война 1768–1774 годов. Использование турками таких приемов, как занятие оборонительной позиции в форме построения полумесяцем, применение шахматных построений, попытки взятия «в два огня» — все это, безусловно, говорило о знаниях ими основ морской тактики, но каждый раз все эти действия заканчивались полными неудачами из-за слабой подготовки командиров и экипажей, а также низкой дисциплины.

Не менее интересны и турецкие инструкции, созданные для управления флотом. Приведем основные положения из турецкой инструкции по действиям кораблей османского флота в бою и походе, составленные П.А. Толстым и озаглавленные так:

**Порядок, надлежащий до бою, и описание урядов во время бою и в простом
шествии, как ходит флота морская турецкая**

Подобает корабль убрать к бою чисто, чтоб на все стороны свободно было с пушками обращаться, и чтоб все пеноны были изготовлены, также пушки, мушкеты и все, что к бою надлежит, всякая бы вещь была на своем месте в готовности.

У всякой пушки во управлении повинно быть единому пушкарю, двум янычарам, двум маринарам: един их набивает, другой банит.

Все бастименты таким способом к бою початок имеют, как им назначит капитан-паша, и всякое ево предложение имеет ото всех чиниться без нарушения, а ежели не будет в том покорения, то будет во время бою в бастиментах наших замещание.

П.А. Толстой —
посол России
в Османской
империи
в 1702—
1714 годах.
Художник
Г. Гзель

рных не так тяжкое дело надлежит. А тот вышереченный стражник позади реиз-капитана стоять повинен, а для познания каждой части розные им потребно дать знаки.

А когда совершенно к бою изготавятся, тогда потребно смотрить и всячески того искать, чтоб заехать от ветру или чтоб стать сверху ветра, и ежели так станут наши бастименты сверху ветру, а неприятел будет стоять под ветром, по тому может разуметься, что половина бою уже выиграно.

А во время бою изо всех пушек вдруг с единого бастимента стрелять не велеть, чтоб неприятел[ъ], то усматря, что на котором бастименту ружье все не набито, не подступил бы близко со своим заправленным ружьем и без великого труда того бастимента не згубил.

Всегда повинно быть в осторожности во время бою и стрелять ис половины пушек, а другая бы половина пушек всегда была готова, чтоб было чем боронитися от неприятеля.

Когда бы капитан-паша намерение свое возимел итти в порт, тогда ему должно поставить знак над пеноном от маистра по правую сторону, тогда за тем знаком все прочие бастименты за ним итти повинни.

И пришед на подобное место, надлежит учинить совет по окончании первого боя.

И паки по советовании могут итти внов[ъ] на неприятеля и зачать битву, обаче по совету, на котором все начальники что положат.

На прочих на всех бастиментах должно тогда быть по единому засвеченному фанарю, чтоб все бастименты в ночном плавании един от другова был виден и един з другим близко бы не сходились.

Из вышесказанного очевидно, что инструкция являлась достаточно подробной и затрагивала все основные вопросы управления. При этом подчеркивалась важность занятия наветренного положения и дисциплины в бою.

Бастименты все имеют поступать ко своему порядку, и подобает им смотрить на дело капитан-паши и на его повеление.

Когда един бастимент выступил ис своей шеренги, то мог бы учинить всей флоте великое зло

В первой части капитан-паша с десятью бастиментами, или сколько будет; во второй реиз-капитан, имея, у себя столько же бастиментов, которому надлежит стоять посреди бастиментов; в третьей части повинен стоять стражник, имея под собою ровную вышереченным двум частям бастиментов третию часть, на которых не так тяжкое дело надлежит. А тот вышереченный стражник позади реиз-капитана стоять повинен, а для познания каждой части розные им потребно дать знаки.

А когда совершенно к бою изготавятся, тогда потребно смотреть и всячески того искать, чтоб заехать от ветру или чтоб стать сверху ветра, и ежели так станут наши бастименты сверху ветру, а неприятел будет стоять под ветром, по тому может разуметься, что половина бою уже выиграно.

А во время бою изо всех пушек вдруг с единого бастимента стрелять не велеть, чтоб неприятел[ъ], то усматря, что на котором бастименту ружье все не набито, не подступил бы близко со своим заправленным ружьем и без великого труда того бастимента не згубил.

Всегда повинно быть в осторожности во время бою и стрелять ис половины пушек, а другая бы половина пушек всегда была готова, чтоб было чем боронитися от неприятеля.

Когда бы капитан-паша намерение свое возимел итти в порт, тогда ему должно поставить знак над пеноном от маистра по правую сторону, тогда за тем знаком все прочие бастименты за ним итти повинни.

И пришед на подобное место, надлежит учинить совет по окончании первого боя.

И паки по советовании могут итти внов[ъ] на неприятеля и зачать битву, обаче по совету, на котором все начальники что положат.

На прочих на всех бастиментах должно тогда быть по единому засвеченному фанарю, чтоб все бастименты в ночном плавании един от другова был виден и един з другим близко бы не сходились.

Интересно отметить следующую особенность: сами турки были слабыми моряками, но на их службе находились греки, берberы (выходцы из Алжира, Туниса и Триполи), жители Румелии, бывшие настоящими моряками и, кро-

Столкновение между галерами Мальтийского ордена, воевавшего на стороне Венеции, с турецкими кораблями в 1645 году (Чиполла К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII вв. — М., 2007)

ме греков, прекрасными пиратами Но все они при этом не очень желали служить туркам, что отрицательно сказывалось на боеспособности турецкого линейного флота.

Самыми же важными преимуществами турецкого флота считались его многочисленность⁵, действия вблизи своих баз и портов и самое главное — отсутствие какой бы то ни было угрозы от русского флота. Нужно также отметить, что турецкий флот имел в своем составе линейные корабли даже самых крупных рангов, в том числе 100-, 96- и 84-пушечные, чем он также не уступал русскому.

Однако любые преимущества и достоинства вооруженных сил Османской империи в целом и турецкого флота в частности сводились на нет низким уровнем турецкого главного командова-

ния⁶, при том, что главнокомандующим в турецкой армии являлся по должности великий везир, чуждый армии, а часто и совершенно некомпетентный в военных вопросах. И хотя в среднем уровень турецкого генералитета (пашей) был сравнительно высок (хотя в целом уступал подготовке русского командного состава), на ситуацию это влияло мало, так как большинство офицерских должностей просто покупалось. Этот недостаток очень существенно отразился на действиях турок в годы войны.

Достаточно сказать, что даже один из наиболее просвещенных турецких сановников, глава внешнеполитического ведомства Турции Ресми-ахмет-эфенди, и после Чесмы продолжал говорить о хорошем состоянии турецкого флота и случайности его гибели в Чесменской бухте.

Отрывок из книги «Рассказ Ресми-эфенди Оттоманского министра иностранных дел о семилетней борьбе Турции с Россией. 1769–1776»*

«Но по закону успехов ... с первого нападения флот из старого хлама ... уничтожил ... наш прекрасный флот (курсив наш — Авт.), столкнувшись с ним в Чешме... Но примечательнее всего следующее обстоятельство. Для порядочного флота весьма трудно провести даже одну зиму в Архипелаге. Между тем, при особом покровительстве судьбы, неприятель три года сряду, зимой и летом шатался по этим опасным водам без малейшего труда и даже нашел средства запереть Дарданеллы своей эскадрой, так что ни один наш корабль не мог выйти из пролива. Все это одна из тех редкостей, которые у историков называются ходисе-и-кубра, великим событием, потому что они выходят из порядку натуры судьбы и в три столетия раз случаются».

Про остальных же и говорить не приходится: ошибок, допущенных только в 1769–1770 годах, с избытком хватило бы на несколько проигранных войн.

Дошло даже до того, что турки предъявили претензии Венеции на пропуск русских кораблей в Средиземное море! Все вышесказанное в полной мере от-

* Издана в С.-Петербурге в 1854 году.

носилось и к командованию турецким флотом.

Дополнительно усугубляло проблему управления турецким флотом отсутствие у него полноценного боевого (не пиратского⁷) опыта (турецкие армейские командиры хотя бы имели опыт участия в боях). Кроме того, и в тех войнах и кампаниях, в которых флот участвовал, он больше терпел неудач, чем достигал побед.

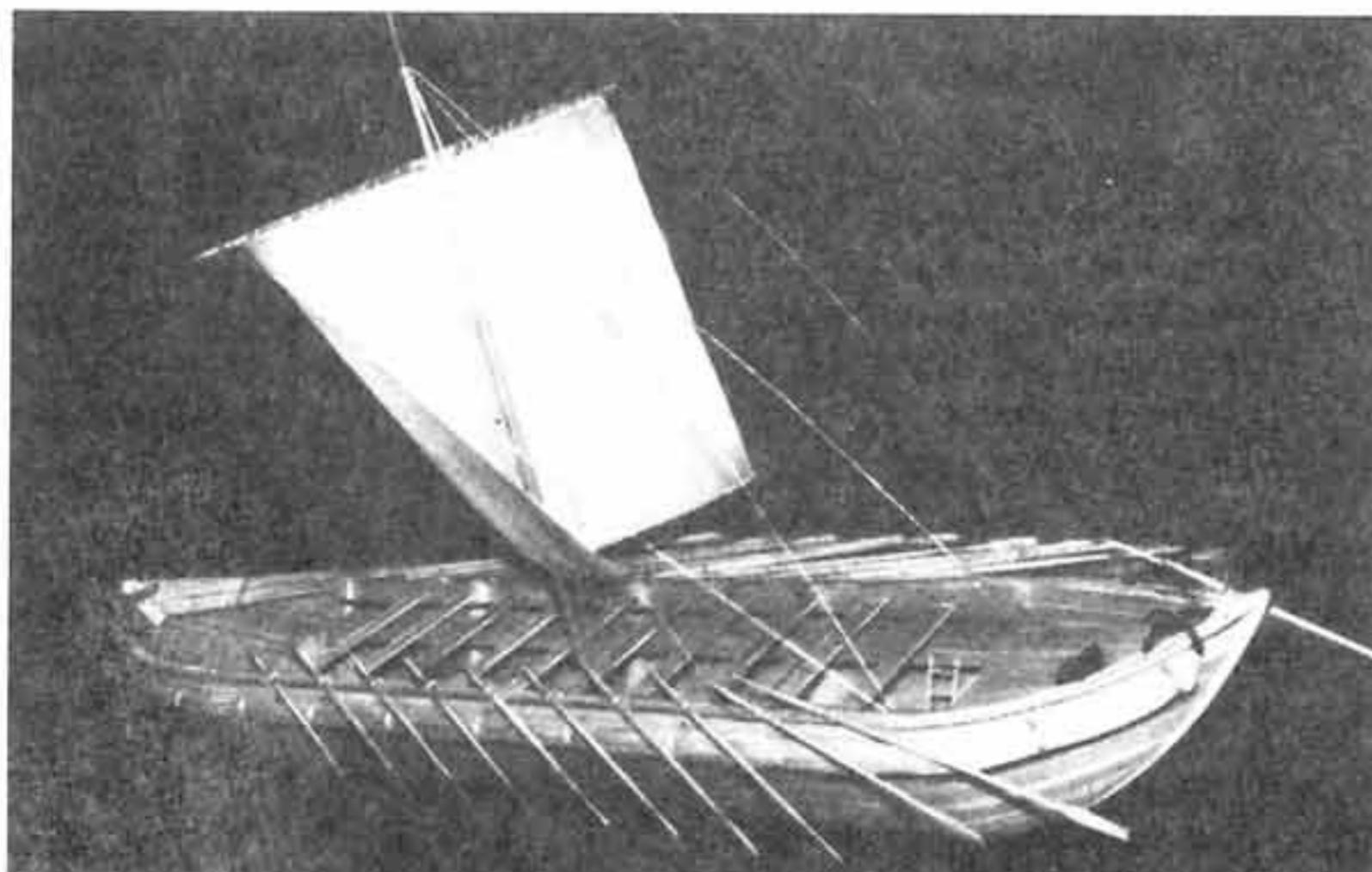
Регулярные морские действия вообще являлись ахиллесовой пятой турок. В 1571 году их большой галерный флот разбил испано-венецианский флот при Лепанто. В войне 1645–1669 годов с Венецией уже турецкий корабельный флот потерпел целый ряд крупных поражений. Так, в июне 1651 года турок, имевших более сотни кораблей, разбила венецианская эскадра из 60 кораблей. А в июле 1656 года морские силы Венеции разгромили турецкий флот у самого входа в Дарданеллы. Более того, венецианцы даже блокировали Дарданеллы и захватили ряд важнейших островов — Тенедос, Лемнос, Самофракия. Не раз в XVI–XVII веках били турок на Черном море и донские и запорожские казаки, которым дважды удалось даже нанести серьезный ущерб Константинополю.

О действиях казаков, кстати, нужно сказать несколько слов. Имея лишь небольшие суда — струги и чайки (первые вмещали по 50–80 человек,

вторые — 50–70) — они неоднократно захватывали города и крепости на Черном море (Очаков, Аккерман, Кафа, Козлов, Балаклава, Судак, Синоп, Самсун, Трабзон, Варна, предместья Константинополя) и били турок на море.

Главной формой морских походов казаков являлись стремительные и неожиданные набеги на турецкие и татарские владения. Ширина фронта гарантировала внезапность, а значит и успех. Турки находились зачастую в неведении, где ожидать казаков. Турецкий флот, численно и качественно превосходивший казацкий, вынужден был искать их вдоль всего побережья, а рассредоточенный не представлял угрозы для казаков, которые без особого труда уничтожали его по частям. Это был идеальный вариант стратегических действий, закрепить успех которых у казаков просто не хватало сил.

Не менее интересна была и тактика казаков. Г.Л. де Боплан в своих мемуарах приводит описание тактических приемов морского боя запорожских казаков. Увидав вдали вражеский корабль, они немедленно складывали мачты, замечали направление ветра и маневрировали таким образом, чтобы к вечеру солнце оказалось у них за спиной. За час до захода солнца они на всех веслах плыли к вражескому судну и останавливались примерно за милю от него, чтобы не упустить неприятеля из виду. Наконец, в полночь по сигналу устремлялись на

Предполагаемый вид запорожской чайки

Штурм казаками Кафы с моря

врага: половина казаков, готовых к бою, с нетерпением ждала абордажа и, сцепившись с турецким кораблем, в одно мгновение взбиралась на него.

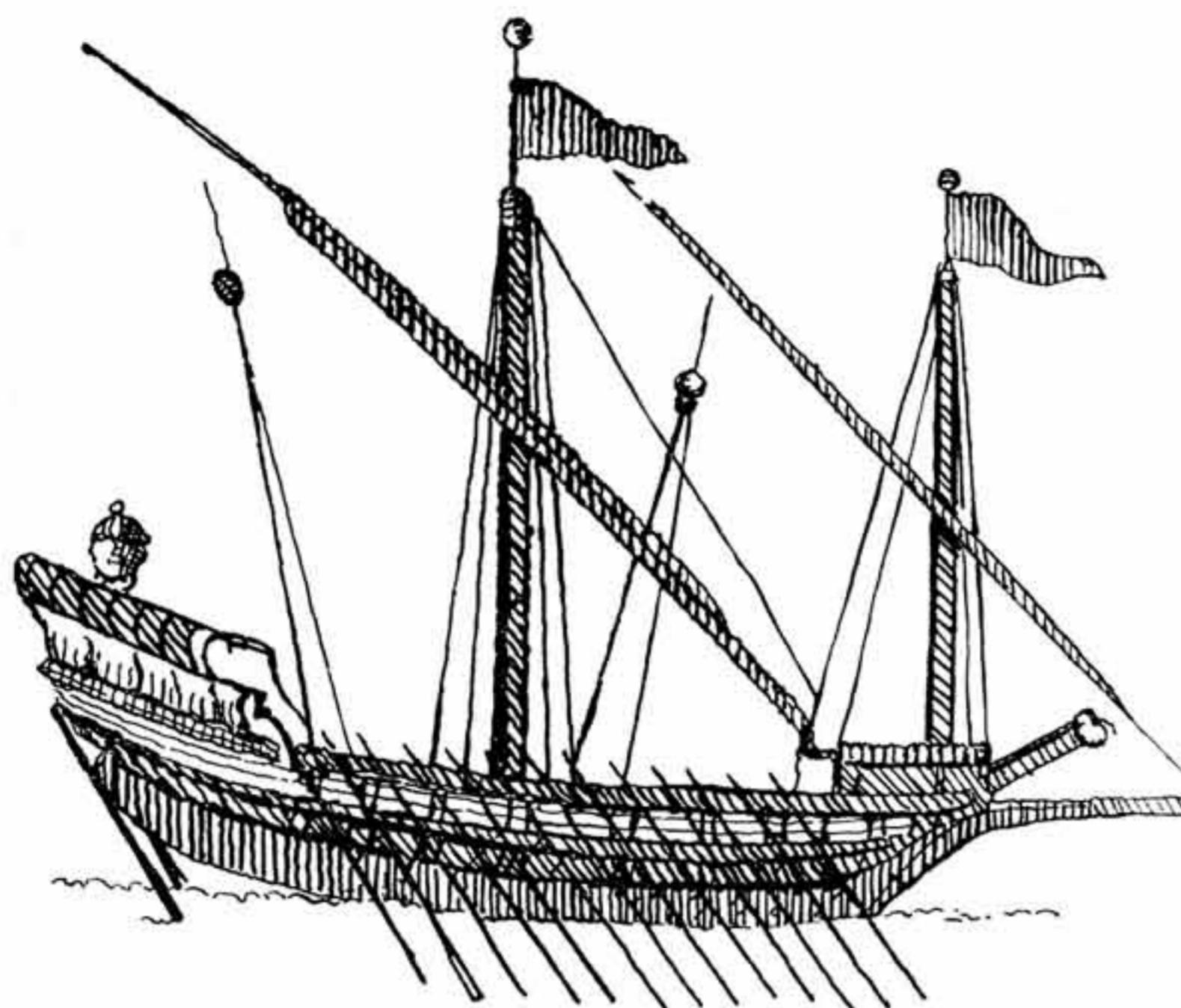
В бою с казаками, особенно при штиле, галеры становились менее поворотливы и служили хорошим объектом атаки для более подвижных казацких судов. Но если казакам не удавалось подойти к галерам для рукопашного боя, то пушки последних разгоняли их, но выражению Боплана, «как стаю скворцов». Иногда в подобных случаях казаки теряли до двух третей своих сил. Однако большинство побед все же оставалось за ними.

Более того, как справедливо отметил В.Н. Королев, дерзость казаков все время возрастала, а решимость к отпору и моральное состояние экипажей османских кораблей падали. «На море, — констатировал в 1634 году де Асколи, — они (казаки) завладевали сначала маленькими судами и, поощряемые удачей в своих предприятиях,

с каждым годом стали забирать все большие суда и в большем количестве ... ни один корабль, как бы он ни был велик и хорошо вооружен, не находится в безопасности, если, к несчастью, встретится с ними, особенно в тихую погоду. Казаки стали так отважны, что не только при равных силах, но и 20 чаек не побоятся 30 галер падишаха, как это видно ежегодно на деле...».

В результате современники так оценивали сложившуюся в XVII веке на Черном море ситуацию. Французский посол в Константинополе Филипп де Арле де Сези в 1625 году называл казаков «хозяевами Черного моря», а тайный советник шведского короля и его посол в Польше Жак Рассель в 1631 году обращался к ним как к «властелинам Днепра и Черного моря».

На основании подобных свидетельств современников многие историки XVIII–XIX веков не сомневались, что казаки временами захватывали господство на море. Так, французская

Турецкая галера
(каторга) XVII века.
Со старинного рисунка

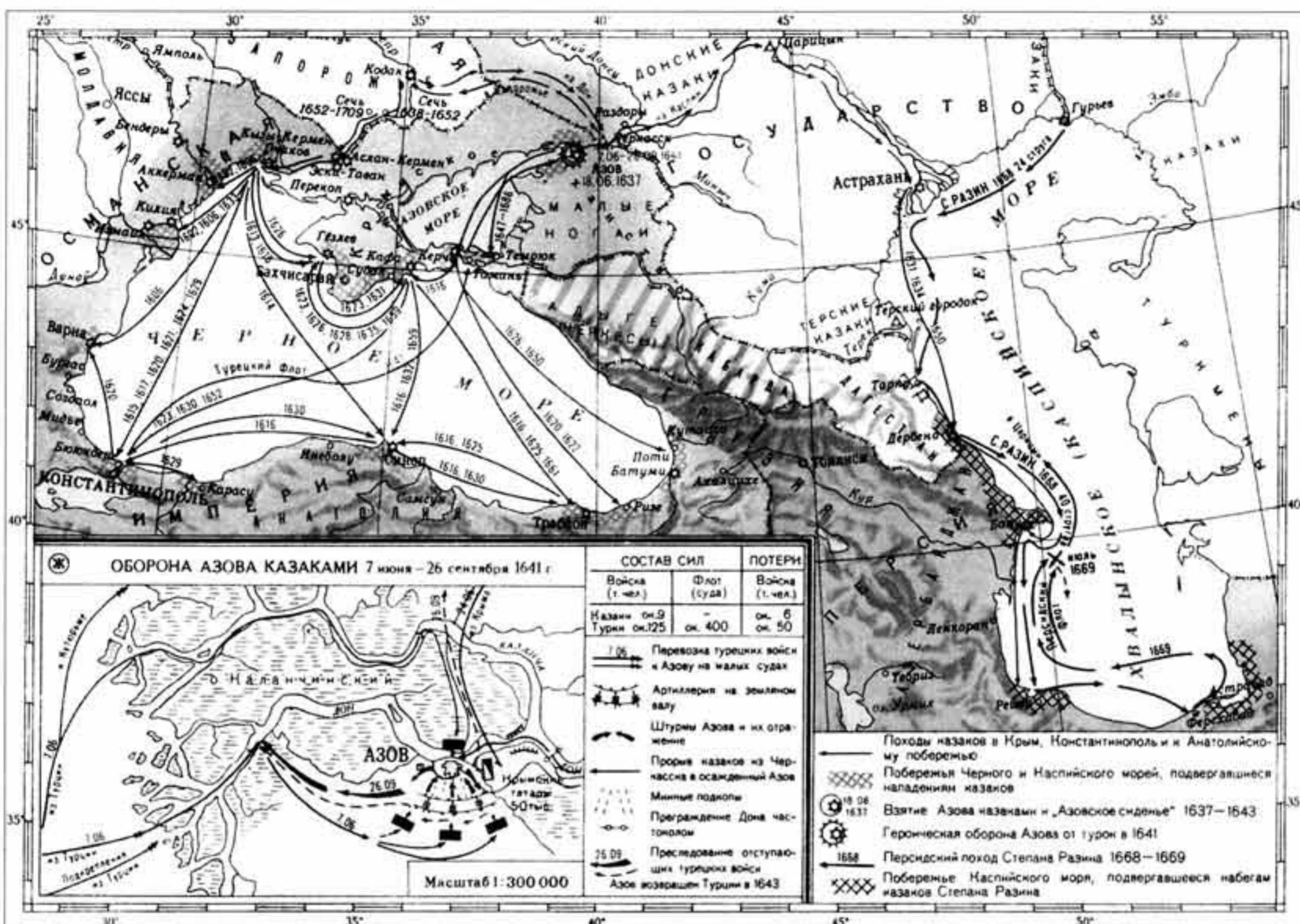
«Всеобщая история о мореходстве» указывает, что в 1614 и 1625 годах они «учинялись» «обладателями» и «совершенными обладателями» Черного моря и прекращали там свободу плавания для турецких судов.

К сходным выводам приходят и историки XX века. Д.С. Наливайко, например, считает, что «в период с 1614 по 1634 г. казаки фактически господствовали на Черном море», что в 1610 – 1620-х годах они «почти полностью завладели ... морем, и турки были бессильны защитить от них свои владения». Ю.П. Тушин же пишет, что «в XVII в. турецкий флот на Черном море вынужден был перейти к оборонительным действиям. Он уже не был в состоянии полностью контролировать мореходство и часто с трудом защищал собственные торговые суда и прибрежные города...».⁸

Вот так, даже с ограниченными силами казаки добивались колоссальных успехов, на протяжении длительных периодов осуществляя стратегический контроль над морем. Это является прекрасным примером, когда военное искусство освобождено от всяческих пут и для достижения цели используются

все возможные средства. В частности, указанная выше тактика казаков вытекала непосредственно из условий и особенностей своих и вражеских кораблей. В чужом враждебном море, побережье которого целиком принадлежало неприятелю, не обладая на его берегах постоянными базами, имея в тылу у себя вражеские крепости, казакам оставалось опираться на быстроту и внезапность действий, осуществляя, по сути, корсарскую войну.⁹ И она была полностью оправдана. К сожалению, долгое время эти успехи оставались забытыми, а следовательно практически не использовался и богатейший опыт.

Правда, в конце XVII века туркам удалось достичь некоторых успехов в развитии корабельного флота, о чем, кстати, и сообщал Петру I уже упоминаемый нами выше русский посол в Константинополе П.А. Толстой. В частности, он писал: «У турок морской флот (карабли и катоги) суть в Константинополе... и по иным местам, ныне числом вооруженных и невооруженных 30 караблей, в котором числе 2 карабля безмерного величества... (но при этом подчеркивал, что) не так способно могут у них строится карабли, как галеры...».

Карта действий донских и запорожских казаков на Черном море в XVII веке

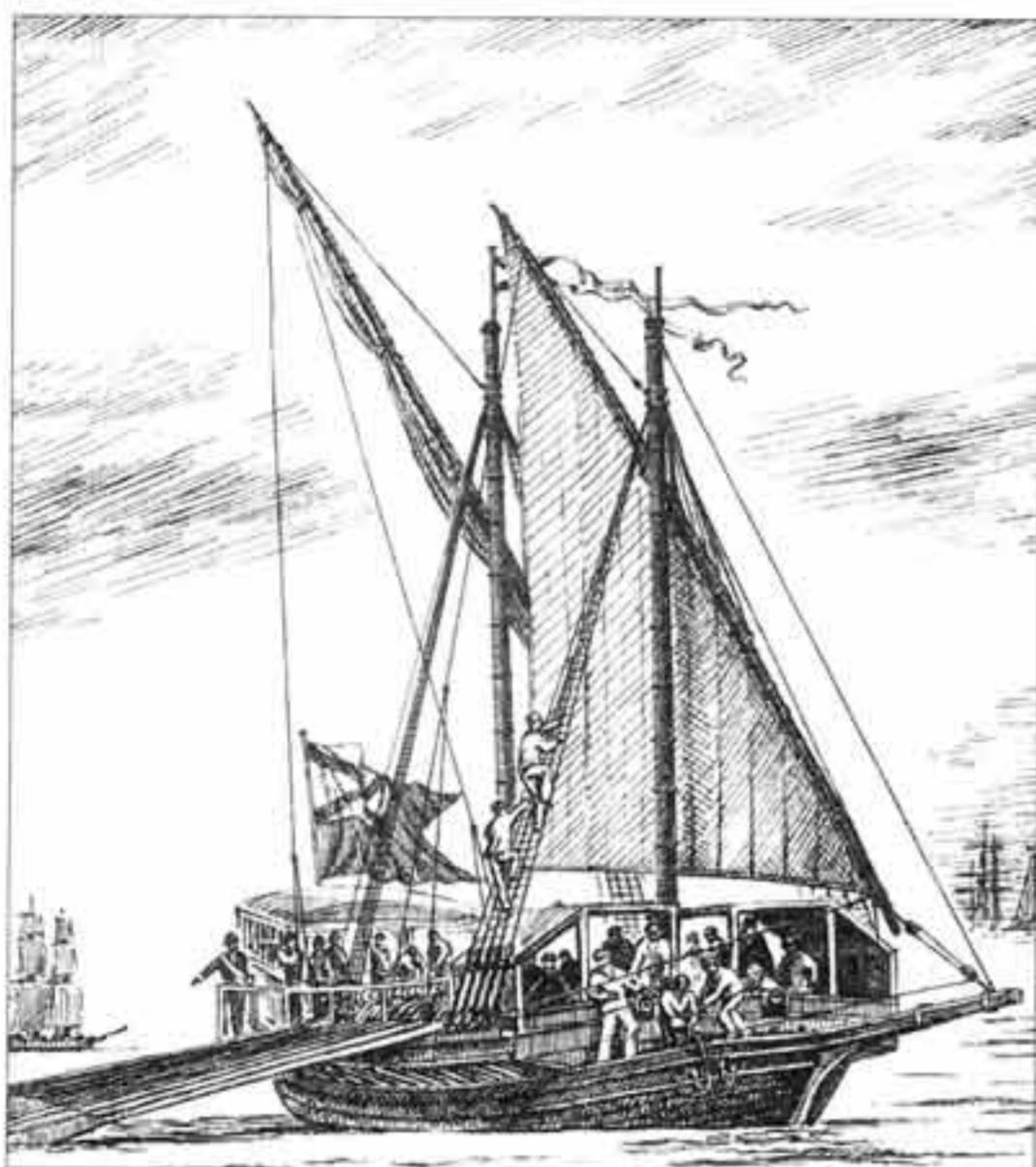
Далее же он указывал: «Суть еще из Константинополя зело искусные в поведениях и в строю морском, и глаголют, что нынешние начальные люди турецкого морского флота превзошли многим прежних в поведении свои флоты по морю и в бою на море с христианами, прежде сего трепетали слышать имени християнского на море и боялись флоты их, а ныне не имеют той мысли, которую имели прежде по морю от християн...».

Тем не менее к 1768 году последней войной, в которой турецкий флот принимал участие, оставалась Русско-турецкая война 1735–1739 годов, но она была явно специфической: туркам пришлось действовать на Азовском море против Донской флотилии П.П. Бредаля, состоящей из вооруженных лодок и ботов.

В итоге действия турецкого флота позволили сделать ряд важных выводов. Во-первых, четко проявилась присущая

туркам медлительность: им требовалось длительное время на раскачку, почему для достижения успеха в борьбе с ними на море требовались быстрота и внезапность собственных действий. Так, если в 1737 году турецкий флот появился в Азовском море, уже когда русская флотилия действовала у Арабатской стрелки, то в 1738 году он не допустил перехода флотилии П.П. Бредаля к Геничи, а в 1739 году просто заблокировал Таганрогский залив и место возможной переправы у Геничи. Во-вторых, выявила краине низкая эффективность артиллерийского огня турецких кораблей.¹⁰ И, наконец, в-третьих, турки продемонстрировали явные признаки нежелания или неумения проводить решительные операции.

Однако факт поражения Донской флотилии в противостоянии с турецким флотом, который использовал на Азовском море не только галеры и более мелкие суда, но и линейные корабли и

Скампавея Балтийского флота, построенная по «турецкому маниру» (образцу) периода 1710-х годов.

Художник А.В. Карелов

фрегаты, заставлял Россию задуматься об адекватном ответе в предстоящей войне. Военных лодок и палубных ботов для изгнания противника с Азовского и Черного морей было явно недостаточно, а отказ от опыта действий казаков в XVII веке не позволял надеяться даже на частные успехи.

Подводя же общий итог действий Турции в этой войне, отметим, что внешне легко справившись с флотилией П.П. Бредаля (правда, турки смогли лишь парализовать ее действия, а не полностью уничтожить, однако им хватило и этого), турецкое командование самоуспокоилось, полностью уверовав в свои силы, что сыграло с ним злую шутку в 1769–1771 годах.

Итак, в сентябре 1768 года Турция объявила войну России, а 4 ноября в присутствии Екатерины II на заседании Совета состоялось рассмотрение «мнения графа Григория Григорьевича Орлова», заключавшегося в предложении: «не нужно ли послать под видом вояжа в Средиземное море несколько судов, а оттуда учинить диверсию неприятелю, но чтоб сие сделано было

с согласия английского Двора». Уже через два дня на следующем заседании Совета (6 ноября) императрица «благоволила объявить свое соизволение об учреждении экспедиции, которая должна с сего числа план в действие производить». Совместными действиями флота и сухопутных сил предполагалось отвоевать у Турции острова греческого Архипелага и оттянуть туда значительную часть турецкой армии с основных театров военных действий.

Таким образом, целью Архипелагской экспедиции являлось отвлечение части турецких сил с главного театра войны, нанесение удара по противнику с тыла, используя национально-освободительное движение народов Балканского полуострова и выступления греческих повстанцев против Турции. Предполагалось, что с приходом сил флота на Средиземное море десантные отряды совместно с греческими повстанцами овладеют полуостровом Морея (Пелопоннес), который предполагалось использовать в качестве базы для средиземноморских сил.

Энтузиазм Г.Г. Орлова и Екатерины II в отношении Архипелагской экспедиции поддержал и А.Г. Орлов, совершивший осенью 1768 года поездку в Италию. Случайна была эта поездка или нет, сейчас определить практически невозможно. Но А.Г. Орлов быстро включился в игру. Вскоре он писал Г.Г. Орлову: «Я здесь нашел много людей единоверных, которые желают быть под командою нашей и служить в теперешнем случае против турков». Одновременно он написал и Екатерине II, спрашивая, не соблаговолит ли она «употребить его к службе Отечеству вместе с православными греческими и славянскими народами».

В ответ 29 января 1769 года последовал рескрипт Екатерины: «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли об учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции как на твердой ея земле, так и на островах Архипелага, а теперь, получая от вас ближайшее известие, и паче еще утверждаемся в сем мнении. А потому,

будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячемискании быть Отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем, по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовления, распоряжения и руководство всего сего подвига». Вскоре А.Г. Орлов получил 500 тыс. рублей для нужд дела, а 3 июня Екатерина пожаловала его генерал-аншефом.

Между прочим, отвечая на рескрипт императрицы от 29 января 1769 года, А.Г. Орлов также поддержал идею о посыпке эскадры. В частности, он писал: «Эскадра наша, от восьми до десяти линейных кораблей, и на которых войск наших посажено будет, великий страх причинит туркам, если достигнет до наших мест; чем скорее — тем лучше. Сыща о неисправности морской турецкой силы, о слабости их с сей стороны, надежно донести могу, что она не только великие помехи причинит им в военных приготовлениях, поделает великое разорение, но нанесет ужас всем магометанам, кураж и ободрение православным и более страшна им быть может, нежели все сухопутное войско».

Тем временем на Балтике весной 1769 года началась подготовка эскадры, получившей затем название «обшивной» (такое название вызвано тем, что корпуса всех ее кораблей снаружи обшивались дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не истощил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия»).

К 5 марта 1769 года определился состав эскадры, а 20 марта командовать ею поручили контр-адмиралу Г.А. Спиридову. В состав соединения вошли: 80-пушечный корабль «Святослав», 66-пушечные — «Трех Иерархов», «Иануарий», «Европа», «Трех Святителей», «Северный Орел» и «Св. Евстафий

Графы А.Г. Орлов-Чесменский (слева) и Г.Г. Орлов. Художник Ж.Л. де Вели

Плакида» и 34-пушечный фрегат «Надежда Благополучия», бомбардирский корабль «Гром» и шесть вспомогательных судов.*

Несмотря на напряженную деятельность, полностью эскадру подготовить не удалось. Тем не менее 19 июля 1769 года она вышла из Кронштадта.

*Адмирал
Г.А. Спиридов.
Неизвестный
художник*

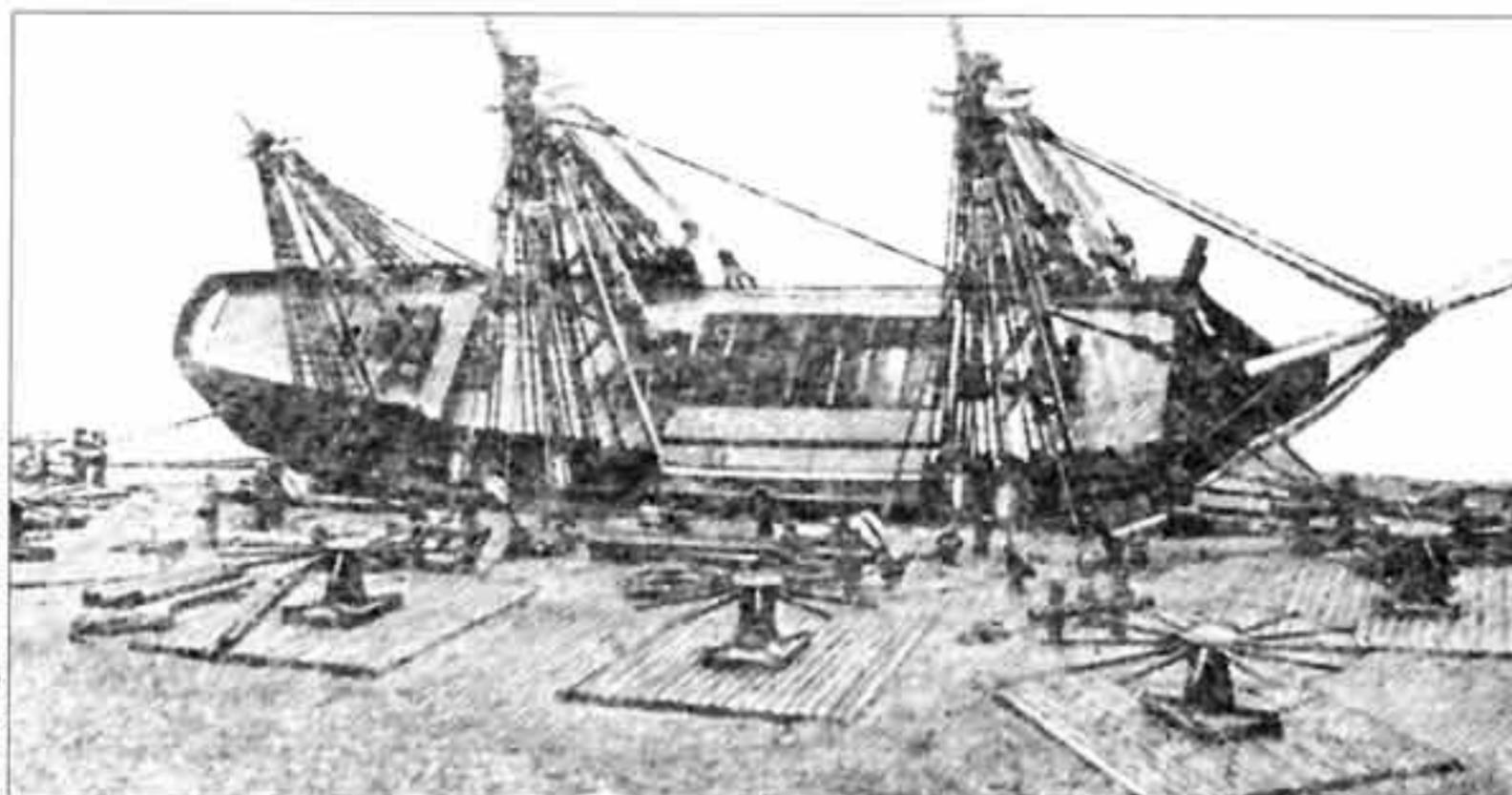

В общей сложности вместе с десантными войсками (восемь рот Кексгольмского пехотного полка и две роты артиллерии) личный состав эскадры составил 5582 человека, следствием чего стала страшная теснота на кораблях.

Здесь нужно отметить, что Г.А. Спиридов (ко времени назначения ему

* 66-пушечные корабли: «Трех Святителей» (Петра, Алексея и Ионы) — построен в Петербурге корабельным мастером Качаловым в 1763–1765 годах, разобран в 1775 году; «Трех Святителей» (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) — построен в Петербурге корабельным мастером Ульфовым в 1763–1766 годах, в документах фигурировал как «Трех Иерархов».

Из собрания ЦВММ

Модель килевания 66-пушечного корабля. Данную процедуру прошли все корабли 1-й Архипелагской эскадры в процессе подготовки к походу. Изготовлена корабельным мастером Л. Ямесом в 1766 году

исполнилось 56 лет) крайне неохотно согласился принять командование эскадрой, ссылаясь на немощность и болезни. Зная о плачевном состоянии флота, адмирал не верил в успех экспедиции. Но Екатерина II настояла на своем, присвоив ему 4 июня звание полного адмирала и официально поручив эскадру.

Адмирал С.И. Мордвинов, сыгравший важную роль в подготовке похода эскадры адмирала Г.А. Спиридова

В данном Спиридову рескрипте говорилось: «...Провести сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». А 18 июля императрица и великий князь Павел Петрович (являлся генерал-адмиралом) посетили эскадру на Кронштадтском рейде. Здесь Г.А. Спиридов был пожалован орденом Св. Александра Невского, а капитаны С.К. Грейг и И.Я. Барш произведены в капитаны бригадирского ранга. Матросам выдали месячное жалование не в зачет.

Но не только Г.А. Спиридов сомневался в успехе экспедиции. Не верили в нее ни в Париже, ни в Лондоне. Во Франции были просто убеждены, что этот поход обречен на неудачу.

Из письма французского поверенного в делах в России Россиньоли главе внешнеполитического ведомства и одновременно военному министру Франции герцогу Э.-Ф. Шуазелю

«Русская эскадра, предназначенная для оказания помощи монтенегрцам (восставшим черногорцам), готова и должна отправиться со дня на день. Она состоит из пяти военных кораблей, имеющих на борту русского генерала, только что произведенного в графы Империи (видимо, речь идет об А.Г. Орлове, но на самом деле он находился в это время в Италии. — Авт.), пятьдесят офицеров различных званий и примерно полторы тысячи войск. Погрузили, как уверяют, большое количество оружия, военного снаряжения и провианта на семь месяцев. В целом же здесь весьма плохое мнение об этой операции. Это предубеждение основано на неопытности русских моряков и на низком качестве кораблей, непригодных для столь долгого плавания...».

27 июня 1769 года

Более того, во Франции настолько уверились, что дальше Балтийского моря русская эскадра все равно не пой-

дет, что довольно долго спокойно относились к русским намерениям.

Из письма русского посланника во Франции Н.К. Хотинского главе коллегии иностранных дел России действительному тайному советнику 1-го класса Н.И. Панину

сентябрь 1769 года

«Признаюсь, что такое скромное поведение и отзывы дюка Шуазеля меня удивили, да и во всем нашел я в нем нового человека, вид его был тихий, ласковый, смиренный и больше обыкновенного учтивый. Он показался мне как будто устрашенным, и чаятельно реченная новость (о праве воспользоваться в случае надобности французскими гаванями. — Авт.) так его поразила, что он еще не опомнился, когда со мной о ней говорил. Здешнее министерство постоянно думало, что снаряжение наших эскадр останется столь же бесплодным, как и датских кораблей: погулявши по Балтийскому морю и давши этим сильную острястку шведам, возвратятся домой».

Англия, заинтересованная в сближении с Россией против Франции и решившая поддержать этот переход,

также не очень верила в его благополучный исход.

Из сообщения английского посла в Санкт-Петербурге лорда Каткарта

1770 год

«Стремление довести до значительных размеров морские силы России может быть выполнено лишь с помощью и содействием Англии, а никак не иначе. Но невозможно, чтобы Россия сделалась соперницей, способной внушить нам зависть, ни как торговая, ни как военная морская держава. По этой причине я всегда рассматривал подобные виды России весьма для нас счастливыми, ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае ее успеха успех этот лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха — мы утратим лишь то, чего не могли иметь».

Тем не менее, когда И.Г. Чернышев в конце августа 1769 г. сообщил Рошфору (руководившему внешней политикой Англии в это время) о походе эскадры Спиридова, тот воскликнул: «Какое смелое предприятие! Как бы я желал, чтобы мы были теперь в войне с Франциею: два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!».

Следует также отметить, что в целом подготовка экспедиции осущест-

влялась достаточно скрытно и известие о выходе русской эскадры в Средиземное море стало полной неожиданностью для французского правительства (в частности, подготовка к переходу кораблей в Средиземное море проводилась под видом приготовлений к обычному практическому плаванию в Балтийском море). Итак, первый поход русского флота за пределы Балтийского моря начался.

Продолжение следует

Примечания

¹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Избранные сочинения в IV томах. — Том четвертый. — Ростов-на-Дону, 1994. — С. 14–15. Как отмечает Тарле, уже после войны 1768–1774 гг. французы признавались, «что им не удалось в борьбе против России два дела: научить поляков военной дисциплине и убедить турок, что на военных кораблях командовать должен не тот, кто больше уплатит капудан-паше и его клеветам за получение этой должности, а тот, кто более ее достоин».

² Посланник России в Константинополе А.М. Обресков, говоря о турецких торговых судах, плававших на Черном море в 1760-х годах, особенно останавливался на их «худой оснастке

и неразумению рейзов, или кормщиков». Так, сделанные непропорционально большими, а самое главное, не из парусины, а из хлопчатой бумаги, паруса во время дождя быстро намокали, вследствие чего становились тяжелыми и малоподвижными. Что же касается шкиперов, то о них Обресков писал следующее: «Рейзы же, или кормщики, навигации в теории не обучены, а ездят и управляют через экспериментацию... к тому же и компаса при себе не имеют, чего ради принуждены всегда берега моря в виду иметь, а когда в таком состоянии ветры к берегу подуют, то, по неспособности величины парусов и за происходимою конфузиею, море держать никак не могут, но как наискорее ищут, когда не могут в какой порт попасть, на мель стать и тем живот свой спасти...». Вывод был очевиден: торговля на таких парусных судах на Черном море невозможна. Однако все указанные проблемы относились в полной мере и к турецкому военно-морскому флоту.

³ Королев В.Н. Босфорская война. — М., 2007. — С. 237. До какого уровня уязвимости опускались турки, может свидетельствовать следующий эпизод. В 1788 г. находившийся на русской службе П. Джонс на казачьей лодке смог подойти в ночное время к турецкому флоту у Очакова и написать на флагманском корабле: «Сжечь, Поль Джонс»!

⁴ Толстой Петр Андреевич (1645–1729), граф, дипломат. В конце 1701 г. назначен посланником в Константинополь, где и пробыл до 1714 г.

⁵ Только на Черном море в начале войны турки могли выставить около 250 судов, в том числе 9 линейных кораблей и фрегатов; всего же линейных кораблей по подсчету на 1770 г. у турок было около 26.

⁶ Исследователь Н.А. Смирнов даже подчеркивает: «Турецким войскам нельзя было отказать в храбости, выносливости, фанатичном пренебрежении к смерти, в стойкости. Но все эти ценнейшие качества могли бы дать гораздо больший эффект, если бы высшее командование стояло на должной высоте».

⁷ Что касается пиратских действий, то здесь турки имели очень богатый опыт.

⁸ Королев В.Н. Босфорская война. — С. 30.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Во всех эпизодах использования турецкими кораблями артиллерийского огня в 1737–1738 гг. они ни разу не нанесли русским никакого ущерба. Кстати, это совершенно не случайно. Итальянский миссионер ди Сиена оставил в 1655 г. любопытный анализ турецкого флота, указав, в частности, и на то, что турки эффективно использовали артиллерию только в осадных операциях, а в военно-морских сражениях они в основном полагались на тактику абордажа и тарана. Вот, что он писал: «Турки мало используют артиллерию, и, как мне представляется, она их не интересует и не имеет в глазах их ценности — разве только для осадных операций. В морских сражениях они целиком полагаются на абордаж и таран. В любой схватке они стремятся как можно скорее протаранить корабль противника, надеясь на свое численное преимущество. Немногие орудия, которые они все же установили на своих кораблях, куда чаще стреляют каменными ядрами, чем железными». Чиполла К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII вв. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М., 2007. — С. 138.

В 1807 же году Д.Н. Сенявин подвел окончательный итог опыту артиллерийских противостояний русских и турецких кораблей, сформулировав его так: «чем ближе к неприятелю (имеются в виду турецкие корабли), тем от него менее вреда».

Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов

А.А. Лебедев

Переход русских кораблей с Балтики в Средиземное море. Художник И. Родионов.

19 июля 1769 года начался первый поход русского флота за пределы Балтийского моря. Каким же тяжелым он оказался! Сразу всплыли все проблемы: старость и ненадежность многих кораблей, низкое качество такелажа и парусов, распространение болезней среди личного состава (только за первые два сравнительно теплых месяца Г.А. Спиридов потерял около 100 человек умершими и 500 больными!) и так далее.

Уже в августе линейные корабли «Св. Евстафий Плакида» и «Святослав» из-за неисправностей вернулись в Ревель для ремонта. 16 сентября одно вспомогательное судно разбилось у берегов Швеции. Вместо «Святослава» в состав находившейся в Копенгагене

* Продолжение. Начало см.: Гангут. — Вып. 49.
© А.А. Лебедев, 2008

эскадры включили «Ростислав», прибывший из Архангельска («Святослав» после ремонта вошел во вторую эскадру). В свою очередь, «Св. Евстафий Плакида» позднее вновь присоединился к эскадре Г.А. Спиридова, также в столице Дании.

Большей части эскадры из-за значительного числа больных на борту пришлось 23 сентября зайти в Гулль, где она простояла до октября. «Ростислав» и два малых судна стали на ремонт в Портсмуте. В итоге из английских портов русские корабли выходили уже

не единым соединением, а по мере готовности к плаванию.

О состоянии русских моряков эскадры Г.А. Спиридова писал русский посланник в Копенгагене М.М. Философов, отмечая слабость адмирала, пьянство большинства офицеров, полное расстройство управления эскадрой.

После перехода в Англию Г.А. Спиридов вообще упал духом: абсолютная неготовность русского флота к дальней экспедиции стала совершенно очевидной.

Из письма русского посла в Великобритании графа И.Г. Чернышева императрице Екатерине II

«Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтоб оные лучше быть не могли ... Более всего неприятно мне было его видеть самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободрением его и хвалю всего того, что уже сделал, ибо поправить было неможено, разговором с матросами и солдатами, объездом на все корабли, сколько можно, поправить старался. Унылость его произошла от встретившихся препон в плавании, которые то ускорить не даволяли, чьему главная причина — великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек, с слабыми же и более 800, однако умирает благостию Божией мало, ибо со времени отправления на всей эскадре, состоящей более 5000, умерло с 40 человек.

Все по большей части больны поносами и флюсфиберами, чьему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа состоит из рекрут, которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев, как только союху покинули и не токмо к морю и к качке судна, но и к пище нимало привычки не сделали; 2) изнурены были при вооружении флота великими работами и употреблением малой предосторожности в мешании вышедших больных из госпиталя с здоровыми рекрутами, отчего последние все почти по очереди перехворали; 3) от излишнего экипажа великая теснота на кораблях. От стояния на якоре и от употреблении зелени и свежего мяса оправляются уже начинают».

И не случайно Екатерина II чуть ли не с мольбами требовала продолжения похода, взывая к чувству гордости. Она писала Г.А. Спиридову: «Когда вы в пути съедите всю провизию, тогда вся ваша экспедиция обратится в стыд и бесславие ваше и мое... Прошу вас для самого бога, соберите силы душевые и не допускайте посрамления пред целым светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит».

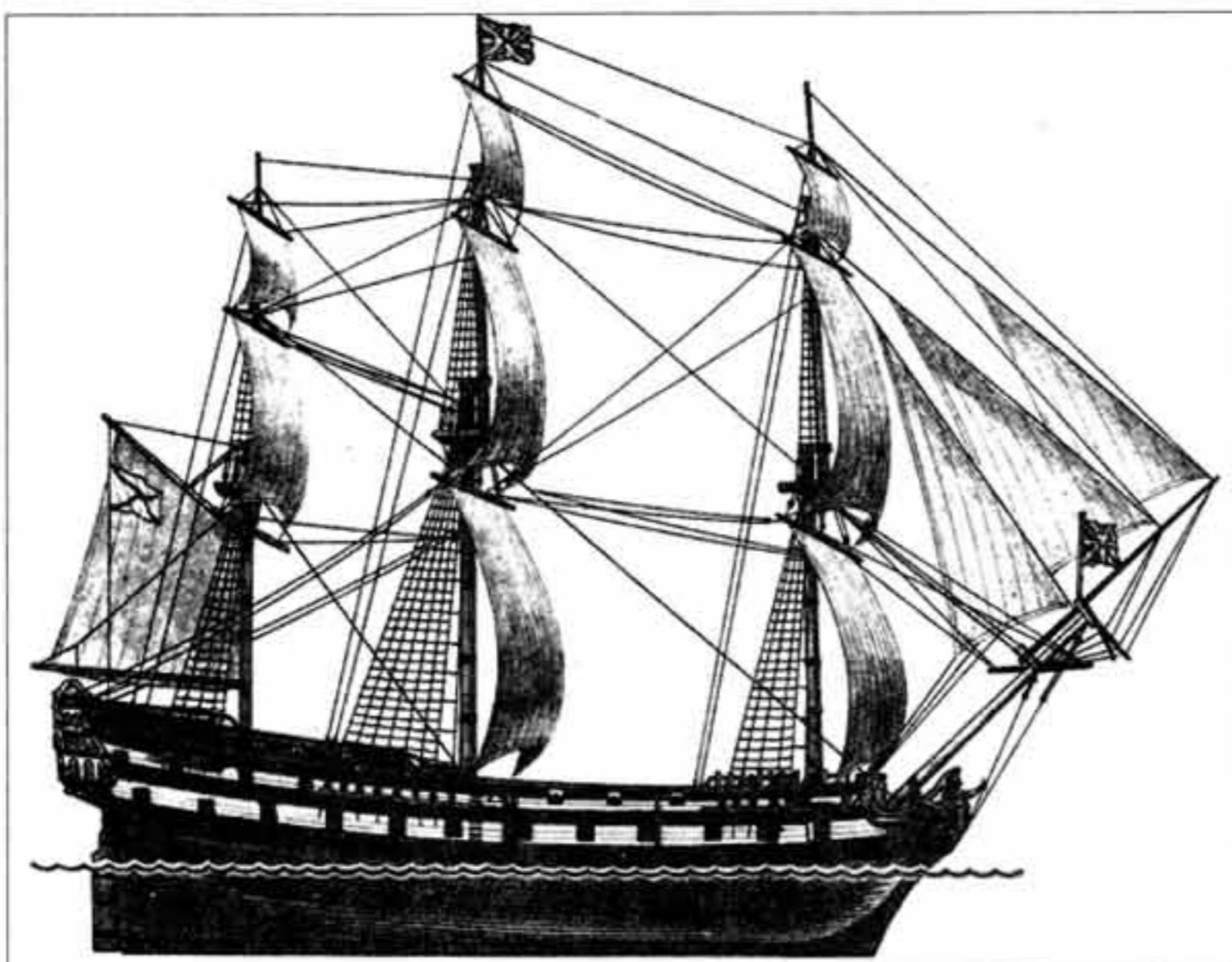
В результате напряженных усилий к концу декабря 1769 года в Порт-

Магоне на о. Менорка собрались четыре 66-пушечных корабля («Св. Евстафий Плакида», «Трех Иерархов», «Трех Святителей», «Иануарий»), 34-пушечный фрегат («Надежда Благополучия») и столько же мелких судна. Но на них умерло 332 человека и имелось 313 больных!¹ Остальные корабли эскадры Спиридова пришли в Средиземное море уже в 1770 году.

Не лучшую оценку русским кораблям дал и А.Г. Орлов, когда увидел их в начале февраля 1770 года в Ливорно.

Из письма графа А.Г. Орлова императрице Екатерине II

«Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурных обстоятельств в оной службе, так: великое упущение, незнание и нерадение офицерское и лень, неоп-

Линейный корабль
«Трех Иерархов»
(Дыгало В.
История корабля. —
М., 1991)

рятность всех людей морских, волосы дыбом поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать свои недостатки и замазывать гнилое красками. Дошли до того, что ни провианту, ни денег у себя ничего не имеют. Признаться должно, что есть ли бы все службы были в таком порядке и незнании, как и эта морская, то беднейшее было (бы) наше отечество ... Таковы-то наши суда, если б мы не с турками имели дело, всех бы легко передавили, не нужно б было много с ними драться, а только за ними гнаться, они бы из гавани не выходили по незнанию офицеров. Я расспрашивал офицеров о барбарейских, не имели ли они случая где ни на есть с ними свидеться? Со вздохом отвечали: благодарим Господа, что они в такую погоду не ходят! Я от сердца смеялся и, рассказав им допрямо обо всем, притом стыдя их — так низко мыслить не годится российским офицерам и воинам, говорил. Недостаток есть велик в лекарях и их помощниках, я старюсь их приискивать. Я намерен всеми способами домогаться, чтоб все морские убытки возвратить».

В ответ Екатерина II написала: «Что же делать, впредь умнее будут. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

Таким образом, переход эскадры Г.А. Спиридова в Средиземное море выяснил серьезные (читай: и старые) проблемы русского флота и подтвердил необходимость достижения высокой готовности в мирное время, чего отечественные флагманы никак не могли добиться.

Поход русских кораблей показал и то громадное влияние, которое военно-морской флот оказывает на междуна-

родные отношения, ибо политическая обстановка вокруг эскадры Г.А. Спиридова была не менее сложной, чем условия ее перехода вокруг Европы.

И здесь нужно отдать должное Англии. Она не только предоставила ей право заходить в свои порты, нанимать английских моряков, а английским подданным заниматься ее снабжением, но и не допустила вмешательства Франции, которая, осознав последствия появления русских кораблей в Средиземном море, была готова на многое, чтобы помешать этому. Но когда глава внешнеполитического ведомства и одновременно военный министр герцог Этьен-Франсуа Шуазель предложил британскому кабинету не пропустить

русских через Гибралтар, Георг III распорядился ответить на это, что «атаковать русский флот означало бы атаковать Англию».

После такого ответа Людовик XV нападать на эскадру Г.А. Спиридова не решился и отверг предложение Э.-Ф. Шуазеля сделать это. Более того, Париж даже разрешил русским воспользоваться своими портами, правда, одновременно в порт мог зайти только один русский корабль. Таким образом, единственное, что сделала Франция, это поспешила уведомить Турцию о появлении русского флота в Средиземном море, что, по замечанию историка А.Д. Новичева, вызвало шок в Константинополе.

Между тем 9 октября 1769 года в Средиземное море направилась вторая эскадра под командованием принятого на русскую службу контр-адмирала английского флота Д. Эльфинстона. Она состояла из одного 80-пушечного корабля («Святослав»), трех 66-пушечных («Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь»), двух 32-пушечных фрегатов («Надежда» и «Африка») и двух вспомогательных судов. В отличие от эскадры Г.А. Спиридова, ее задача была сформулирована так: «главный предмет сей вашей экспедиции должен состоять в том, чтобы воспрепятствовать и пресекать торговлю хлебного пропитания в Царьград из Египта и других мест, как и всю собственную под турецким флагом производимую навигацию и морскую торговлю, на тех проходах, где находится будите».

При этом Д. Эльфинстон получал независимость от Г.А. Спиридова, но подчинялся А.Г. Орлову, которому вначале должен был перебросить в Морею подкрепления. Таким образом, Петербург совершил намечаемое еще при отправке эскадры Г.А. Спиридова расширение задач Архипелагской экспедиции, выделив силы для действий и против территории самой Османской империи, которые должны были нарушить как снабжение ее столицы, так и ее морскую торговлю в целом.²

Шаг, безусловно, правильный. Но остались и вопросы:

- 1) почему Петербург так затянул с началом морской войны против Турции;
- 2) почему Д. Эльфинстону выделили столь ограниченные силы, с учетом обширного района предстоящих действий и такой большой цели, при том еще, что линейные корабли русской эскадры не совсем подходили для крейсерских операций;
- 3) почему совершенно не рассматривалась возможность противодействия турецкого флота, который, по опыту, был достаточно многочисленным, с учетом чего имевшиеся у Д. Эльфинстона силы оказывались мизерными.

Кроме того, стоит отметить, что в отношении ведения крейсерской войны Д. Эльфинстону предписывалось поступать согласно принципам, уже сформулированным Екатериной II в рескрипте А.Г. Орлову от 11 августа 1769 года, где значился запрет на борьбу как с мореплаванием «турецких подданных христианского исповедания», так и еще более против европейских торговых судов.

Переход эскадры Д. Эльфинстона также получился очень сложным. В финских шхерах разбилось вспомогательное судно «Чичагов». «Тверь», потеряв грот-мачту, вернулся в Ревель. На некоторых кораблях появилась течь. Так, на флагманском «Не тронь меня» уровень воды в трюме достигал 1,52 м, а на «Саратове» — 2,74 м!

Более того, уже в Копенгагене Д. Эльфинстону пришлось заново переконопатить суда. В итоге только с 23 декабря 1769 года корабли начали прибывать в Портсмут (последний пришел 19 января 1770 г.), где сразу же становились на серьезный ремонт.

На случае с кораблем «Тверь» необходимо остановиться отдельно. Будучи совсем новым (спущен на воду в 1765 г.), он 13 октября во время шторма на Балтике получил, как отмечалось, повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно. На следующий день у него сломались и упали в море фок-мачта и грот-мачта и треснула биzanь, и «Тверь» едва дошел до Ревеля. Корабль отремонтировали, но вскоре

Русский флот
у крепости Корон.
1770 год

выяснилось, что он не в состоянии плавать даже в прибрежных водах Балтики, и в 1776 году его разобрали в Кронштадте.

Этот пример хорошо иллюстрирует качество кораблей, которые строились в начале царствования Екатерины. Кстати, все корабли постройки до 1761 года вообще не могли идти в Средиземное море по ветхости. Кроме того, виновным в поломке мачт оказался также командир «Твери», что отражало ситуацию и с личным составом русского флота. В итоге, капитана 1 ранга П. Игнатьева по решению военного суда лишили чинов «за дурное утверждение мачт», а равно и за то, что не употребил всех средств, чтобы идти под фальшивым вооружением в Копенгаген. Но Екатерина II смягчила его участь и только отставила от службы.

Между тем в конце января 1770 года адмирал Г.А. Спиридов подошел к берегам полуострова Морея и 17 февраля в бухте Виттуло высадил два десантных отряда (капитана Баркова и князя П. Долгорукова). С помощью восставших греков они овладели крепостями Миstras и Аркадия, и восстание в Морее начало разрастаться.

Тем временем, в связи с очевидной необходимостью обладания надежной гаванью для флота, Г.А. Спиридов и Ф.Г. Орлов предприняли попытку

завладеть крепостью Корон, высадив 1 марта у нее десант и приступив к осаде. Однако внезапности уже не получилось. Турки успели перебросить туда подкрепления, а у Г.А. Спиридова, в свою очередь, катастрофически не хватало сил.

Тогда, в рамках выполнения той же задачи, Г.А. Спиридов и Ф.Г. Орлов решили попытаться стремительным броском захватить Наварин, что и удалось осуществить благодаря скординированным действиям десантного отряда П. Долгорукова и отряда кораблей бригадира морской артиллерии И.А. Ганнибала. После краткосрочной осады 10 апреля 1770 года комендант сдал крепость. Это был важный успех, поскольку русский флот в Архипелаге получил удобную гавань.

Далее прибывший к эскадре А.Г. Орлов, видя бесперспективность осады Корона, свернул ее в середине апреля, но взамен бросил силы на взятие другой крепости — Модон, хотя в этот момент были уже очевидны как нехватка русских сил, так и ненадежность греков.

Тем временем обеспокоенное действиями русского флота и десантных отрядов в Морее османское правительство поспешило снять часть своих войск с Дунайского театра и перебросить их в Средиземноморье. Одновременно

к берегам Мореи подошел турецкий флот. В итоге турки постепенно справились с восстанием и, оставив за русскими лишь город и Наваринский порт, собрали значительные сухопутные силы в Модоне. По прибытии же флота в Наполи-ди-Романью они предполагали направить его вокруг Мореи для удара по Наварину, с одновременной атакой его и с суши.

Выяснив, что силы русских в Наварине состояли лишь из пяти линейных кораблей, фрегата и нескольких мелких судов, командующий турецким флотом немедленно оставил Наполи-ди-Романью, лелея надежду напасть на русскую эскадру врасплох, во время амбаркации больных и раненых, также орудий и артиллерийских припасов, которые в Наварине были свезены на берег. Таким образом, план турок выглядел довольно неплохо.

Но, выйдя из Наполи-ди-Романьи, Хасан-паша встретил пришедшую наконец в начале мая в Архипелаг эскадру Д. Эльфинстона и, по всей видимости, растерялся. Он стал подозревать, что ему изменили лазутчики, дав ложные известия о русском флоте. Принимая фрегаты и транспорты Д. Эльфинстона за линейные корабли, он решил, что шпионы обманули его также и насчет русской эскадры.

С.К. Грейг писал, что именно это, а не проведенная Д. Эльфинстоном 16 мая 1770 года атака неприятеля, вероятно, и стала причиной внезапного отступления турок в Наполи-ди-Романию. Что же касается самих событий того дня, то они происходили так: Д. Эльфинстон, обнаружив противника и будучи на ветре, без каких-либо перестроений, с ходу атаковал его, и тот, как говорилось выше, стал отходить под защиту крепости Наполи-ди-Романья. Русские начали преследование, ведя непрерывный огонь. Но вскоре ветер стих, и турки с помощью гребных судов сумели оторваться от них.

На рассвете 17 мая все турецкие корабли уже находились под защитой береговых батарей Наполи-ди-Романьи и стояли на шпрингах бортами к эскадре Д. Эльфинстона. Последняя же, постро-

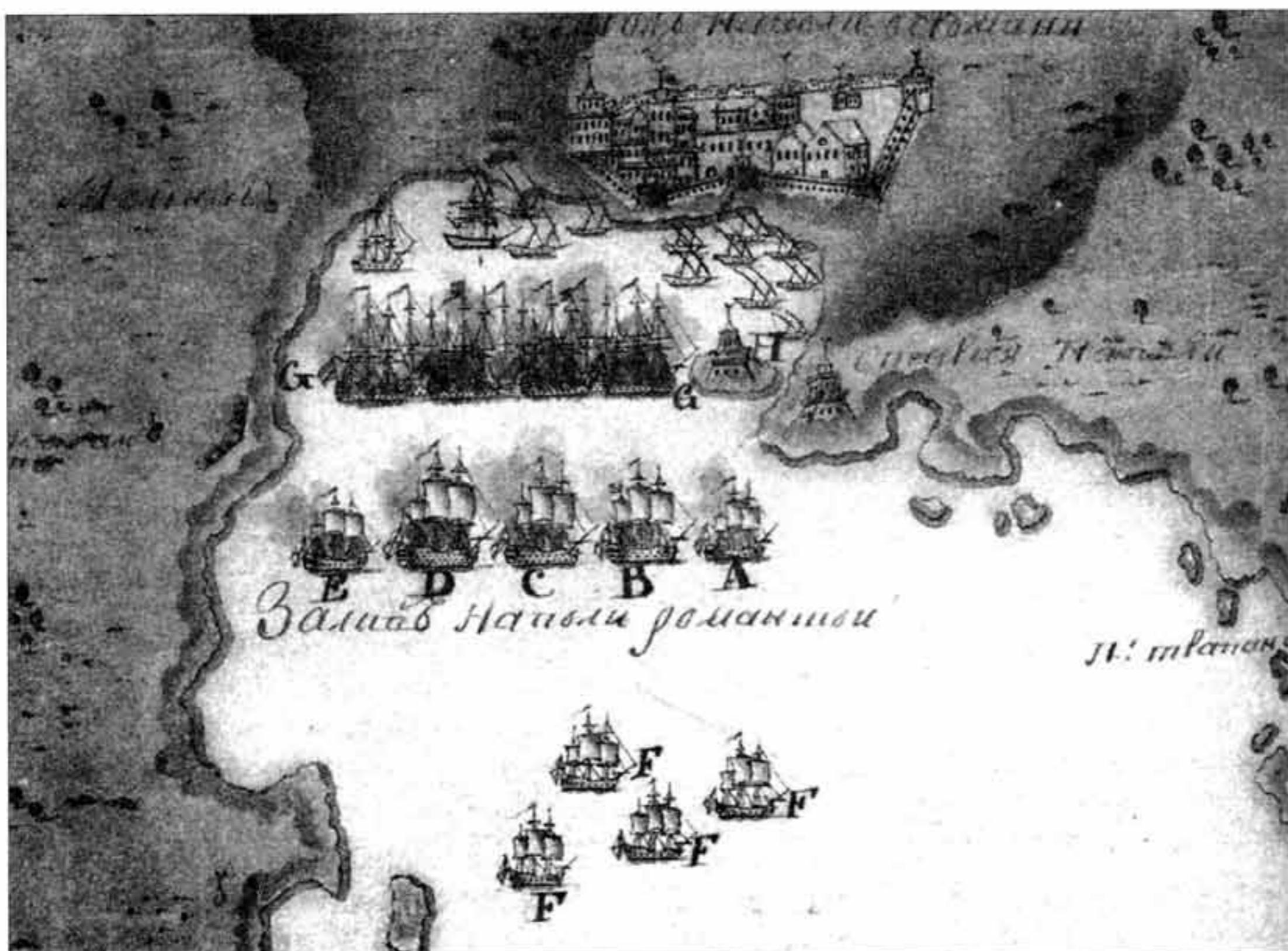
ившись в линию батальи, направилась к туркам, но когда противники уже открыли огонь, ветер вновь стих, и русские корабли стало течением прижимать к внутренней части залива. Заметив это, Д. Эльфинстон приказал выйти из залива, но корабли уже потеряли ход. Пришлось стать на якоря и шпринги и, повернувшись к неприятелю бортами, продолжить сражение на дистанции предельного выстрела, что, кстати, во многом и спасло русскую эскадру. Увидев, что в ней всего три линейных корабля, Хасан-паша решил атаковать ее, но наступивший штиль задержал атаку.

Но как только ветер установился снова и русские корабли, обрубив якорные канаты, стали уходить из залива, турки сразу последовали за ними. Однако, обнаружив при выходе, что Д. Эльфинстон серьезно усилился пошедшими кораблями Г.А. Спиридова, они снова отошли.

Появление Г.А. Спиридова было вызвано следующими обстоятельствами. Уже в начале мая, видя неудачу своих действий в Морее (осада Модона провалилась, турки накапливались против Наварина, а восстание греков шло на убыль) и понимая, что без победы над неприятельским флотом ее не отрежешь от Турции, А.Г. Орлов собрался было его искать.

Однако, узнав о приходе Д. Эльфинстона и о высадке им десанта в Рупине, пункте, откуда тот не мог самостоятельно добраться до Наварина, поменял решение. Теперь уже Г.А. Спиридов с кораблями «Св. Евстафий Плачива», «Св. Иануарий», «Трех Святителей» и «Европа» и фрегатом «Св. Николай» должен был забрать высаженные войска, после чего соединившись с Д. Эльфинстоном, найти турецкий флот и дать ему бой. Иными словами, наконец-таки удалось выбрать правильное направление дальнейших действий. Но опять, к сожалению, без концентрации всех сил.

Между тем, события 16–17 мая 1770 года у Наполи-ди-Романьи показали два важных момента. Во-первых, что турки, мягко говоря, не слишком верят в себя, а во-вторых, что артиллерийский

Фрагмент плана боя эскадры Д. Эльфинстона в заливе Наполи-ди-Романи.
(Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. — СПб., 2007)

огонь их кораблей по-прежнему малоэффективен. Так, участник тех событий командир «Трех Святителей» капитан 1 ранга С.П. Хметевский отмечал, что турецкая артиллерия была «неисправна» и «с многими недостатками». Описал он и особенность турецкой стрельбы: «палят не часто и не горизонтально, и больше бьют по стенкам, нежели в корпус корабля».³ Правда, сбить ни одной стеньги в эскадре Д. Эльфинстона они так и не смогли.

Подводя же общий итог, укажем, что, вступив в бой с превосходящими силами противника, Д. Эльфинстон поставил под угрозу судьбу всей экспедиции. И хотя он сумел своевременно выйти из залива, ее судьба висела на волоске: турки имели десять линейных кораблей и пять фрегатов. Только своевременное прибытие Г.А. Спиридова и спасло положение, поскольку Хасан-паша вновь растерялся,

обнаружив, выйдя из залива, что русские силы получили подкрепление.

Эти события продемонстрировали, насколько важна координация в управлении. Авантура Д. Эльфинстона едва не поставила точку на всей экспедиции. Однако нельзя не отметить и того, что его действия развалили турецкий план и серьезно подорвали боевой пыл неприятеля.

Между тем, турки стали уходить в Эгейское море. Объединенная русская эскадра предприняла преследование, которое 24 мая вылилось в погоню в районе острова Специя. Корабли Д. Эльфинстона, вышедшие недавно из дока и еще не обросшие, на значительное расстояние опередили соединение Г.А. Спиридова. Сверх того, Григорий Андреевич около 2 ч пополудни, несмотря на то, что неприятель находился еще далеко, начал перестроение своих кораблей в линию баталии,

отчего существенно отстал от эскадры Д. Эльфинстона. И хотя Г.А. Спиридов продолжал спускаться, он потерял много времени на построение линии, и при стихавшем ветре ни один из его кораблей не смог подойти к неприятельскому флоту.

В то же время Д. Эльфинстон повторил своей эскадре сигнал общей погони и поэтому около 6 ч вечера его передовые корабли «Саратов» и «Не тронь меня» подошли к противнику и вступили в бой с пятью турецкими кораблями, хотя и на слишком дальней дистанции. Но, желая сблизиться с ними, они продолжали нести все паруса. Однако ветер в это время начал стихать и спустя полчаса после начала боя почти вовсе затих. Погоня окончилась. Турки же, воспользовавшись штилем, отбуксировали свои корабли галерами и гребными судами.

В итоге неприятель сумел уйти. Отсутствие единоначалия, различия в состоянии русских кораблей, стремление Г.А. Спиридова действовать строго в рамках обозначенной в Морском Уставе тактической доктрины⁴ привели к срыву погони за турками. Хотя стоит отметить, что в военно-морском искусстве европейских флотов уже имелся достаточно эффективный прием погони за отступающим противником.

В частности, английский флот, ведя погоню без соблюдения строя, в итоге догонял своего противника и, атакуя с двух сторон, заставлял того вступать в бой в невыгодной ситуации (оба сражения у м. Финистерре в 1747 г. и бой в Киберонской бухте в 1759 г.). По всей видимости, именно так и пытался действовать Д. Эльфинстон, но не был поддержан. Впрочем, справедливости ради, заметим, что в русском флоте на тот момент практически отсутствовал опыт борьбы с линейными силами своих противников.⁵

Русская эскадра вернулась к Морею. У острова Специя командование принял А.Г. Орлов, который еще 23 мая взорвал Наваринские укрепления и вышел на соединение к Г.А. Спиридову и Д. Эльфинстону. Так закончилась Морейская экспедиция. Несмотря на яркое начало, ее итоги оказались

печальными, а все завоевания потерянными.

А.Г. Орлов обвинил в этом исключительно греков, но причины неудачи крылись намного глубже. Их в целом вполне справедливо отметил М. Мазюкович: «Главную причину бесплодности этих действий надо искать в том, что восстание греков не было поддержано достаточными силами, а ополчившиеся греки не получили должной организации. Время же, потерянное вследствие долгого пребывания нашей эскадры в Порт-Магоне, дало туркам возможность усилиться на полуострове Морея ...».⁶

Не менее важно и замечание Н.Д. Каллистова о том, что начинать действия на суше, не обеспечив их должным образом с моря, являлось важнейшей ошибкой А.Г. Орлова. Наконец, существовала и еще одна причина неудачи: слишком уж распыленной оказалась деятельность русских в Морее.

А ведь Екатерина II даже в письмах к А.Г. Орлову указывала на необходимость концентрации усилий, на необходимость сначала укрепиться на берегу и не подвергать опасности свои ничтожные сухопутные силы, пока не образуется масса местного ополчения.⁷

Колонна, открытая 4 октября 1771 года в Екатерининском парке Царского Села в память Морской экспедиции русского флота

Из письма императрицы Екатерины II генерал-аншефу графу А.Г. Орлову

«Моя мысль есть, чтоб вы старались получить порт на острове или на твердой земле и, поколику возможно, удержать оный. Сказав вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча незнанто умножится, с малым числом не подвергать опасности, второй, что хотя бы ничего не сделали, то бы тем самым мы много для предусмотрели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море...».

Однако неудачи все же покоились на просчете, изначально допущенном Петербургом в организации всей экспедиции в целом: при явном недостатке выделенных сухопутных сил неправильно построили и операции флота.

Петербург запланировал как широкие действия против берега, так и борьбу на торговых путях без обеспечения господства на море (при условии сохранения у турок их многочисленного флота и возможности его свободного использования), хотя первые при этом были практически невозможны, а вторая — крайне затруднительна. При этом и без того немногочисленные силы русского флота еще и раздробили, а четкую координацию так и не создали. Как следствие, турки смогли сконцентрировать на море свои значительные силы в один кулак, создав прямую угрозу эскадре А.Г. Орлова и едва не покончив с эскадрой Д. Эльфинстона.

Однако, несмотря на свой бесславный конец, основную задачу Морейская экспедиция, пусть и на время, выполнила: туркам пришлось перебросить часть войск с других фронтов войны в Грецию. Сосредоточился у берегов Греции и турецкий флот, оставив без надлежащего внимания происходящее на Азовском море.

Итак, 11 июня А.Г. Орлов принял командование объединенной русской эскадрой. Увиденное настолько поразило его, что он отправил Екатерине II следующие откровенные строчки: «командиры между собой в великой ссоре, а подкомандные в унынии и неудовольствии». К тому же больных в обеих эскадрах насчитывалось до 500 человек.

В результате, как А.Г. Орлов писал императрице 20 июня 1770 года: «Для пресечения многих недоразумений и великого числа в обеих эскадрах непорядков, для приведения к одной об-

щей цели обеих эскадр, для сохранения дисциплины и для отвращения уныния и неудовольствия с общего согласия принужденным нашелся взять команду над обеими эскадрами, поднять кайзер-флаг и отдать приказ повелительный, чтобы все слушались того корабля, на котором я».

Свой взгляд на дальнейшие задачи русской эскадры в Средиземном море А.Г. Орлов так изложил в донесении императрице: «Ежели Богу угодно будет сокрушить флот неприятельский, тогда статься станем и употребим всю возможность опять союзно действовать с обитающими народами под державою турецкою в той стороне, где будет способнее... Если флот победит, тогда и денег не надо будет, ибо будем господами всего архипелага и постараемся оголодить и Константинополь... В случае же несчастного сражения морского или пребывания турецкого флота в благополучном состоянии в тех морях надежды не имею оставаться зимовать в островах архипелагских и думаю, что принужден буду возвратиться в Средиземное море».

Таким образом, как справедливо отмечает Н.Д. Каллистов, русскому флоту в Архипелаге предстояла задача, которая при посыпке ему совершенно не ставилась, но «сама природа морской войны» заставила А.Г. Орлова искать боя с турецким флотом, от которого теперь зависела судьба всей Архипелагской экспедиции.

После объединения эскадр русский флот на Средиземном море представлял собой довольно серьезную силу: 9 линейных кораблей, 4 фрегата⁸, бомбардирский корабль и до 17 вспомогательных судов. 11 июня 1770 года русские корабли направились к острову Парос в Эгейском море с задачей найти и уничтожить неприятельский флот.

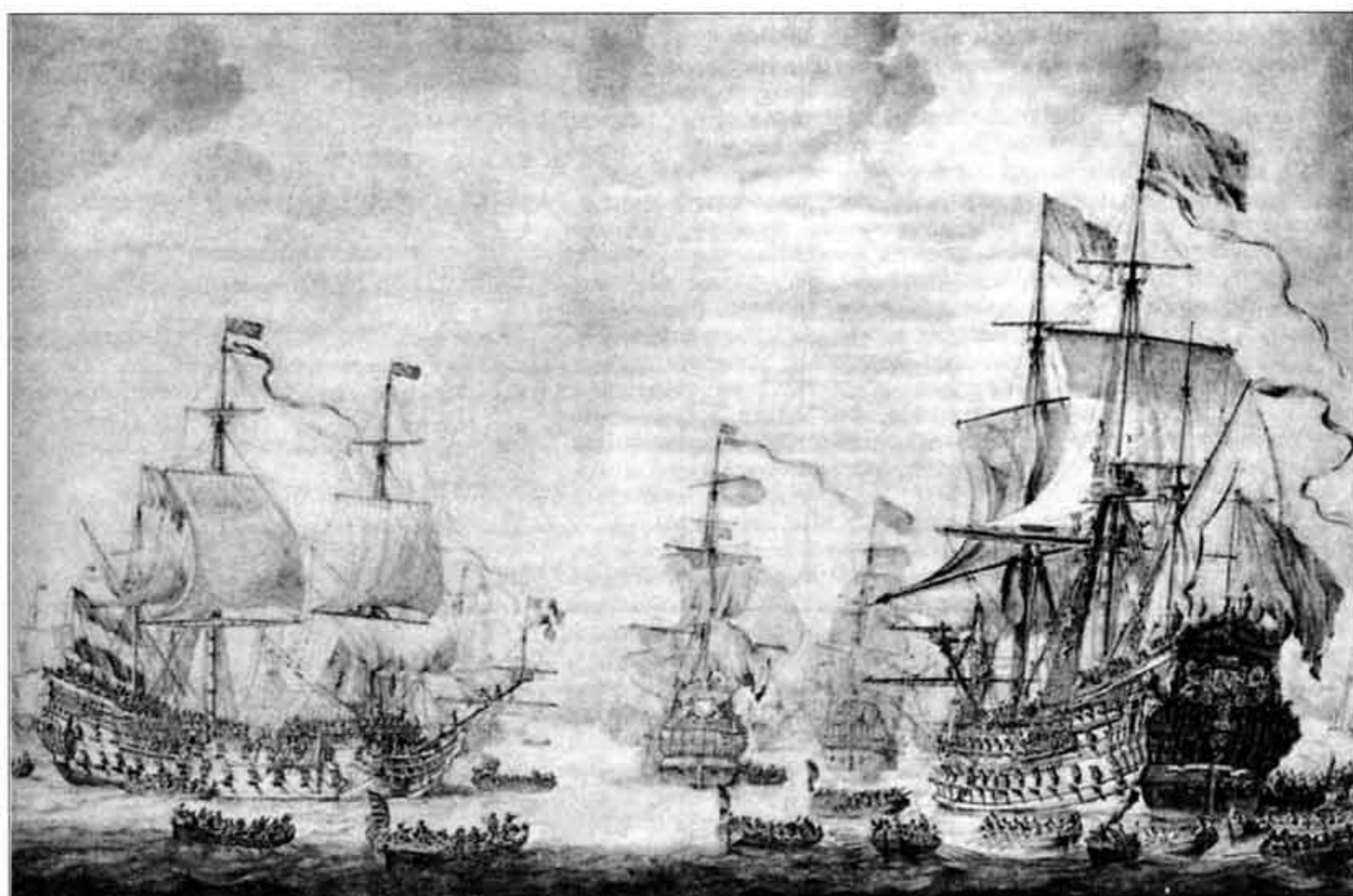
23 июня турецкий флот был обнаружен у Чесмы и в сражениях 24–26 июня 1770 года уничтожен, что стало не только поворотным моментом для Архипелагской экспедиции, но и очень существенно сказалось на ходе всей Русско-турецкой войны 1768–1774 годов (хотя результаты июньского разгрома неприятеля были при этом далеко не полностью использованы Россией). Более того, велико было значение двух сражений у Чесмы и для русского флота в целом.

Так, Хиосский бой 24 июня стал первым полноценным эскадренным боем для русского корабельного флота. Причем русская эскадра решилась в нем на атаку противника, занимающего выгодную позицию, да еще и значительно ее превосходящего. В частности, против 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 50 мелких судов,⁹ бывших у турок под командованием Ибрагим Хасан-паши и Хасан-бея Джезаирли, А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов имели только 9 линей-

ных кораблей («Европа», «Св. Евстафий Плакида», «Трех Святителей», «Св. Иануарий», «Трех Иерархов», «Ростислав», «Не тронь меня», «Святослав» и «Саратов») и 3 фрегата («Надежда», «Африка», «Св. Николай»).

Правда, по мнению ряда авторов¹⁰, у русских имелась возможность атаковать противника сразу после обнаружения, когда он еще не занял позиции, что принесло бы им колоссальные выгоды.

Мы вернемся к оценке этого мнения чуть ниже, а пока укажем только, что вид такой концентрации сил противника в одном месте (16 линейных кораблей противника против 9 своих) явно потряс русских моряков, еще не искушенных в морских боях. А.Г. Орлов не зря писал Екатерине II: «увидя оное сооружение, ужаснулся я и был в неведении, что мне предпринять должно». В результате нападение с ходу не состоялось. А.Г. Орлов собрал военный совет (как, кстати, и полагалось по Морскому уставу¹¹), на котором уже

Сбор голландских офицеров на «Севен Провинсиен» для участия в военном совете. Этот крайне редкий натурный рисунок позволяет абсолютно точно представить картину сбора командиров времен парусного флота на военный совет на флагманском корабле. Художник В. Ван дер Велде (старший).

Генерал-аншеф
граф А.Г. Орлов

пришедшие в себя участники все же приняли решение об атаке турок и, благодаря Г.А. Спиридову, нашли способ ее осуществления на уже успевавший подготовиться турецкий флот, причем сам способ являлся нестандартным для того времени. При его разработке, несомненно, использовались знания о серьезных недостатках турецкой корабельной артиллерии.

Поскольку ход Хиосского боя достаточно хорошо известен, перейдем к анализу тактики сторон. С турками, в принципе, все ясно: 24 июня их флот занимал очень сильную позицию (турецкие корабли стояли на якорях в двух

линиях, имевших форму полумесяца, причем корабли второй линии могли участвовать в бою, поскольку стояли в интервалах кораблей первой линии) и при знании особенностей атак парусных эскадр того времени, происходивших спуском корабль на корабль, вполне обоснованно на нее рассчитывал.

А что же русские моряки? Уже в данном бою (то есть, первом своем крупном морском сражении) они сделали ставку на решительность действий, атаковав двукратно превосходящую эскадру противника, к тому же на столь сильной позиции, с самой короткой дистанции. При этом они применили следующие тактические приемы: 1) атака противника кильватерной колонной, сближающейся с турецким флотом почти перпендикулярно; 2) сосредоточенный удар по авангарду и части кордебатии флота противника; 3) сосредоточение внимания на флагманских кораблях противника для нарушения управления турецким флотом; 4) сближение с турками на самое короткое расстояние; 5) ведение боя со стоявшим на якорях противником на ходу под парусами.

Состав русской эскадры в Хиосском сражении 24 июня 1770 года

Наименование корабля	Вооружение	Командир
Линейный корабль «Европа»	66 орудий	Капитан 1 ранга Ф.А. Клокачев
Линейный корабль «Св. Евстафий Плакида»	66 орудий	Капитан 1 ранга А.И. фон Круз; флаг адмирала Г.А. Спиридова
Линейный корабль «Трех Святителей»	66 орудий	Капитан 1 ранга С.П. Хметевский
Линейный корабль «Св. Иануарий»	66 орудий	Капитан 1 ранга И.А. Борисов
Линейный корабль «Трех Иерархов»	66 орудий	Капитан бригадирского ранга С.К. Грейг; кайзер-флаг генерал-аншефа А.Г. Орлова
Линейный корабль «Ростислав»	66 орудий	Капитан 1 ранга В.М. Лупандин
Линейный корабль «Не тронь меня»	66 орудий	Капитан 1 ранга П.Ф. Бешенцев
Линейный корабль «Святослав»	80 орудий	Капитан 1 ранга В.В. Роксбург; флаг контр-адмирала Д. Эльфинстона
Линейный корабль «Саратов»	66 орудий	Капитан 2 ранга А. Поливанов (капитан бригадирского ранга И.Я. Барш был отстранен от командования Д. Эльфинстоном после боя у Наполи-ди-Романьи)

Проанализируем сказанное. Из указанных выше тактических приемов первый использовался в военно-морском искусстве впервые. Он строился из расчета быстроты и простоты сближения с противником, позволяя атакующему нанести решительный удар по части сил противника, а тому не дать возможность своевременно перестроиться (находившиеся под ветром корабли турок, оказавшиеся вне зоны атаки, неизбежно должны были потерять много времени на сближение для помощи атакованным, и то при оперативном руководстве).

Правда, курсовой угол — около 90° — делал невозможным ведение атакующей эскадрой собственного огня при сближении, одновременно подвергая ее опасности получить сильные повреждения от артиллерии противника. Однако последнее было возможно только при хорошей подготовке его артиллеристов. А вот ею-то турки и не обладали, что сыграло, как мы указали выше, значимую роль при выработке способа атаки (учет же возможностей противника при принятии решения по образу своих действий — это нормальная практика думающего флотоводца: тот же Г. Нельсон отлично пользовался

слабостью артиллерийского огня своих противников в сражениях при Абукире и Трафальгаре). Именно поэтому турки и не могли остановить спускающуюся на них русскую эскадру: не потому что не сумели, а потому что не могли физически!

Причем, важно отметить, что данный способ сближения с противником фактически рождал новые возможности в проведении регулярного боя. Ведь даже англичане в первой половине XVIII века в таких морских сражениях действовали пока строго по шаблону, обозначенному в «Инструкциях по кораблевождению и ведению боя флотом Его Величества», где полагалось проводить атаку противника по принципу спуска на линию его кораблей только своей линией, ложащейся на параллельный курс с обязательным условием, чтобы корабль был против корабля. Последним тому ярким примером был бой у острова Менорка в 1756 году, когда англичане, имевшие на один линейный корабль больше, мало того, что вывели его из боя, так еще и попытались спустится на противника строго по указанной схеме: в результате потерпели поражение.

Состав турецкой эскадры в Хиосском сражении 24 июня 1770 года

Ранг корабля	Количество по С.К. Грейгу	Количество по наградной ведомости РГАВМФ	Количество по Морскому атласу	Количество по А.П. Соколову
100-пушечный линейный корабль	1	-	1	-
96-пушечный линейный корабль	1	-	1	-
90-пушечный линейный корабль	-	4	-	6 90- и 80-пушечных
84-пушечный линейный корабль	4	-	4	
80-пушечный линейный корабль	1	3	1	
74-пушечный линейный корабль	2	-	2	
70-пушечный линейный корабль	1	5	1	-
60-пушечный линейный корабль	7	5	6	10

Между тем, существует точка зрения о том, что атака противника кильватерной колонной, несмотря на ее просчитанность, являлась все же вынужденной мерой. О причинах такого построения капитан 1 ранга А. Бобраков, в частности, говорит так: «Конечно, лучше было спускаться по ветру на турецкую линию кораблей способом поворота "все вдруг" в строю пеленга, как это предусмотрено законами линейной тактики. Но это требует отличной сплаванности внутри эскадры. Русские корабли в Порт-Магон прибывали из Англии по одному, времени на отработку совместного плавания всей эскадрой не было. Кильватерная колонна — самый простой и надежный способ управления соединения кораблей, ибо главный ее принцип "Делай как я", поэтому русская эскадра и пошла в бой в этом строю. Жизнь всегда конкретна — по месту и времени».¹²

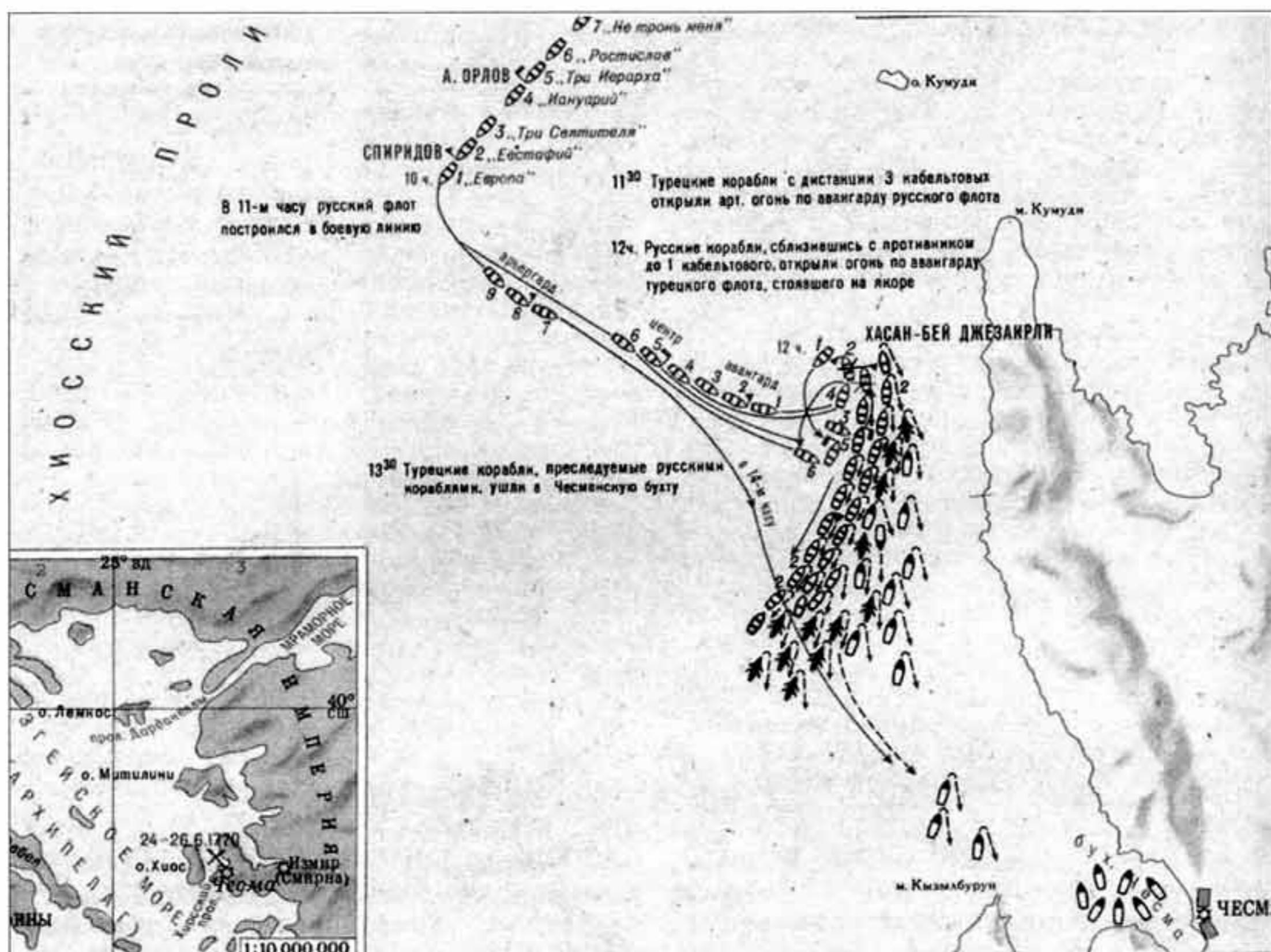
Что здесь можно сказать? Безусловно соглашаясь с данным автором по поводу отсутствия опыта у русских моряков, а также с положением, что спуск в кильватерной колонне в этой

ситуации имел явные преимущества, одновременно нужно подвергнуть сомнению его утверждение о большей выгодности постепенного сближения с противником по всей линии. Дело в том, что такой способ сближения, как показали сражения европейских флотов (например, вышеупомянутый бой у о. Менорка), приводил лишь к большим неприятностям для атакованного флота.

А вот использование для атаки противника построения в виде кильватерной колонны, спускающейся под углом, близким к 90° , впоследствии не раз приносило успех. В частности, этот способ применяли английские адмиралы А. Дункан (в сражении при Кампердауне в 1797 г.) и Г. Нельсон (в сражении при Трафальгаре в 1805 году) с той только разницей, что они строили свои эскадры не в одну, а в две колонны. Кстати, и в Афонском сражении 1807 года тактические группы русских кораблей также спускались на противника почти перпендикулярно к его линии. Так что, если выбранное русской эскадрой построение и было вынужденным, а не

*План сражения русского флота с турецким в Хиосском проливе 24 июня 1770 года
(Из фондов РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 134. Л. 5)*

Карта боя в Хиосском сражении 24–26 июля 1770 года

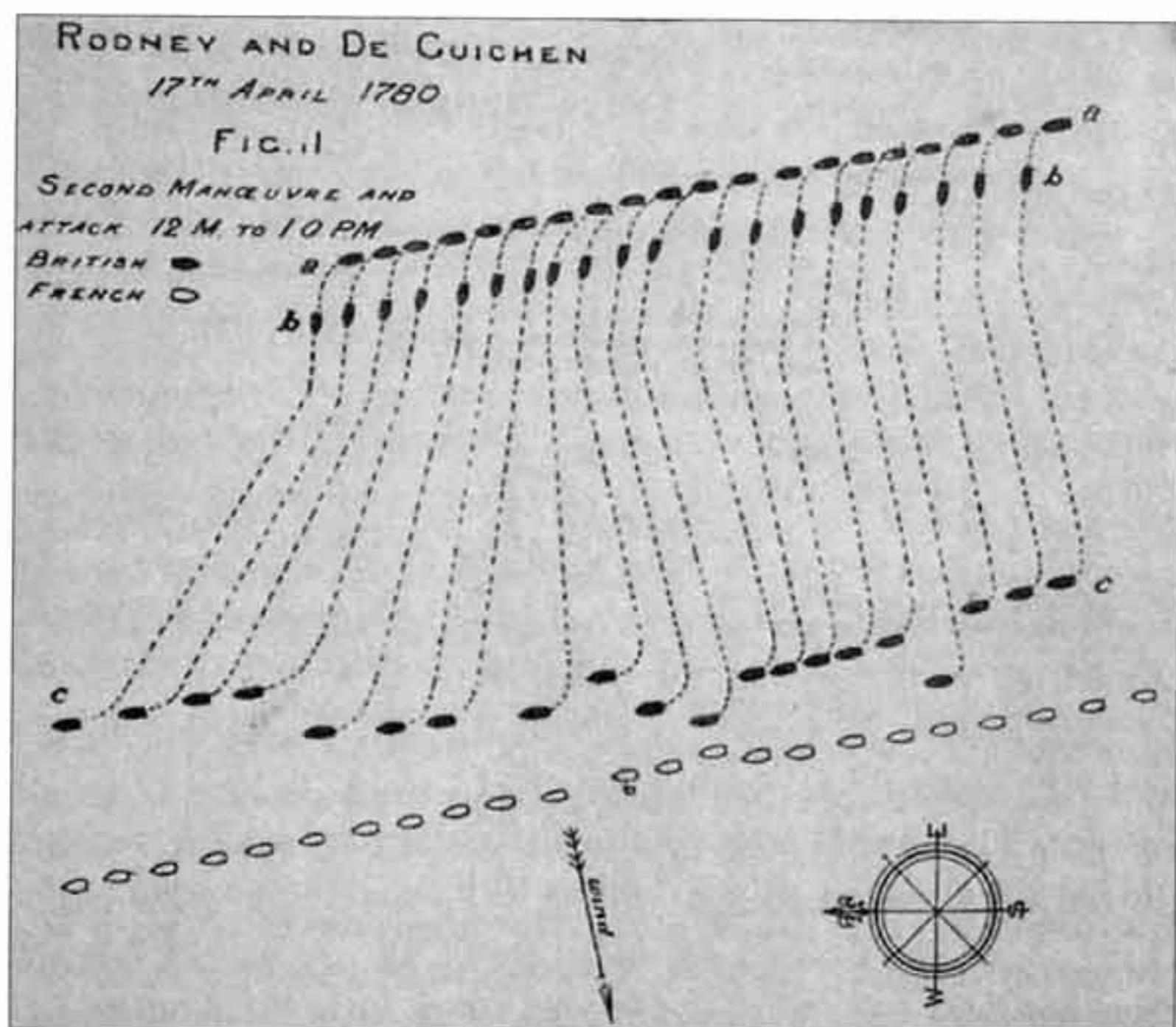
специально разработанным, то такую вынужденность можно лишь приветствовать: ведь она позволила принять одно из лучших решений и тем самым породить новый тактический прием. К тому же указанная А. Бобраковым вынужденность в любом случае являлась лишь частью мотивировок русского командования при выработке способа атаки перед Хиосским сражением.

Определенную новизну имел и третий прием, хотя, по замечанию В.Д. Овчинникова, французский адмирал А.-И. Турвиль в сражении у мыса Барфлер в 1692 году также сконцентрировал внимание на флагманском корабле противника.¹³

Дело в том, что в борьбе с турками выбивание флагманского корабля имело принципиальное значение, вследствие чего русская эскадра в Хиосском сражении сконцентрировала свои усилия сразу же на обоих основных

флагманах неприятеля — 84-пушечном корабле «Реал-Мустафа» Гассан-паши и 100-пушечном «Капитан-паша» Капитан-паши. Противником первого стал корабль «Св. Евстафий Плакида», второго — «Трех Иерархов». В результате управление турецким флотом было быстро и полностью парализовано.

По остальным же тактическим приемам картина следующая. Сосредоточение сил против части неприятельского флота не являлось новинкой, но в регулярных морских сражениях XVIII века не встречалось. Да и вообще прием этот в такого типа морских сражениях парусных флотов использовался не часто, но зато крайне эффективно (укажем некоторые примеры: Солебейский бой 1672 г., сражение у о. Тендра 1790 г., Трафальгарское сражение 1805 г., Афонское — 1807 г.). Первым же сформулировал задачу и осуществил маневр М. Рейтер, как раз в Солебейском сражении.

Сражение английского и французского флотов 17 апреля 1780 года.

Пример хорошо иллюстрирует начальную фазу регулярного морского боя, проводимую англичанами строго по шаблону линейной тактики

Сближение с противником на короткую дистанцию практиковалось часто, но опять-таки, в регулярных сражениях давно не имело места. Более того, французы и испанцы уже долгое время вообще старались не доводить бой до такой дистанции. В целом оба последних приема относились к числу используемых при желании достичь решительной победы над противником.

Что же касается ведения боя под парусами против противника, стоящего на якорях, то это был единственный из всех прием, который не задумывался и получился уже в ходе боя (по намеченной диспозиции русские корабли должны были, подойдя к противнику на пистолетный выстрел, встать на шпринги и уже с них вести огонь).

Но кроме корабля «Трех Иерархов», под командованием С.К. Грейга, выполнившего ее, остальные русские корабли, в силу как объективных, так и субъективных причин, встать на шпринги не смогли, что, безусловно, уменьшило эффективность наносившегося удара.

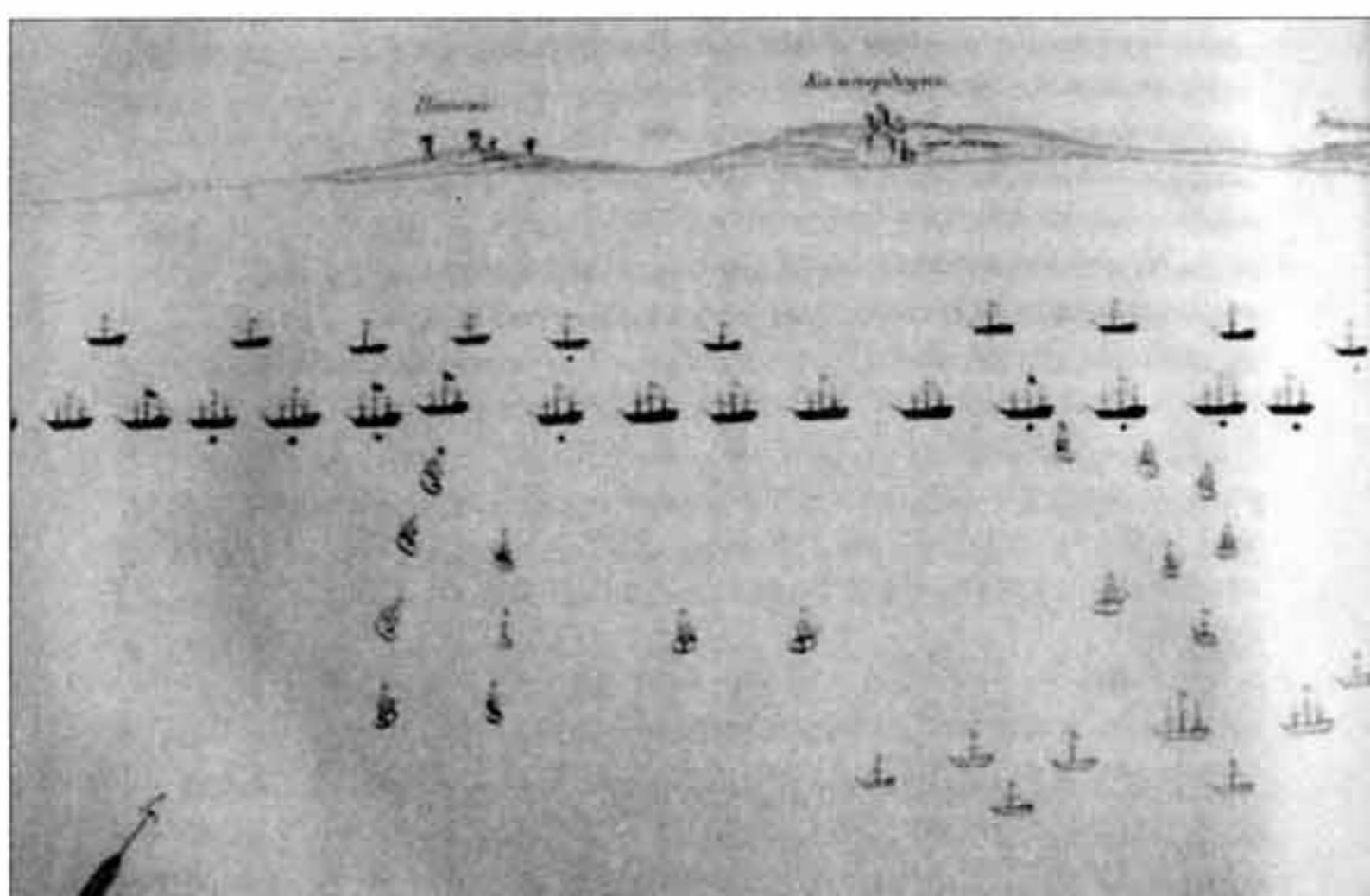
Однако и выполненного русскими моряками для победы оказалось достаточно. Более того, достижения их

в первом же полноценном сражении заслуживают всяческого уважения. Тем не менее, указанный момент позволяет достаточно ясно обозначить проблемы, имевшиеся у русского флота, и, таким образом, показать, что ждать большего от него в тот момент было затруднительно. Другое дело, что русскому командованию следовало попытаться с помощью тренировок повысить готовность кораблей уже в Архипелаге, но многолетний застойно-кризисный период истории русского флота сказался и здесь.

Исходя из этого, прокомментируем позицию В.Д. Доценко, который считает проведение русской стороной Хиосского боя тактически безграмотным. По его мнению, оптимальным являлось «обрушиться на неприятеля сразу тремя группами, как это сделал в 1807 г. вице-адмирал Д.Н. Сенявин»¹⁴. Во-первых, сразу же уточним: не тремя, а пятью группами, каждая из двух линейных кораблей. Во-вторых, прием, осуществленный Д.Н. Сенявиным в Афонском сражении 1807 года, — это действительно один из самых ярких в истории военно-морского искусства (но при этом и один из самых сложных).

Схема сражения у Кампердауна между английским и голландским флотами в 1797 году.

(Экинс К. Описание сражений английского флота с 1690 по 1827 гг. с критическим разбором и чертежами /пер. с англ. Р. Скаловского. — СПб., 1840)

Но это был уже XIX век, за спиной русских моряков и самого Д.Н. Сенявина имелся огромный практический и теоретический опыт¹⁵ (в том числе и знание манеры действий самих турок), а корабли эскадры обладали высоким умением действовать совместно и индивидуально.¹⁶ Имелся и свежайший пример морского боя — 10 мая 1807 года произошло Дарданельское сражение с турками. Все это позволило Д.Н. Сенявину еще до встречи с противником разработать подробную инструкцию (вместе с соответствующими сигналами) по действиям своей эскадры из нескольких тактических групп и ознакомить с ней командиров.¹⁷ К тому же русская и турецкая эскадры в 1807 году были численно сопоставимы (насчитывали по десять линейных кораблей), а не имели двукратного расхождения в силах.

А теперь посмотрим положение эскадры А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова в 1770 году. Ничего из вышесказанного у нее не было и в помине. Достаточно вернуться к ее действиям весной у берегов Греции, как сразу вспоминается несогласованность действий, неверие командиров в свои силы, распри. Кроме того, существовавшая на 1770 год в русском флоте тактическая доктрина четко предписывала проведение совета перед принятием решения и построения линии баталии в начале боя, то есть была строго ориентирована на ведение

регулярного морского боя (см. положения «Морского устава»). А флот (как и армия) обычно всегда опирается на ту или иную как стратегическую, так и тактическую доктрину, особенно при полном отсутствии опыта (напомним, что русский флот к 1770 г. вообще не имел опыта полноценных морских сражений).¹⁸ Тем более, подчеркнем: в ситуации, когда противник обладал заметным превосходством (заметим, что начиная осваивать что-то новое, осмотрительный человек старается действовать по каким-либо пособиям или инструкциям, старясь избежать типичных ошибок).

Между тем, даже англичане, как указывалось выше, в регулярных морских сражениях XVIII века действовали пока также по шаблону, согласно инструкции. Победы же, имевшие место в истекший период XVIII века, достигались ими только после погони за неприятелем, когда не выстраивалась линия баталии, причем путь к мастерству был долгим. Сначала имела место «нечаянная» победа над испанцами у м. Пассаро (в 1718 г.), когда англичане просто напали без строя на испанцев, считая их намного слабее себя.¹⁹

Затем состоялись намеренные погони за французскими эскадрами, более слабыми и связанными конвоями (сражения у м. Финистерре в 1747 г.) и, наконец, в сражениях же 1759 года британцы атаковали с ходу без соб-

Схема Трафальгарского сражения между английской и франко-испанской эскадрами 9 октября 1805 года. Фаза сближения.

(Clowes W.L. The Royal Navy. A history from the Earliest times to the Present. London. — Vol. 5. — London, 1900)

людения линии уже самостоятельные французские эскадры, но вновь в условиях отступления последних.

Конечно, английские моряки уже имели опыт, сплаванность и чувство своего превосходства над французами, укреплявшееся рядом побед. Однако и в этом случае их действия получили

опору на инструкции. Произошло же это следующим образом.

В первом сражении у м. Финистрре (3 мая 1747 г.) Д. Ансон, почти догнав без строя уходившего противника, тем не менее, начал строить линию, поскольку французы также легли в нее. И только то, что затем они опять попытались уйти,

побудило его к двум одновременным сигналам: «общая погоня» и «атаковать противника». В результате снова «свалка» — и снова победа. Только после этого Э. Хоук выпустил дополнительные инструкции, которые блестяще использовались англичанами в дальнейшем.

Таким образом, даже английский флот к концу Семилетней войны имел фактически всего два реальных варианта проведения боя: линия баталии против линии баталии и общая свалка кораблей, достигаемая после преследования уходящего противника. Французы же имели и того меньше: оборонительный бой в линии баталии. И это при достаточно обширной практике столкновений на море.

Кстати, столь небогатый выбор тактических приемов в значительной степени определялся слабо развитой на тот момент системой сигнализации парусных флотов. А ведь именно от нее во многом зависели согласованные действия кораблей в бою. Что же это была за система?

В XVIII веке в море передача сигналов осуществлялась посредством флагов, выстрелов из пушки, зажжения фонарей и использования фальшфейеров. Причем, что очень важно, до тех пор, пока в начале XIX века англичане не ввели так называемые телеграфные сигналы, передать что-либо на другие корабли можно было только предварительно закодировав эту информацию в инструкциях, которые и без того получались очень объемными. Без такого предварительного согласования, действия сходу неизбежно обрекались на неуправляемость.

Вот наиболее яркие примеры: французский командор Сюффрен не смог уничтожить английскую эскадру в сражении у Порто-Прайо в 1781 году, поскольку из пяти своих кораблей был поддержан только одним (Сюффрен в целях экономии времени не дал своим командром никаких указаний); английский адмирал Х. Боскауэн не смог полностью контролировать действия своих сил в сражении у Лагоса в 1759 году, не дав им дополнительных инструкций (в результате, передние ан-

глийские корабли схватились с задним французским кораблем, вместо того чтобы оставить его идущим сзади мателотам и продолжать погоню).

Да и вообще проблемы сигнализации в морских сражениях XVIII века очень часто прямо влияли на их исход. Не случайно во время преследования противника английские флагманы для руководства своими кораблями использовали в это время практически три основных сигнала: «построиться в линию», «общая погоня», «вступить в сражение». В Афонском же сражении 1807 года показательны уже два первых примера: сигнал флагмана о сгруппировании пар кораблей, назначенных для атаки неприятельских флагманов, а также об атаке ими турецкой эскадры.

Так что вести бой с ходу, без полноценной подготовки было весьма проблематично, а иногда и просто опасно. Достаточно обратиться лишь к двум примерам: уже упомянутому сражению у Порто-Прайо и Ревельскому сражению

Подвиг экипажа линейного корабля «Св. Евстафий Плакида» в Хиосском сражении 24 июня 1770 года.
Художник И. Родионов

А.И. фон Круз.
В 1770 году
в чине капитана
1 ранга коман-
довал 66-пушеч-
ным кораблем
«Св. Евстафий
Плакида»

1790 года, которые закончились совсем не так, как хотели нападавшие. В первом случае Сюффрен, хотя и сумел двумя своими кораблями нанести англичанам повреждения, но и сам с трудом вышел из гавани. Победа была достигнута, но англичане сохранили свои корабли. В Ревельском же сражении шведы, решившиеся на атаку с ходу без разведки построения русской эскадры и учета погодной обстановки, вообще потерпели поражение, потеряв два линейных корабля.

Каков же итог? Определить время может только гений, но и для этого нужна почва: достаточно вспомнить, что путь к Полтаве начался у Нарвы. Так что нельзя попросту переносить события из одной эпохи в другую (еще и вырывая из контекста), при этом не замечая, что выполненная в Хиосском сражении атака турецкого флота, как уже указывалось выше, была не только результивна, но и положила начало весьма эффективному тактическому приему, построенному на учете слабости артиллерийского огня противника. Турки, голландцы, испанцы и французы потому и не могли отразить такой атаки, что их огонь был малоэффективным.

Кстати, русские артиллеристы оправдали ставку на ближний бой, полностью превзойдя своих турецких коллег и заставив противника бежать с поля боя. Правда, и здесь у русского флота оставались задачи для роста: на столь ближней дистанции английские корабли наносили противникам гораздо более страшные потери.

Итак, ожесточенный Хиосский бой длился около полутора часов и закон-

чился беспорядочным отступлением турок в Чесменскую бухту. И хотя стороны потеряли по линейному кораблю (у русских погиб 66-пушечный «Св. Евстафий Плакида», у турок — 84-пушечный «Реал-Мустафа»), но беспорядочное бегство турок и хаос в построении на новой позиции явно отдавали победу русским морякам (первое: противник бежал, второе: занял более проигрышное новое положение). При этом, что также имело особое значение, русская эскадра, если не считать упомянутой потери, имела минимальный урон и повреждения, что позволяло ей продолжать борьбу. Поэтому, несмотря на все указанные выше проблемы русской стороны, характер боя позволил А.Г. Орлову написать Екатерине II: «Все корабли с великой храбростью атаковали неприятеля, все с великим тщанием исполняли свою должность, но корабль адмиральский Святой Евстафий превзошел все прочие. Англичане, французы, венецианцы и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признались, что они тогда не представляли себе, чтобы можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью».

Однако в результате Хиосского боя турецкий флот все же разбит не был. А без этого дальнейшие действия русского флота в Архипелаге становились невозможными. Между тем, турки укрылись в бухте, и потеря времени работала на них: прияя в себя, они могли усилить свою позицию. Поэтому, чтобы не дать противнику опомниться, был организован беспокоящий обстрел их флота несколькими русскими кораблями в частности, бомбардирским кораблем «Гром».

Русское командование в это время готовило новый решительный удар. Так, 25 июня состоялись два совета флагманов и капитанов. Сразу же была сформулирована необходимость и значимость для русского флота победы в предстоящем сражении, о чем в приказе по флоту было сказано так: «Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь

Чесменское сражение, в котором в ночь на 26 июня 1770 года русская эскадра под командованием генерала графа А.Г. Орлова уничтожила турецкий флот.
С гравюры неизвестного автора

свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться».

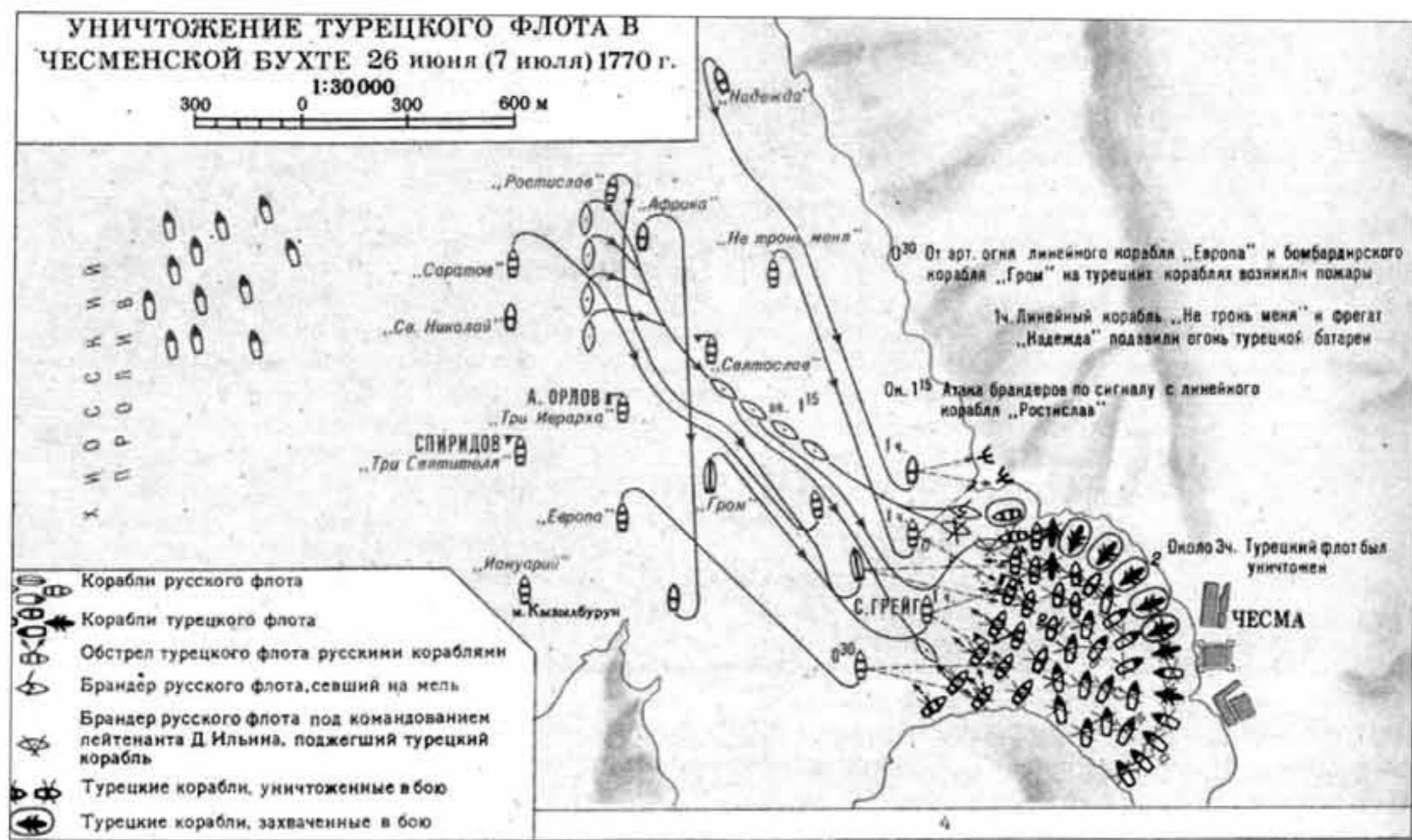
Затем сложилось решение о комбинированной артиллерийско-брандерной атаке противника в ночное время для достижения внезапности, для чего выделялся отряд капитана бригадирского ранга^{*} С.К. Грейга в составе кораблей «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатов «Надежда» и «Африка», бомбардирского корабля «Гром» и четырех брандеров. Причем речь шла именно о сочетании указанных компонентов в такой последовательности: сначала внушительный артиллерийский удар по противнику наносили линейные корабли С.К. Грейга (для этого им предписывалось выйти на дистанцию, с которой можно было вести эффективный огонь не только из пушек гон-дека, но и из пушек опер-дека и шканцев; то есть речь идет о дистанции 1,5–2 кб), а затем, когда турки окажутся в состоянии некоторого расстройства, под прикрытием огня и дыма в атаку предполагалось направить брандеры.

И план этот, в отличие от плана Хиосского боя, оказался выполненным до ме-

лочей, что продемонстрировало высокое мастерство русского командования, и в особенности С.К. Грейга, отряд которого первым вступил в бой. Его корабли («Европа», «Не тронь меня», «Ростислав» и «Гром») вели огонь по турецкому флоту, фрегат «Надежда» действовал по северной батарее, фрегат «Африка» оказался вне боя, сделав только четыре выстрела. Согласно журналу С.К. Грейга, весьма интенсивный огонь продолжался около часа с четвертью. Более того, судя по всему, он отличался и достаточной эффективностью: неприятельские корабли несколько раз загорались, но турки успевали их потушить.

Однако далее произошло следующее: «каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и по такелажу; грот-стеньга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем». Следом вспыхнули еще два корабля, и подветренная часть турецкого флота оказалась обреченной.

* Указ о присвоении С.К. Грейгу чина контр-адмирала был подписан Екатериной II 1 марта 1770 года, но до конца июня так и не дошел до Архипелага, поэтому С.К. Грейг участвовал в сражения при Хиосе и Чесме в чине капитана бригадирского ранга.

Карта боя в Чесменской бухте 26 июля 1770 года

В этот момент, воспользовавшись естественным ослаблением турецкого огня и произошедшим у турок замешательством, С.К. Грейг и приказал брандерам их атаковать, причем наветренную его часть, корабли которой пока не пострадали. Русские же корабли свою стрельбу приостановили.

Момент зажжения турецкого корабля с «Грома» и приказа С.К. Грейга об атаке брандерами так описан в шкафечном журнале корабля «Ростислав»: «Как от нас, так и от кораблей Не тронь меня и Европы палили беспрерывным огнем, дабы чтоб не могли зажженного от нас корабля потушить. В тож время

брошены от нас 3 ракеты, по которым значило, что назначенные брандерные суда для зажигания неприятельского флота шли. Мало спустя времени от помянутого зажженного корабля близ его стоящие стали гореть».²⁰

Именно так рисуют события первой половины ночи на 26 июня 1770 года практически единогласно все источники. Так, в донесении Екатерине II А.Г. Орлов пишет, что Грейг «под жестокою пушечной стрельбою послал брандера, но, не допустив еще оных, брандскугелями зажег неприятельский корабль».

В записках князя Ю.В. Долгорукова, участвовавшего в Чесменском сражении, сказано: «С нескольких выстрелов брандскугелями Клокачев предал огню весь турецкий флот».

Наконец, по данным А.С. Кроткова, построенным на «Донесении для изъяснения планов Чесменского сражения», хранившимся в Гидрографическим департаменте Морского министерства, значится следующее: «Неприятель, примечая идущих, начал производить преу́жасный огонь со всех своих кораблей и с берега. Наши не упустили ничего, чтобы равномерно им ответствовать. Начали

Контр-адмирал
С.К. Грейг.
Художник
И. Аргунов.
1772 — 1773 годы

Главнокомандующий
граф А.Г. Орлов
со штабом
на шканцах
линейного корабля
«Трех Иерархов».
Акварель А. Кившенко

оттоманские корабли загораться, но скопостижно пожары сии ими утешаемы были, пока, наконец, загорелся на одном корабле марсель, что контр-адмирал Грейг, приметя, сам перестал производить стрельбу и велел идти брандерам».

Между тем, хотя первым двум брандерам подойти к противнику не удалось, третий из них под командой лейтенанта Д.С. Ильина все же смог сцепиться с 84-пушечным турецким линейным кораблем наветренной части. Его судьба теперь также была решена. Достиг цели и четвертый брандер В.А. Гагарина, но он смог сцепиться лишь с уже горевшим кораблем, что не повлияло на ситуацию.

Из журнала участника Чесменского сражения капитана бригадирского ранга С.К. Грейга

«Легче вообразить, чем описать, ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех судах, которые еще не загорелись... Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством... спасавшихся и топивших один другого... Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда... и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями».

Чесменское сражение в описании художника Я.Ф. Хаккерта*

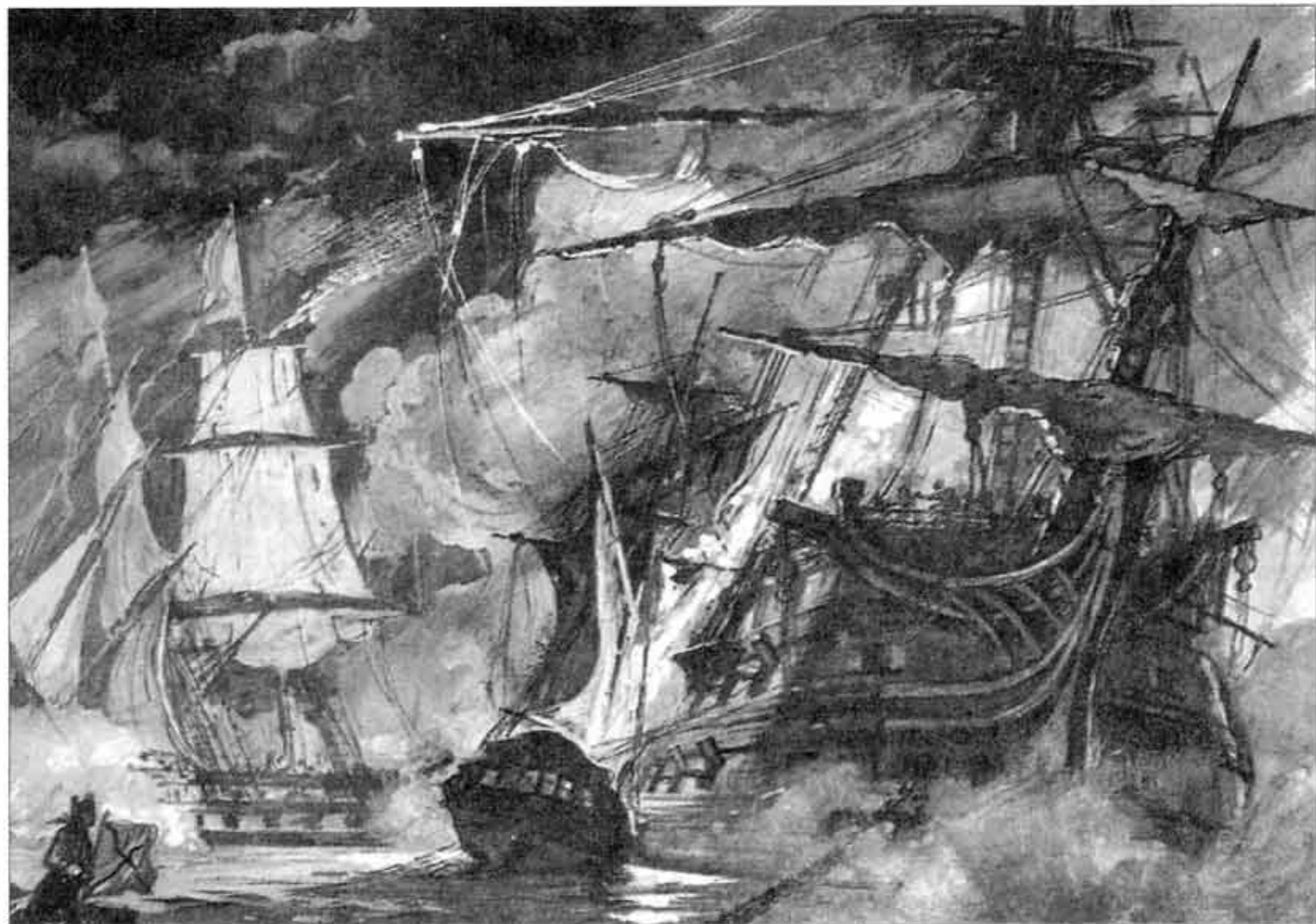
«Три корабля: "Европа", "Ростислав", "Не тронь меня" стоят на якоре у входа в гавань, вблизи вражеского флота, который они постоянно обстреливают. "Саратов" стоит несколько позади, чтобы в нужный момент заменить один из этих

* Цитируется по: Goethes Sämtliche Werke in Vierzig Bänden. Bd. 34. Stuttgart, 1869.

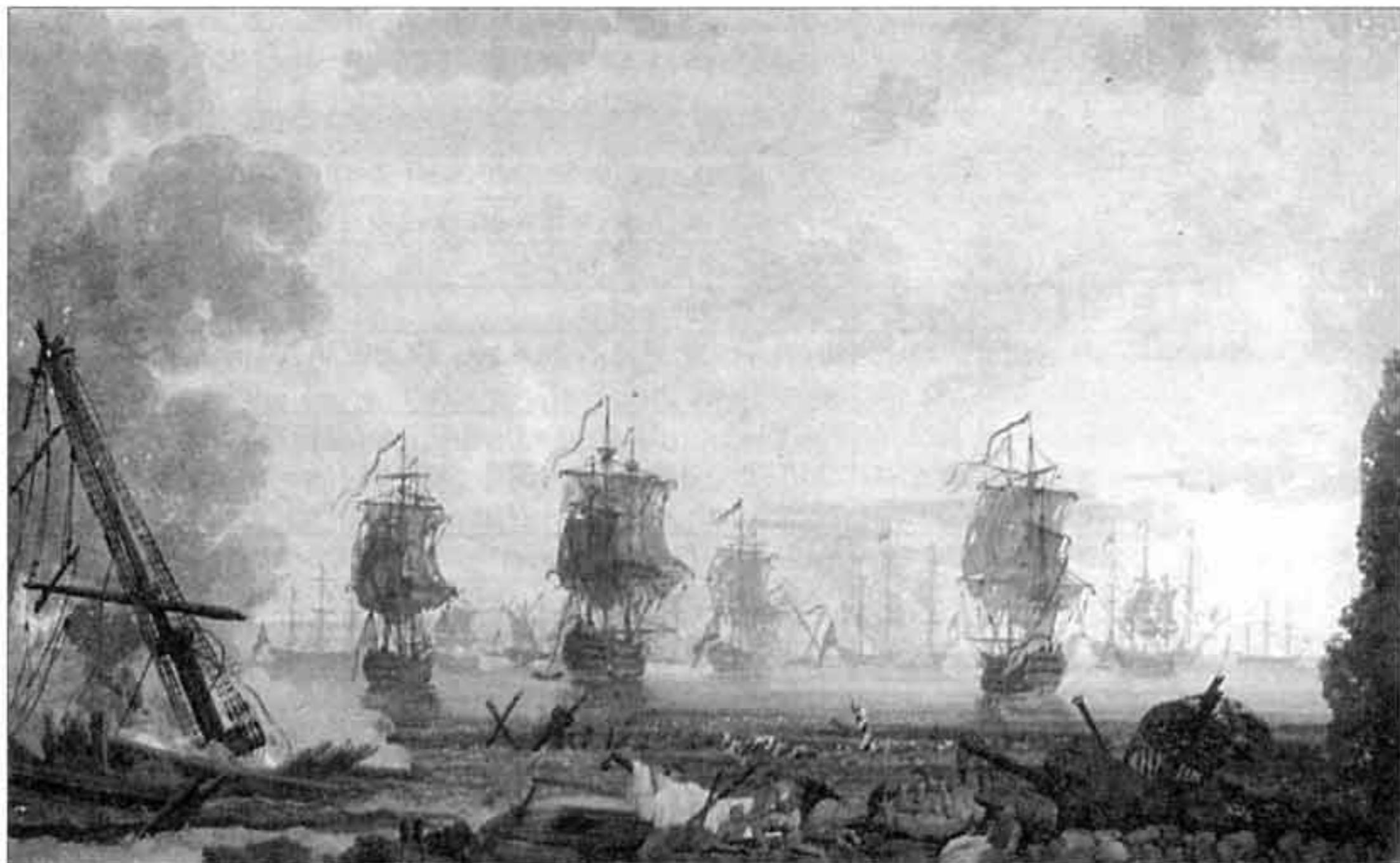
кораблей. Фрегат "Надежда" ведет огонь по батарее, состоящей из 22 пушек, "Африка" продолжает препятствовать развертыванию второй батареи. Бомбарда (бомбардирский корабль — Авт.) постоянно ведет огонь. Поскольку ветер совсем утих, то граф Орлов послал шлюпки к этим кораблям, чтобы в случае опасности вывезти экипажи. Остальные корабли флота стоят на якоре. Четыре посланных брандера подожгли турецкий флот, часть которого уже горела от попадания раскаленных ядер с трех кораблей. На картине изображены два эффекта взорвавшегося корабля. Первый — это огромный столб, превращающийся в облако, это длится три минуты, а затем, как видно во втором эффекте, превращается в красный огонь с искрами, из середины которого поднимается столб дыма, распространяющийся вверх, это тоже длится около трех минут. Было хорошей находкой показать два корабля, взорвавшихся один за другим, спустя три минуты, и продемонстрировать различные эффекты такого взрыва. Одновременно здесь видно, что пожар на вражеском флоте частично перекинулся и на часть города, и на ближайшие деревенские дома».

Таким образом, в состоявшемся в ночь на 26 июня 1770 года Чесменском сражении русские моряки применили эффективное сочетание артиллерийского и брандера ударов по флоту противника, находящемуся в бухте, впервые в истории морских

боев применив ночной удар.²² Неприятель же поплатился как за многочисленные ошибки командования, так и за абсолютно никудышную стрельбу, которая в морских сражениях парусных флотов имела определяющее значение.

*Сожжение турецкого флота в бухте Чесма.
Художник И. Родионов*

*Возвращение русского флота после ночного сражения под Чесмой.
Художник Я.Ф. Хаккерт*

Возвращение русского флота после Чесменского сражения в описании художника Я.Ф. Хаккера*

«Эскадра из трех кораблей, оба фрегата и бомбарда возвращаются с началом дня после своего счастливо завершившегося предприятия к флоту с трофеями. Они ведут корабль «Родос» под русским флагом, свой флаг опущен, затем следуют четыре галеры — единственные остатки турецкого флота. Корабль «Ростислав», приблизившись к кораблю «Три Иерарха», приветствует главнокомандующего, его корабль отвечает. На переднем плане видны обломки многих вражеских кораблей и турки, ищащие спасения».

В истории войн на море Чесменское сражение 26 июня 1770 года стало самым полным (стопроцентным) уничтожением флота противника. Кстати, последний раз нанести столь серьезное (но не полное) поражение противнику, укрепившемуся в бухте, удалось французам в Палермо в 1676 году! А для шведов попытка устроить русскому флоту «новую Чесму» в Ревеле в 1790 году вообще закончилась катастрофой.

Таким образом, Чесменское сражение по праву стало бенефисом русских моряков. Оно представляет собой один

из наиболее ярких примеров уничтожения неприятельского флота в его собственной базе. Прежде история морских сражений парусных флотов не знала столь полной победы. В результате Чесменского сражения турки, согласно наиболее распространенным данным, потеряли сожженными 14 линейных кораблей, 6 фрегатов и около 50 малых судов, а еще один линейный корабль и 5 галер попали в плен. Потери же моряков были просто ужасными — 11 тыс. человек. За все это русский флот заплатил 11 убитыми и 4 брандерами.

* Цит. по: Goethes Sämtliche Werke in Vierzig Bänden. — Bd. 34. — Stuttgart, 1869.

**Потери, понесенные турецким флотом в Чесменском сражении
26 июня 1770 года**

Класс корабля	Вооружение	Наградная сумма
Плененные суда		
60-пушечный линейный корабль	26 24-фн., 24 12-фн. и 16 6-фн. орудий	12 020 рублей
5 галер	5 18-фн., 20 12-фн., 60 3-фн. орудий	19 470 рублей
Уничтоженные суда		
90-пушечный линейный корабль, уничтоженный от корабля «Св. Евстафий»	28 24-фн., 26 18-фн., 28 8-фн., 8 4-фн. орудий.	16 500 рублей
3 90-пушечных, 3 80-пушечных, 5 70-пушечных, 4 60-пушечных линейных корабля	406 24-фн., 78 18-фн., 78 16-фн., 236 12-фн., 162 8-фн., 188 6-фн., 24 4-фн. орудия.	212 780 рублей
6 фрегатов	120 12-фн., 72 6-фн. орудия	26 880 рублей
6 шебек	108 30-фн., 108 18-фн. орудий	55 080 рублей
8 25-баночных, 4 20-баночных и 8 20-банных галер	12 18-фн., 56 12-фн., 200 3-фн. орудий	22 040 рублей
6 бригантины или поляк	36 12-фн., 36 6-фн. орудий	9360 рублей
18 полугалер, 12 соколев	75 6-фн., 75 3-фн. орудий	10 600 рублей

Примечание. Таблица заимствована из хранящегося в фондах РГАВМФ следующего документа: «Положение сколько за взятые и сожженные неприятельские корабли и фрегаты и прочие суда по силе Морского Устава следует быть к выдаче денег»²³.

Таким образом, в сражении при Чесме 24 — 26 июня 1770 года турецкий флот был уничтожен, благодаря чему русский получил право господствовать в Архипелаге, из чего напрямую проистекала возможность блокировать

Дарданеллы и вести активные действия на морских сообщениях Османской империи. Кроме того, следствием Чесменского сражения стали восстания в Греции, Сирии и Египте.

Из донесения адмирала Г.А. Спиридова о Хиосском и Чесменском сражениях 24–26 июня 1770 года

«Честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26 неприятельский военный флот... атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими».

Из письма графа А.Г. Орлова императрице Екатерине II

«Прискорбно мне, что я не могу и впредь надежды не имею поздравить В.В. с сухопутною, равною морской, победою; ежели бы был так счастлив, желания бы мои совершенно были удовольствованы... Ныне же не остается мне другого, кроме как стараться запереть подвоз в Царьград и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленные на сию экспедицию».

Кроме того, низкие результаты турецкого артиллерийского огня, продемонстрированные в Хиосском и Чесменском сражениях и отмеченные почти всеми русскими командирами, на наш взгляд, способствовали раскрытию русских моряков в Архипелаге, позволив впоследствии предпринять самые отчаянные шаги.

Опыт был действительно показательным: в ходе Хиосского сражения потери на русских кораблях без учета погибших при взрыве корабля «Св. Евстафий Плакида» составили всего 16 человек убитыми. Потери в Чесменском бою были и того меньше — 11 человек убитыми. Такой ничтожный урон русские командиры справедливо объясня-

ли низкой эффективностью турецкого огня, при том что пушки на турецких кораблях «были наведены слишком высоко и стреляли только по рангоуту, повреждали мачты, реи, перебивали снасти».

Так, на корабле «Трех Иерархов», который находился в Хиосском бою совсем близко от турок («менее одного кабельтова»), имелся всего один раненый, зато рангоут, такелаж и паруса получили много повреждений. Однако заметим, что при такой дистанции и исходя из того, что неприятель стрелял только по рангоуту, русский корабль должен был остаться вообще без него, будь огонь противника хоть сколько-нибудь эффективным. Но полностью обозначенное преимущество русские использовать все же не сумели.

Победа русского флота в Хиосском и, особенно, Чесменском сражениях ошеломила Европу. Ведь русские до этого вообще не имели опыта больших морских сражений. К тому же, здесь одним ударом удалось решить исход борьбы на море в пользу русского флота, то есть сделано то, что получалось далеко не у всех европейских адмиралов (во всяком случае в XVIII веке такого еще не было). Об этом, кстати, в своем отчете уже осенью 1770 года отметило Британское адмиралтейство: «Одним ударом была уничтожена вся морская сила Оттоманской державы».

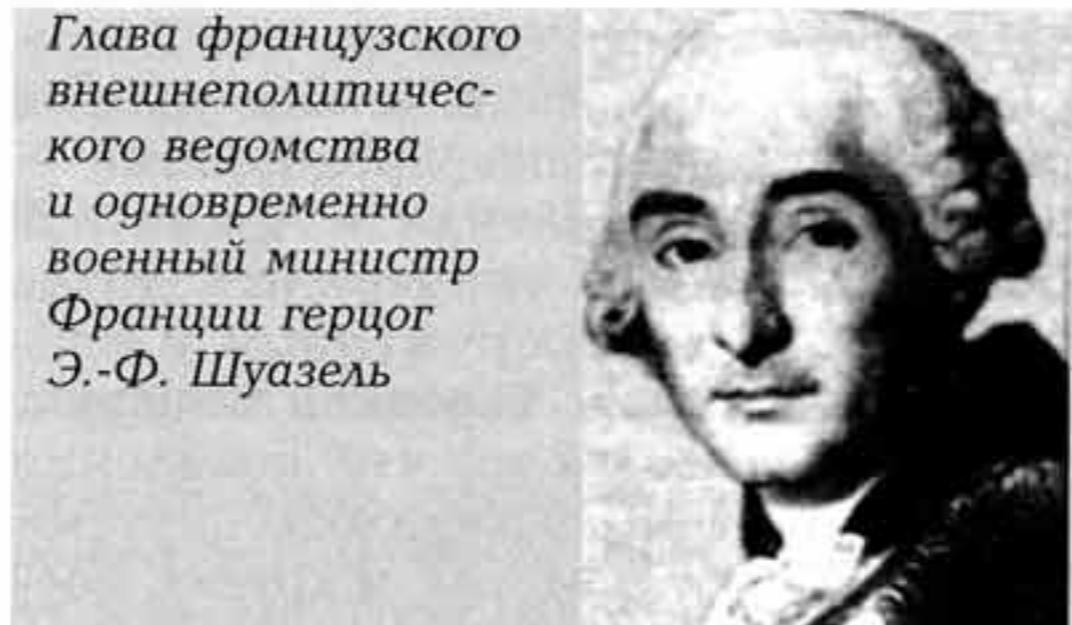
То, какое значение имело появление русского флота в Средиземном море и Чесма, отлично показано и в записке главы тайной дипломатии Людовика XV графа Броли, составленной в 1773 году. В частности, он указал в ней ту роковую ошибку, которую совершил герцог Э.-Ф. Шуазель, допустив русских в Средиземное море. Хотя здесь граф безусловно лукавил. Он не мог не знать, что именно Шуазель предлагал принять все возможные средства для недопущения русского флота в Средиземное море. Но король решил иначе.

Таким образом, судя по содержанию памятной записи Броли, речь идет о критике всех последних действий внешней политики Франции, приведшей к поражению Турции и ослаб-

Французский король Людовик XV

Глава французского внешнеполитического ведомства и одновременно военный министр Франции герцог Э.-Ф. Шуазель

лению позиций Франции. Сам же Броли указывал, что Шуазелю следовало попытаться договориться с Англией об объявлении Средиземного моря нейтральным, а в случае отказа Британии без колебаний направить в Архипелаг французский флот и помочь туркам разгромить русских. Но этого сделано не было. Кстати, именно появление русского флота в Средиземном море в итоге и поставили в вину Э.-Ф. Шуазелю, когда отправляли его в отставку в конце 1770 года.

После Чесмы уже далеко не все британские дипломаты одинаково искренне одобряли русофильскую политику своего кабинета. Так, английский представитель в Константинополе Мюррей начал серьезно беспокоиться по поводу русских побед, опасаясь за позиции Англии в морях Леванта. Более того, в 1772 году он даже открыто поощрял турок к продолжению войны.

Тем не менее позиция Лондона все же осталась для России благожелательной. А причина этого довольно банальна — наибольший удар после Чесменского погрома получила Франция и ее обширная торговля в турецких владениях.

«Торговля совершенно приостановилась на Леванте, французы очень пострадали, турки сильно разъярены против них за то, что французы втравили их в эту войну. Турки их грабят и крайне дурно с ними обходятся: на Мистре и в Морее у французов была очень выгодная торговля, но теперь она разорена, ни одного французского корабля не видно теперь на Леванте», — не без злорадства указывалось в английских документах. Далее там же отмечалось: «Турки также очень разъярены и против англичан, полагая, что не только французы являются причиной русского появления в турецких морях, но что большинство офицеров и солдат на борту русских судов — англичане. Эти сведения, как я слышал, усердно распространяются французами».

Таким образом, британский кабинет мог усмотреть в Чесменском событии две стороны: отрицательную и положительную. Плохо было то, что Екатерине так невероятно блестяще удалось это головоломнейшее предприятие — перебросить с Балтики в Архипелаг большой флот и уничтожить дотла весь прекрасно вооруженный и многочисленный флот Турецкой империи, нехорошо было и то, что появление А.Г. Орлова сопровождалось смутами и восстаниями в Морее и других местах, населенных христианскими подданными Порты.

Но зато очень хорошо выглядело то, что русскому флоту в Чесменском сражении удалось одним ударом решить в высшей степени важную для англичан задачу: разорить французскую торговлю, создать почву уже не только для антигреческих, но и для антифранцузских погромов, прочно поссорить турок с французами и тем облегчить англичанам их дальнейшую неустанную политическую и экономическую борьбу с французскими конкурентами на всем Леванте.

Что турки на первых порах были раздражены и против англичан — это являлось не столь уж существенным. Англичане знали, что они несравненно менее скомпрометированы перед ними, чем французы, в этой несчастной для Порты войне, и что турецкий Диван это хорошо знает. Эти последствия Чесменской победы ничуть не подрывались опасениями, что русские победители заменят собой французов: Россия не являлась для Англии, переживавшей блестательный промышленный переворот, сколько-нибудь серьезным соперником на торговом поприще. Особенно это относилось к Морею, Малой Азии,

к морям, омывающим южные владения Турции, где и действовал А.Г. Орлов со своей эскадрой. Если бы тот угрожал Константинополю, если бы речь шла о непосредственном уничтожении Турции как самостоятельного государства, тогда, конечно, положение изменилось бы. Но этого еще не было и в помине, и, таким образом, для Англии указанные положительные и отрицательные стороны Чесменской победы более или менее уравновешивались.

И английский посол лорд Каткарт даже с некоторым сочувствием писал из Петербурга своему начальнику, статс-секретарю иностранных дел графу Рошфору, донося ему о настроениях при русском дворе в сентябре 1770 года: «Храбрость, образ действий, решительность, обнаруженные русским адмиралом и его офицерами и моряками в таком новом для них случае, очень усиливают чувство удовольствия, которое императрица испытывает по поводу полного успеха всех частей этой операции».

В этой несколько неуклюжей, но многозначительной английской фразе («*the complete success of every part of the operation*») лорд Каткарт хочет явно выразить мысль, что русская победа не только в том, что Ибрагима-пашу пустили ко дну со всем турецким флотом, но и в том, как русским удалось создать, вооружить, отправить в очень далекое, опасное плаванье большой военный флот, как удалось подготовить дееспособных командиров, моряков, артиллеристов, наконец, как удалось зажечь пожар восстания на юге Балканского полуострова.

Кстати, после Чесменской виктории, Россия впервые услышала понятие «европейские интересы».

Из письма, полученного графом А.Г. Орловым 21 июля 1770 года от находившихся в Смирне европейских консулов

«...8 июля народ и войско в Смирне, будучи приведены в бешенство и отчаяние вестию о Чесменском деле, бросились на греков и побили их великое множество; два европейца были также убиты. Возмущение это навело ужас на всех европейцев; большая часть франков искали убежища на кораблях, иные заперлись в своих домах; торговля прекратилась. По прошествии нескольких дней тишина, кажется, восстановилась, торговля начала опять приходить в движение; но страх приближения русского флота нескованно тревожит души европейцев, ибо этот ужасный час будет началом убийства и грабежа подданных европейских государей и, конечно, разрушения их торговли».

...«Эта грозная крайность побудила нас уполномочить и послать к В.С. депутатов с изъяснением такого опаснейшего нашего состояния и с просьбою не обращать победоносное оружие Е.И.В. на этот торговый город, на который должно смотреть не как на неприятельское место, а скорее как на колонию, основанную разными нейтральными государствами; разрушать их торговлю и приносить их подданных в жертву российская императрица, конечно, не пожелает...».

Из ответа графа А.Г. Орлова европейским консулам в Смирне

«Последуя высочайшему благоволению, исполняю закон, мною никогда не нарушающий, чтоб подавать во всякое время всевозможное вспоможение народам, не только с нами союзным, но и нейтральным. Сии суть и всегда будут непременные правила моего поведения. Как скоро я услышал о возмущении, приключившемся в Смирне, отложил намерение идти на оный город для сей одной причины, чтоб приближение нашего флота не распространило более распутства и беспорядков... Я также весьма рад был бы согласиться на все то, что вы от меня требуете, если б не препятствовали тому разные причины: могу ли я безо всякоого с другой стороны договорного со мною согласия ответствовать за то, на что неизвестные обстоятельства впредь меня побудят? Что же вы хотите меня уверить против принятых всеми понятий, что город Смирну должно почитать больше селением, основанным разными европейскими народами, нежели местом неприятельским, сие мне кажется непонятно. Сему вашему правилу последуя, должно бы мне и самый Царьград почитать таковым же, а по нем и все прочие приморские города, под владением турецким находящиеся, в которых есть несколько жительств народов европейских. Что касается торговли, будьте совершенно уверены: доколе флаг Е.И.В. будет на сих морях владычествовать, вы должны совершенно надеяться на защищение ее, чему вы уже ясно видели доказательства, лишь бы только в торговле сей ничего противного не было законам войны...».

Екатерина II осталась очень довольна таким ответом А.Г. Орлова, написав ему: «Начертали вы здесь душу свою. Мы давно ее знали, но теперь весь свет ее видит и ей справедливость отдает».

Интересный эпизод. Воевать между собой, не считаясь даже с нейтраль-

ным статусом других стран — это для европейских стран правильно и законно. Но как только появляется угроза таких действий от других — уже нет. Ну, а Россия, как всегда, провозгласила моральную концепцию ведения войны.

Из письма императрицы Екатерины II генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву о Чесменской победе

«Ничего знаменитее, кажется, в той стороне быть не может. Дивен Бог в чудесах своих! — писала Екатерина II Румянцеву. — Мало в свете слыхано подобного было. Мы 14-го числа сего месяца [сентября] Богу приносили благодарение, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для России славы. Мы плодом его трудов пользуемся; наш флот по-

добен Исааку, который, женясь 70 лет, оставил потомство, кое ведется и до сего дня; и наш флот после семидесяти лет его основания покрылся славою, коя, дай Боже, да продлится долее, нежели потомство Исааково».

А.Г. Орлову же Екатерина II написала: «Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся при вас находящаяся эскадра».

Из рескрипта императрицы Екатерины II Ф.Г. Орлову

«Скажу вам о нас мысли разных народов. Сначала никто не хотел верить, чтоб мы дошли до сего места, а еще менее, чтоб атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшиеся де по морю и ничего не сделав, назад возвратятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают, что думать и что делать, с удивления все окаменели... Только то знаю, что все кричат, робеют и удивляются проворству Кабинета полуночного».

Не менее интересен и более подробный рескрипт императрицы Ф.Г. Орлову.

Чесменская колонна в Царском Селе.
Архитектор А. Ринальди. 1771–1778 годы

Итак, главные силы турецкого флота на море были уничтожены. Таким образом русский флот становился хозяином дел в Архипелаге, поскольку Османская империя даже и не помышляла о сопротивлении. После Чесмы турки находились в панике.

В память победы русского флота при Чесме в Екатерининском парке Царского Села была установлена колонна,

Француз барон де Тотт, французский агент в Турции писал о состоянии дел в Константинополе: «Падиах в живейшей тревоге, министры удрученны, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед этим считала себя столь грозной».

При этом он указал, что батареи, прикрывавшие Дарданеллы, находились в ужасном состоянии, и русский флот легко мог форсировать пролив и подойти к Стамбулу. Таким образом, теперь многое зависело от того, какие решения и как скоро примет командование русским флотом в Архипелаге.

Продолжение следует

Примечания

1. О том, насколько напряженным получился этот первый в истории переход русских кораблей в Средиземное море, прекрасно свидетельствует цитата из письма Г.А. Спиридова Екатерине II, написанного сразу по приходе «Св. Евстафия Плакида» в Порт-Магон: «До сего числа еще ни один час не прошел, когда бы я без прискорбности пробыл».

2. В рескрипте, данном Г.А. Спиридову при отправлении, Екатерина II отметила, что для действий против турецкой торговли планирует вскоре отправить еще одну эскадру.
3. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. — СПб., 2007. — С. 260–261.
4. Подробно положения Морского Устава относительно тактики действий русского флота в морском бою были рассмотрены в статье «Военно-морское противостояние в Семилетней войне: итоги и уроки» (Гангут, вып. 48), поэтому здесь мы отметим только три основные его статьи: ст. 24, кн. 1, гл. 1: «Когда наш флот, или некоторая часть оного, придет с неприятелем в бой, тогда всем, как флагманам, так и капитанам... долженствует стать в своих местах добрым порядком, по данному им ордеру, как надлежит быть в бою без конфузии. И надлежит как эскадрам, так и партикулярным кораблям держать себя в умеренном расстоянии за другим не гораздо далеко, дабы неприятель не мог пробиться; ниже гораздо близко, дабы одному другова не повредить...»; ст. 78, кн. 3, гл. 1: «Во всяких случаях капитанам содержать себя в эскадре в которой они определены. А ежели кто от своего места без указу отступит и не может оправдаться... тот штрафован будет смертью...»; ст. 87, кн. 3, гл. 1: «... каждому быть в своем определенном месте до окончания боя или как командир флота иным сигналом отменит, под лишением живота». Таким образом, мы четко видим положения, ориентирующие на проведение регулярного морского боя (а других вариантов в Морском Уставе не было вообще).
5. Другое дело, почему в русском флоте не знали или не использовали британские инструкции для преследования отступающего противника, но и здесь, очевидно, сказывалось долгое пребывание русского флота в застойно-кризисном периоде.
6. Мазюкевич М. Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. — СПб., 1874. — С. 63.
7. Соловьев. Сочинения. В 18 кн. — Кн. XIV. История России с древнейших времен. — Т. 27–28. — М., 1994. — С. 361.
8. С учетом поступившего на русскую службу фрегата «Св. Николай».
9. Таковы данные, официально принятые, в отечественной историографии. Однако по данным С.К. Грейга и материалам РГА ВМФ, турки имели гораздо больше сил, в частности 17 линейных кораблей, 6 фрегатов и 67 малых судов.
10. В частности, Н.Л. Кладо, В.Д. Доценко.
11. В пункте третьем, гл. 1, кн. 1 первой Морского Устава значилось: «Главные дела и воинственные начинания никогда да не дерзает (командующий — Авт.) чинить без консилии письменной, разве нечаянно атакован будет от неприятеля, и сие нападение не от его оплошки ...».
12. Бобраков А. Предтеча Чесменской победы: анализ Хиосского сражения с точки зрения командира корабля // Морской журнал. — 2005. — № 2. — С. 32.
13. Овчинников В.Д. Существовала ли «маневренная тактика» адмирала Ушакова? // Флотомастер. — 2004. — № 2. — С. 26. На деле это выразилось в атаку флагманским кораблем Турвиля флагманского корабля англичан.
14. Доценко В.Д. Миры и легенды русской морской истории. — СПб., 1997. — С. 14–15. Речь идет об Афонском сражении 19 июня 1807 г.
Кстати, подобные мысли высказывал и генерал-лейтенант Н.Л. Кладо, который писал, критикуя С.К. Грейга, что тот «не представлял себе, что можно свой флот разбить на отдельные отряды... и предоставить командирам этих отрядов свободу действий при сохранении взаимовыручки и координации действий в бою». Это в XVIII веке-то! При том уровне сигнализации и управления.
15. Не говоря уже о том, что и морские сражения европейских флотов, случившиеся в 1778–1805 годах, дали богатую пищу для размышлений, что в Европе появились новые теоретические труды по тактике парусного флота и новые способы передачи сигналов.
16. О том, что лежало в основе применения Д.Н. Сенявиным нового тактического приема отлично сказал А.Л. Шапиро в своей книге: Адмирал. Д.Н. Сенявин. — М., 1958. — С. 213, 233–234.
17. Шапиро А.Л. Указ. соч. — С. 221–222, 230–234.
В частности, инструкции для нового сражения были составлены Д.Н. Сенявином 23 мая и 12 июня 1807 года (а Афонское сражение произошло 19 июня 1807 года), причем в них присутствовал опыт, вынесенный Д.Н. Сенявиным из Дарданельского сражения, произошедшего 10 мая 1807 года.
Кстати, сама идея об атаке каждого флагманского корабля противника двумя своими кораблями впервые была высказана Д.Н. Сенявиным еще 16 апреля 1807 года, но оформил он ее только после Дарданельского сражения. В 1770 году такого опыта русские иметь просто не могли.

18. Что и продемонстрировал Г.А. Спиридов во время погони за турецким флотом у о. Спэция в конце мая 1770 года, начав выстраивать линию баталии при появлении малейшей вероятности начать бой, а не продолжая преследовать, как Д. Эльфинстон, без соблюдения строя. Но если в Европе имелся опыт атаки не в рамках принципа «корабль против корабля» и то, что русские моряки не использовали этот опыт, еще можно назвать упущением, то во время событий у Хиоса, где турки, имея большое превосходство в силах, сначала просто стояли под берегом на якорях, а затем и вовсе заняли крепкую позицию, каких-либо показательных прецедентов просто не имелось.

Кстати, французский флот в сражении у Палермо в 1676 году сначала провел разведку сил противника (1 июня), а затем атаковал его (2 июня).

19. Как справедливо пишет Б. Тансталл, если бы Д. Бинг встретился у Пассаро с французским флотом, более-менее равным по силе, то, безусловно, действовал бы иначе, то есть по традиционной схеме.

20. Гребенщикова Г.А. Указ. соч. — С. 279.

21. Гребенщикова Г.А. Указ. соч. — С. 280.

22. При этом, если использование брандеров после многолетнего забвения в истории войн на море можно назвать все же лишь неожиданным для противника ходом, то использование для атаки ночного времени уже несомненно является подлинной новинкой.

Так, последним к тому времени примером эффективного использования брандеров в морском бою являлось сражение французского флота с испано-голландским в бухте Палермо 2 июня 1676 года. Здесь в результате использования французами артиллерийского огня и брандеров союзный флот потерпел тяжелое поражение, потеряв 7 линейных кораблей, несколько мелких судов, 4 адмиралов и около 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Однако этот бой проходил днем, а большинство испано-голландских линейных кораблей (а именно 20) все же были сохранены. Правда, имелся еще пример добивания англичанами, в том числе с помощью брандеров, отдельных французских отрядов кораблей после боя у Ла-Хог в 1692 году, но это уже не носило характера единого сражения. Кстати, историк русского флота Г.А. Гребенщикова указывает, что брандеры в Чесменском сражении русский флот вообще впервые применил в своей практике (хотя отметим, что и в Морском Уставе 1720 года указано применение брандеров, и в русском флоте первой половины XVIII века они присутствуют).

Кстати, о том, что брандеры очень давно серьезно не использовались и стали сюрпризом для турок, говорит и факт, приведенный Е.В. Тарле: «Когда русские брандеры стали приближаться к турецкому флоту, то, по признанию самого Гассан-паши (рассказавшего это барону Тотту), турки убеждены были сначала, что это русские перебежчики, идущие добровольно сдаваться. И турки "молились о благополучном прибытии [русских судов], в то же время твердо решив заковать в кандалы [русский] экипаж и уже предвкушая удовольствие повести их с триумфом в Константинополь"». Эта курьезная ошибка помогла брандерам Ильина и Гагарина сцепиться с турецкими кораблями.

Что же касается историиочных атак, то пример может быть лишь один, да и то не идущий в сравнение: во время борьбы с испанской Непобедимой Армадой в августе 1588 года, англичане, когда испанцы укрылись в Кале, в ночь с 7 на 8 августа послали против них несколько брандеров, но это не является примером морского боя. Брандеры были посланы без всякой поддержки и никакого вреда противнику не причинили.

23. РГАВМФ. Ф. 212, Канцелярия II отдел, Д. 92, Л. 74–74 об.

Уважаемые читатели!

При подготовке к печати вып. 49 сборника «Гангут» неправильно указано имя автора статьи «Трагедия лайнера "Lusitania"». В действительности им является Даниил Андреевич Невский, сын нашего постоянного автора Андрея Викторовича Невского.

Кроме того, в том же сборнике в статье А.А. Лебедева «Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов» на стр. 22, в левой колонке 14 строка сверху следует читать: «В 1571 году их большой галерный флот был разбит испано-венецианским флотом при Лепанто».

В связи с этим редакция приносит свои извинения Даниилу Андреевичу Невскому и читателям сборника за допущенные ошибки.

Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов*

А.А. Лебедев

Блокада русской эскадрой Дарданелл в 1770 году. Художник Я.-Ф. Хаккерт

Разгром турецкого флота в сражениях при Чесме 24–26 июня 1770 года открывал для русского флота большие возможности. А.Г. Орлов справедливо решил развить успех. Свою следующую задачу он указал в своем письме Екатерине II уже 28 июня 1770 года: «... Ныне же не остается мне другого, кроме как стараться запереть подвоз в Царьград и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленные на сию экспедицию (Курсив наш. — Авт.)...»

Чрез взятых пленников получено известие, что в Константинополе есть еще три большие корабля, два строятся в оном, два в Родосе, два в Митилине и пять из александрийских больших купеческих судов, велено вооружить поспешнее. Ежели бы все оные были готовы и соединились, не думаю, чтоб могли воспрепятствовать положению вновь сделанному. Не опасны уже мне морские турецкие силы (Курсив наш. — Авт.)...».

* Продолжение. Начало см.: Гангут. Вып. 49–50.
© А.А. Лебедев, 2009

Как следствие, уже 28 июня от Чесмы к Дарданеллам вышла эскадра Д. Эльфинстона в составе трех линейных кораблей и двух фрегатов, которая 15 июля установила блокаду Дарданелл. Более того, в этот день Д. Эльфинстон с эскадрой, преследуя турок, даже вошел в пролив, где, по словам Н.Д. Калистова, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же контр-адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. Затем эскадра Эльфинстона еще несколько раз входила в устье Дарданельского пролива, но каждый раз возвращалась обратно.

Тем временем остальные силы русского флота, которые А.Г. Орлов также разделил на две части (под своим командованием и командованием Г.А. Спиридова), направились к Лемносу, который А.Г. Орлов хотел превратить в опорный пункт флота у Дарданелл.¹ 19 июля оба этих отряда сосредоточились у Лемноса и вскоре приступили к осаде крепости Пелари, которая, однако, затянулась.

Между тем, Д. Эльфинстон продолжал блокировать вход в Дарданеллы, причем, судя по запискам С.П. Хметевского, русские корабли достаточно активно захватывали в это время и нейтральные, в частности, французские суда, направляющиеся в Константинополь. Скорее всего, именно в это время блокада Дарданелл была наиболее строгой за все время войны.

А в начале сентября 1770 года произошли два непредвиденных случая, круто повлиявших на дальнейшее развитие событий. Сначала у острова Лемнос сел на мель флагманский корабль Д. Эльфинстона «Святослав» (самый сильный в русской эскадре), а затем, в связи с отходом к нему на помощь линейного корабля «Не тронь меня» и фрегата «Надежда» и ослабления тем самым блокады Дарданелл, турки смогли перебросить на Лемнос подкрепления. Главной загадкой здесь остается вопрос, почему Д. Эльфинстон оказался у Лемноса. В историографии есть три

Панорама пролива Дарданеллы.
Рисунок русского военного топографа
начала XIX века

версии: 1) был зачем-то вызван А.Г. Орловым; 2) сам непонятно зачем отправился к Лемносу; 3) отправился к А.Г. Орлову с предложением попытаться нанести удар на Константинополь.

Не меньше вопросов вызывает и организация блокады Дарданелл, которую так легко смогли прорвать турки. Как бы то ни было, противник смог нарастить свои силы на Лемносе и А.Г. Орлову пришлось снять осаду крепости Пелари.

Потерпев неудачу с организацией базы флота на острове Лемнос (70 верст от Дарданелл), русское командование решило использовать для этой цели остров Парос. И с 4 декабря 1770 года порт Ауза стал базой русского флота в Архипелаге. Отряд Г.А. Спиридова доставил сюда корабельный лес, заготовленный на острове Тасо. В Аузе

были построены укрепления, адмиралтейство, магазины и лагерь для сухопутных войск.

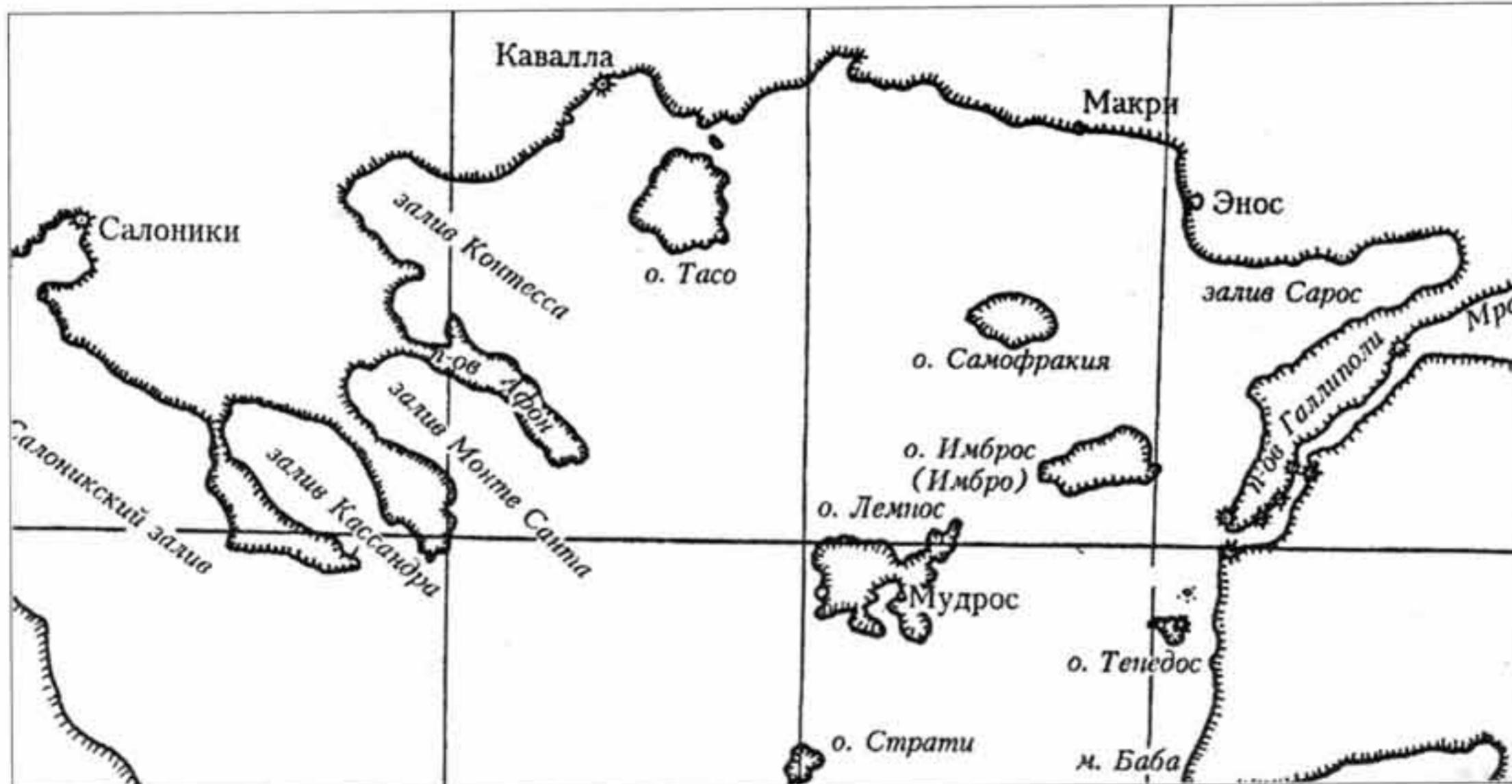
25 декабря 1770 года в Аузу из Балтийского моря пришла третья эскадра под командованием контр-адмирала И.Н. Арфа. В ее составе находились 66-пушечные линейные корабли «Св. Георгий Победоносец», «Всеволод», 54-пушечный — «Азия», купленный в Англии 40-пушечный фрегат «Северный Орел» и 15 зафрахтованных английских транспортов. На судах эскадры в Архипелаг прибыло 2167 человек пехоты, в том числе 523 гвардейца, позволивших А.Г. Орлову увеличить свои десантные войска. Кроме того, пришедшая к Паросу эскадра И.Н. Арфа сняла обострившуюся до предела проблему снабжения русского флота в Архипелаге. Вот что писал Г.А. Спиридов А.Г. Орлову в начале февраля 1771 года:

«Ежели бы господин Арф не подошел, от которого я из оставшейся у него выданной на чрезвычайные расходы суммы пятнадцать тысяч голландских червонных к себе взял, то бы в сие время (в феврале) в самом горестном положении был, и уже перед тем на свое имя занял у одного грека тысячу червонных и дал вексель. Пшеницы же мало, боялись голоду ...» (3: 326–327).

Приводя данные строчки, приходится констатировать: 1) изначально слабую подготовку Архипелагской экспедиции для масштабных действий; 2) низкую результативность действий на коммуникациях противника, поскольку в противном случае полученная добыча позволила бы решить вышеуказанную проблему без затруднений.

Таким образом, события, произошедшие в Архипелаге после Чесмы, показали, что русское командование снова допустило ряд серьезных просчетов. Сначала вялость действий и раздробленность сил не позволили быстро овладеть крепостью Пелари на острове Лемнос. Затем проблемы с организацией блокадных действий, равно как и с координацией действий эскадр, позволившие туркам перебросить помощь на Лемнос, перечеркнули надежду на успех и от длительной осады. Наконец, последовавший в середине октября 1770 года отказ А.Г. Орлова от блокады Дарданелл ослаблял эффект от всех предшествующих усилий.

Хотя случаи зимних действий в то время уже не были редкостью. Здесь и ледовый поход Балтийского флота к Выборгу в 1710 году, и переход тех же эскадр Спиридова и Эльфинстона из Балтийского моря в Средизем-

Карта Северной части Архипелага и пролива Дарданеллы

ное осенью – зимой 1769/1770 года, и действия Азовской флотилии в эту войну, и крейсирование С.К. Грейга перед теми же Дарданеллами зимой 1772/1773 года. Про ведущие европейские флоты и говорить не приходится. Из более поздних же примеров наиболее показательны два. В первом случае, в 1807 году Д.Н. Сенявин не только установил в феврале полную блокаду Дарданелл, но и захватил остров Тенедос, контролирующий подступы к проливу. Во втором – уже во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов отряд П.И. Рикорда всего из четырех судов (двух линейных кораблей — «Фершампенуаз» и «Эммануил» и двух фрегатов — «Ольги» и «Марии») смог организовать полную блокаду Дарданелл в течение всей зимы 1828/1829 г.!²

Причем вообще без наличия сколько-нибудь близкого пункта базирования. И ее результаты не замедлили сказаться: прекращение допуска судов с продовольствием в Константинополь вызвало там голод и привело к волнениям в столице Османской империи. Кроме того, Турция лишилась возможности перевозить на Балканский театр подкрепления из Египта и Малой Азии. Все это ускорило окончание войны, которая и закончилась 2 сентября 1829 года полным поражением Турции.

Так что снятие блокады Дарданелл стало еще одной ошибкой А.Г. Орлова в кампании 1770 года. Ссылка же его на исключительно плохое состояние кораблей в данном случае не актуальна. Архивные материалы показывают, что зимой 1770/1771 года никакого ремонта судов в Аuze не производилось, а корабль «Саратов» вообще находился на патрулировании ближних к Паросу вод.

Кстати, и действия А.Г. Орлова, направленные на получение базы для флота в 1770 году, вызывают вопросы. Почему, в частности, сначала был выбран Лемнос (70 верст от Дарданелл), а после неудачи с Лемносом — Парос? Последний выгодно располагался в центре Эгейского моря, но до Дарданелл от него было около 300 верст. А ведь А.Г. Орлов сам указывал, что главной

задачей флота после Чесмы является именно блокада Дарданелл. Между тем, для ее ведения изначально больше годился Тенедос, находившийся всего в 12 милях от пролива и с которого он отлично просматривался, при том, что и крепость была намного слабее. Кроме того, здесь имелись и отличные источники для снабжения кораблей водой (4: 199).³ К тому же позицию в этом районе занимал в июле – сентябре 1770 года Д. Эльфинстон. Во всяком случае, захват Тенедоса создавал бы отличную базу именно для ведения блокады, которая впоследствии могла стать просто передовой. Но А.Г. Орлов ценности этого острова так и не увидел.

А теперь хотелось бы остановиться на вопросе: возможно ли было для русского флота осуществление прорыва к Константинополю, и был ли отказ от этого еще одной ошибкой А.Г. Орлова? После Чесмы турки находились в панике. Француз барон Ф. де Тотт писал о состоянии дел в Константинополе:

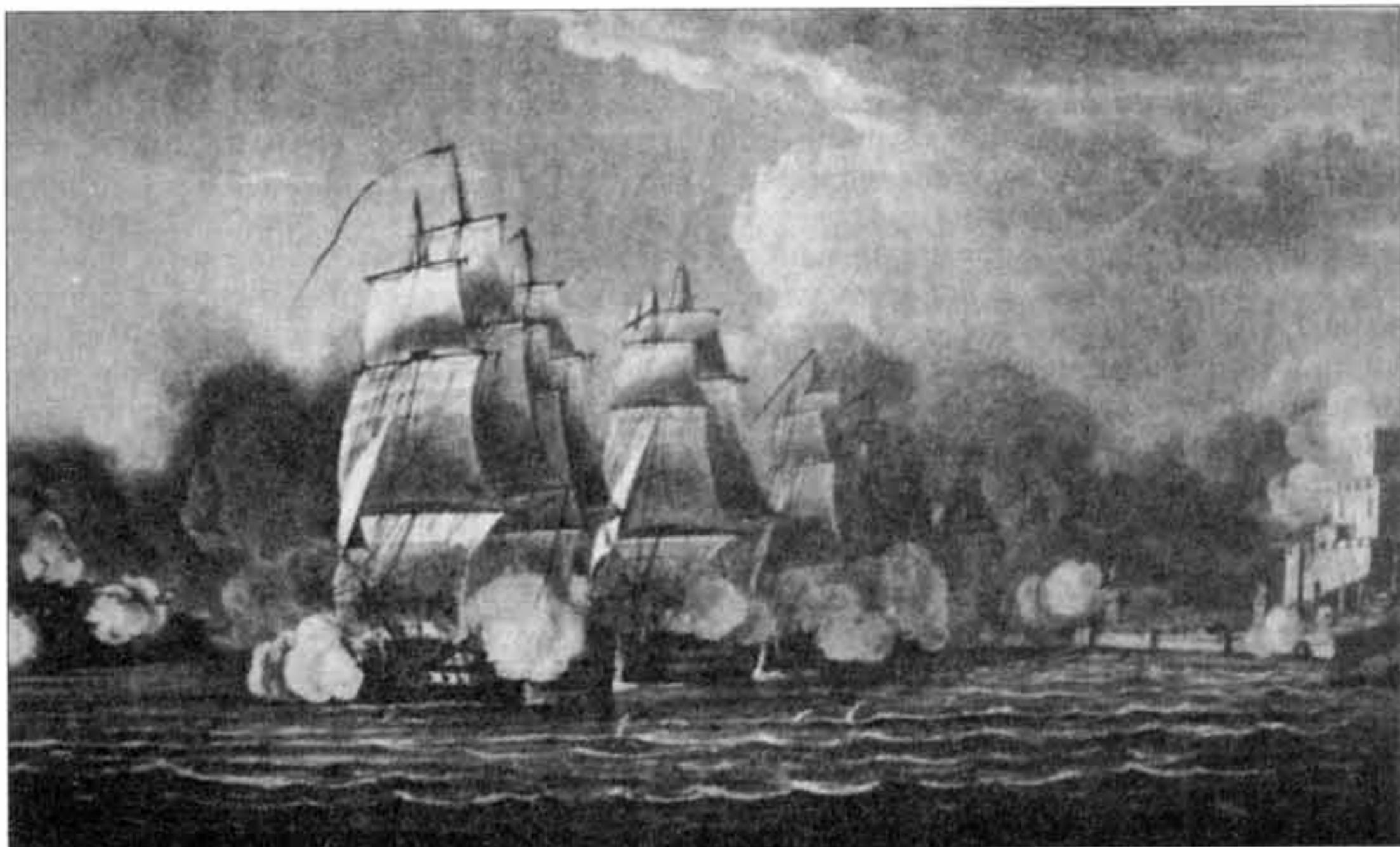
«Падиах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед этим считала себя столь грозной».

При этом он указал, что батареи, прикрывавшие Дарданеллы, были в ужасном состоянии и русский флот легко мог пройти пролив и подойти к Стамбулу.

О проблемах, возникших в Константинополе из-за действий русского флота, писал и Д. Эльфинстон. В письме Н.И. Панину от 13 сентября 1770 года он, в частности, отмечал:

«... И взял свою станцию к пресечению подвоза к Царьграду; с того же нынешнего времени оный город действительно в блокаде был, и слышал я, что малым нашим нападением Царьград приведен был в великое беспокойстве...» (1: 569–570).

Позже русские, а затем советские историки подвергли сомнению данные де Тотта. Как писал С.М. Соловьев, Ф. де Тотту «было поручено укрепить

*Прорыв английской эскадры Д. Дакворт через Дарданеллы в 1807 году.
(Clowes W.L. *The Royal Navy. A history from the earliest time to the present.* London, 1900. Vol. 5)*

Дарданеллы и, следовательно, было выгодно представить прежние оборонительные средства в самом жалком виде». Однако, скорее всего, де Тотт оказался прав.

Пролив Дарданеллы у турок прикрывали четыре замка, построенные в 1453–1658 годах. В 1770 году (после Чесмы) они под руководством барона де Тотта приступили к постройке пятого замка. Остальные четыре усилили еще и земляными батареями. Но лишь два старых замка, построенные в таком месте, где ширина пролива равна 1195 м, обстреливали фарватер перекрестным огнем с малой дистанции. Выстрелы же новых замков при ширине пролива до 4 км не достигали фарватера.

Всего на вооружении этих пяти замков имелось около 200 орудий, большинство из которых имело калибр 20–150 фунтов. Самая большая пушка калибра около 27 дюймов стреляла мраморным ядром весом в 1000 фунтов при метательном заряде в 300 фунтов пороха. Такие пушки казались туркам очень грозным оружием. На самом же

деле попасть из таких монстров можно было только в очень медленно идущий корабль. Заряжание пушки длилось не менее часа. Горизонтальное наведение было очень медленным или отсутствовало совсем. О меткости стрельбы и говорить не приходится.

В качестве примера действия артиллерии Дарданелльских замков можно привести прорыв английской эскадры вице-адмирала Д. Даквортса 19 февраля 1807 года. При свежем попутном ветре восемь линейных кораблей, два фрегата и два бомбардирских корабля прошли Дарданеллы, понеся ничтожные потери. Более того, при выходе из пролива в Мраморное море англичане еще и разбили турецкую эскадру (потери турок составили: один линейный корабль, четыре фрегата, три корвета и один бриг уничтоженными и один корвет захваченным в плен). Цена же успеха составила всего 38 человек убитыми и 100 ранеными.

Но затем вместо решительной атаки Константинополя Д. Дакворт вступил с турками в длительные переговоры, которые тем временем под руко-

водством французских специалистов укрепили оборону Константинополя, выставив на берег свыше 1000 пушек и 200 мортир. Дакворт не рискнул атаковать Константинополь и 1 марта двинулся обратно. На сей раз турки подготовились к обороне Дарданелл, и при обратном переходе через пролив англичане потеряли 197 человек убитыми и 412 ранеными. Но и на этот раз им не удалось потопить ни одного английского корабля. А ведь, как справедливо писал генерал Г. Жомини, «если бы... турецкая артиллерия в Дарданеллах имела искусную и хорошо обученную орудийную прислугу, вся эскадра Дакворта погибла бы при обратном движении в Архипелаг» (5: 392). Но именно такие артиллеристы у турок-то по-прежнему отсутствовали. И это после всех реформ Селима III!⁴

Очевидно, что в 1770 году русская эскадра в Дарданеллах встретила бы менее сильный огонь, чем англичане в 1807 году, поскольку турки еще ни разу не сталкивались с угрозой прорыва к Константинополю через Дарданеллы. Таким образом, русская эскадра, по всей видимости, могла сравнительно легко прорваться к Константинополю. Другой вопрос, что у А.Г. Орлова фактически не было сухопутных войск для захвата столицы Османской империи. Однако уже сама демонстрация силы у самого Константинополя, при том, что после Чесмы турки и без того находились в паническом состоянии, могла стать сильным аргументом для капитуляции Турции. К тому же история знает целый ряд примеров, когда страна, испытавшая на себе сильнейшее военно-психологическое воздействие противника, прекращала войну. Приведем лишь несколько наиболее показательных примеров.

Во время второй Англо-голландской войны 1665–1667 годов голландский флот в самом ее конце в период с 19 по 23 июня 1667 года провел блестящую атаку на английскую базу флота в устьях рек Мидуэй и Темза.⁵ Особенно удачными были действия у Грейвсенда (верфь и база английского флота на реке Мидуэй), где все английские арсена-

Английский адмирал сэр Джон Томас Дакворт (1748–1817). Художник У. Бичи

лы и запасы были уничтожены, часть кораблей сожжена, а часть захвачена голландцами (при этом предварительно голландцы смогли взять защищавший Грейвсенд форт Ширнесс). Три самых крупных английских линейных корабля — «Роял Оук», «Роял Джеймс» и «Лойел Ландэн», — которые сели на мель в районе Грейвсенда, голландцы зажгли брандерами прямо на глазах у противника и под огнем береговых батарей. Причем, когда голландцам показалось, что «Лойел Ландэн» и «Роял Джеймс» горят недостаточно хорошо, они подвели к ним еще по брандеру.

Один из англичан, наблюдавший за этим с верфи, писал:

«Уничтожение этих трех величественных и славных кораблей было наиболее печальным зрелищем, которое когда-либо видели мои глаза, и, несомненно, при виде такой картины сердце каждого истинного англичанина обливалось кровью».

Зарево пожара было видно даже в Лондоне, в котором началась паника. Флагман английского флота — линейный корабль «Роял Чарльз» — голландцы демонстративно увезли с собой.

Далее последовала блокада Темзы, вследствие чего цены в Лондоне поднялись до небывалых размеров. А уже 21 июля 1667 года страны заключили мир, условия которого существенно смягчили последствия предшествующих чувствительных поражений Голландии.⁶

Вот что пишет английский историк Д. Ховарт по поводу указанной атаки голландского флота:

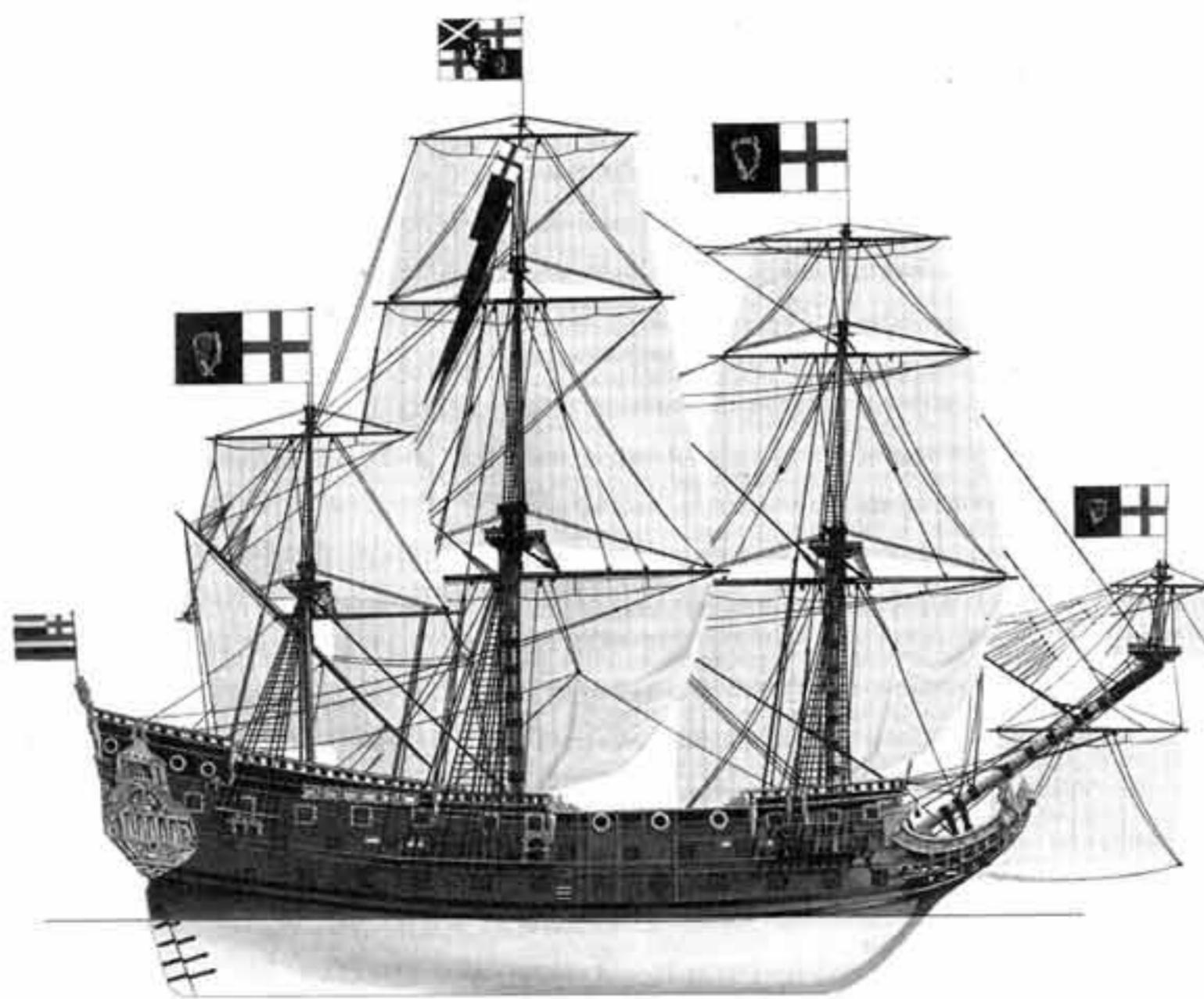
«... Голландская эскадра проникла вверх по Темзе на целых 20 миль, гораз-

Панорама реки Мидуэй от форта Ширнесс до замка Апнор. В центре — эпизод захвата корабля «Роял Чарльз» голландскими моряками и спуск на нем английского флага. Июнь 1667 года (Ховарт Д. Боевые парусники. М., 1998)

до дальше, чем любой враждебный флот со времен викингов. Это ввергло лондонцев в панику. "Испуг и оцепенение в го-

роде были такими, словно голландцы не только завладели рекой, но и на самом деле высадили стотысячную армию", —

80-пушечный корабль «Нейсиби», построенный при О. Кромвеле и переименованный при Карле II в «Роял Чарльз»

записал королевский министр, граф Кларендон... На следующий день паника распространилась на Мидуэй».

Подводя же общий итог июньским событиям 1667 года, он отмечает:

«Англичане сильно пострадали в ходе голландского набега на Мидуэй. Флот потерял шесть самых крупных кораблей. Еще два корабля были захвачены и несколько небольших кораблей потоплены. Размеры ущерба оценивались примерно в 200 000 фунтов стерлингов. Значительный ущерб понесла торговля, поскольку голландцы прервали прибрежное судоходство и в течение некоторого времени блокировали как реку Мидуэй, так и Темзу».

Таким образом, одной этой атакой голландцы изменили ход уже проигранной ими войны. А ведь у Англии еще оставался флот, притом что над Голландией все сильнее нависала угроза войны с Францией!

Кроме того, стоит отметить блистательное замирение Дании, осуществленное Карлом XII в самом начале Северной войны, а также удары русского гребного флота при поддержке парусного по территории Швеции в завершении Северной войны 1700–1721 годов.

Междутем, Д.Н. Сенявин в 1807 году, настаивая на новом совместном с Д. Даквортом прорыве к Константинополю, тоже не собирался завоевывать город, вполне резонно полагая, что без сухопутных сил это и нельзя сделать. Вместо этого он как раз и хотел поджечь столицу Османской империи и турецкий флот, что должно было увеличить смятение и беспорядок, и так уже овладевавшие Портой (4: 195).

Таким образом, исторический опыт убедительно показывает, что нестандартные и стремительные действия часто способны изменить ход событий. Причем осуществление такого рода мероприятий, в отличие от достаточно регламентированного Морским Уставом характера морского боя, ничем не ограничивалось. Требовался риск (яркий пример тому — поведение де Витта в 1667 г.). Во всяком случае, сама по себе возможность нанести Османской

империи решающий удар сразу после Чесмы в 1770 году была достаточно хорошей. И такие авторы, как М. Мазюкевич, Н.Д. Каллистов и М. Андерсон, открыто упрекают А.Г. Орлова в том, что он, отказавшись от атаки Константинополя, не использовал победу при Чесме и тем самым упустил возможность победно закончить войну в 1770 году.⁷

Кстати, Екатерина II также, хотя и косвенно, выразила свое отношение к событиям в Архипелаге осенью 1770 года. В частности, когда в Петербурге после известий о Чесме распространился слух о новых успехах русского флота, она написала Н.И. Панину: «Сказывают одни, что взяты Дарданеллы, а другие, что флот турецкий паки сожжен. Но если мне выбрать, то Дарданеллы лучше возьму, ибо сие нас приближает к месту ближайшего мирного конгресса».

Однако А.Г. Орлов решил не рисковать, ограничившись блокадой Дарданелл. Причем решение это он сформулировал фактически уже 28 июня, хотя С.К. Грейг и отмечает, что в случае овладения Лемносом Орлов «твердо решил прорваться через Дарданеллы». И для такой осторожности у Орлова в принципе имелись основания (слишком многое зависело от погоды, выверенности действий русского командования, степени уверенности его в своих силах, то есть от того, что на деле являлось проблематичным). Но имелся и субъективный фактор: А.Г. Орлов, очевидно, не хотел брать на себя такую большую ответственность. Об этом, в частности, свидетельствует то, как он объяснил свой приезд в Петербург, о чем Екатерина II сообщила Совету. Выглядело это так: «почитая... за нужное, чтоб нас уведомить о всех происшествиях и требовать дальнего повеления» (8: 442). Более того, субъективный фактор, скорее всего, и перевесил, когда А.Г. Орлов принимал решение.

Кстати, в литературе существует точка зрения, что сторонником прорыва через Дарданеллы являлся Д. Эльфинстон, против которого выступил А.Г. Орлов, сначала отзавший его

Генерал-аншеф
граф А.Г. Орлов
(1737–1807).
С гравюры
Тоунлея, 1783

к себе, а затем, после гибели линейного корабля «Святослав», обвинивший его в этой аварии и добившийся его отставки, чем фактически свалил на него свои ошибки. Что здесь можно сказать? Д. Эльфинстон, действительно, как мы видели, несколько раз входил в Дарданеллы, но трех линейных кораблей для прорыва было, безусловно, мало. А о том, почему же Д. Эльфинстон оказался у Лемноса, точных данных до сих пор нет. Хотя то, что А.Г. Орлов практически с самого начала не сошелся с Эльфинстоном, сомнений не вызывает, как и его большая роль в отставке последнего. Однако и Д. Эльфинстон своими действиями несколько раз вполне заслуженно вызывал негодование главнокомандующего в Архипелаге.

Какие же итоги действиям русского флота в 1770 году — первом году первой большой кампании после 1721 года — можно подвести? Несмотря на многочисленные проблемы, а также ошибки, допущенные русским командованием, флот добился нужного результата. Господство в Архипелаге было завоевано, часть турецких сил скована, военно-экономический потенциал Турции серьезно ослаблен. Кроме того, действия русского флота в Архипелаге обеспечили спокойствие в 1770 году на Азовском море, позволив А.Н. Сенявину закончить подготовку своей флотилии, которая была крайне важна для проведения операции по овладению Крымом. Таким образом, как абсолютно верно писала историк Е.И. Дружинина:

«Русские морские силы, находившиеся в Средиземном море, отвлекали

значительную часть турецкого флота, и турки не имели возможности оказать значительную помощь Крыму. Такая обстановка создала предпосылки для сравнительно легкого овладения Крымским полуостровом, которое было главной целью предстоящей кампании 1771 г.»

Если же учесть, что вопрос о Крыме являлся главным вопросом всей войны, а не только кампании 1771 года, роль экспедиции в Архипелаг и блокады Проливов становится еще очевиднее.

К сожалению, говоря о деятельности русского флота в Архипелаге в 1770 году, нужно сказать еще об одной «ложке дегтя». Речь идет о целом ряде конфликтов между флагманами, а также о еще сохранявшихся «последствиях» предшествующего этапа развития Балтийского флота — низкой дисциплине офицерского состава. В частности, во время боевых действий в районе острова Лемнос Г.А. Спиридову пришлось даже издать следующий приказ:

«Известился я, что ныне на кораблях господа офицеры играют в карты в заказанные на деньги игры, то сим подтверждаю, чтоб кроме утешений в препровождении времени, в запрещенные игры в карты и в кости не играть. И ежели кто кому что проиграл в долг, то не платить, и кто выиграл, не требовать. И ежели кто кому вексель дал, оный недействителен, а буде и деньгами кто что выиграл, оные возвратить, ибо мы обращаемся в военных действиях. Командирам в своих командах учинить крепкое запрещение, дабы офицеры от тогодержаны были» (10: 312 – 313).

Все это, безусловно, негативным образом отражалось на боевых действиях русского флота.

Между тем, наступил 1771 год, и в Петербурге при участии вернувшегося из Средиземного моря А.Г. Орлова решали вопрос по дальнейшему использованию русского флота в Архипелаге. Поскольку осуществление выдвинутого Г.Г. Орловым в 1770 году плана удара по Константинополю со стороны Балкан и Черного моря было намечено

лишь на 1772 год*, задачи проведения операции по прорыву к столице Османской империи из Архипелага силами флота из Архипелага поставлено не было. Однако, забегая вперед, отметим, что такая задача не была поставлена ни в 1772, ни в 1773 годах. Только осенью 1773 года Екатерина II вновь подняла вопрос об ударе по Дарданеллам, но получила отказ теперь уже самого А.Г. Орлова. Таким образом, вариант нанесения Оттоманской Порте решающего удара с помощью прорыва к Константинополю так и остался нереализованной возможностью.

В результате, главной задачей русских моряков в Архипелаге стала блокада Дарданелл. Эти действия были направлены на пресечение подвоза продовольствия и сырья в Стамбул из Греции, Египта и Сирии и должны были принудить Турцию к прекращению войны. Такой вид действий, в частности, был закреплен в рескрипте Екатерины II А.Г. Орлову от 22 марта 1771 года, где главный акцент делался именно на непрерывной блокаде Дарданелл, которая должна была, с одной стороны, «...пресекать ему подвоз пропитания и тем самым умножать в тамошнем народе разврат, волнение и огорчение противу правительства за продолжение ненавистной ему войны; а с другой стороны... чтоб все острова Архипелага держать таким образом позади себя, [почему бы и] столица оттоманская могла считать их для себя потерянными по последней мере на все время продолжаемой войны и лишилась между тем с оных обыкновенных податей и других ресурсов...» (1: 659).

Отметим, что блокада Дарданелл действительно имела огромное значение: через них в Константинополь поступала не только значительная часть продовольствия (без подвоза с юга столице грозил голод), но и припасов для флота, притом, что большая часть личного состава турецкого флота также набиралась в Архипелаге (12: 61; 4: 198). Кроме того, как отмечала Екатерина II

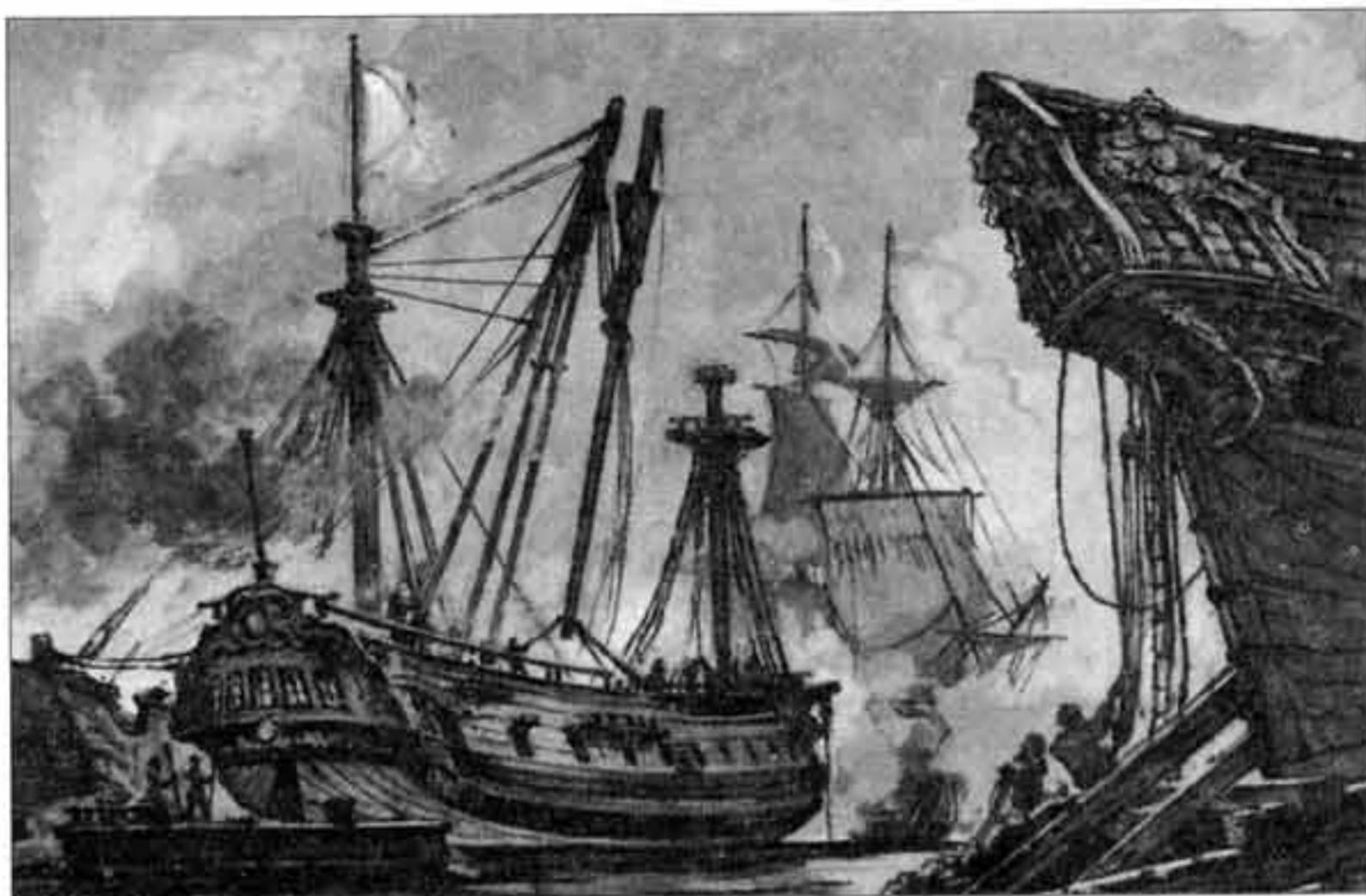
еще в декабре 1770 года, пребывание русского флота вблизи Константинополя отрицательно влияло и на моральное состояние противника. Таким образом, впервые русский флот в Архипелаге получил логичную и обоснованную задачу, причем без связывания рук для проявления инициативы.

И русский флот приступил к ее осуществлению, правда, только в июне 1771 года, когда А.Г. Орлов вернулся из Петербурга в Архипелаг. До этого же русские моряки практически бездействовали, потому что без Орлова Г.А. Спиридов так и не решился на какие-либо мероприятия. Однако действия, предпринятые с приездом А.Г. Орлова, стали самыми масштабными за весь период пребывания русских моряков в Архипелаге в 1770–1774 годах. Сначала последовал краткосрочный выход эскадры Г.А. Спиридова к Дарданеллам, а затем, в августе — ноябре 1771 года, А.Г. Орлов, задействовав практически все наличные силы, совершил поход по маршруту: остров Эвбея (Негропонт) — остров Тасо (ныне Тасос) — остров Имброс — пролив Дарданеллы — остров Мителин (ныне Митилини). В этом походе были нанесены удары по путям сообщений противника, а также по приморским крепостям и местечкам; кратковременной блокаде подверглись и Дарданеллы.

Кроме того, одновременно отдельный отряд Ф.Г. Орлова совершил поход к Бодруму, Родосу и Ливиси, где, не сумев ничего сделать с крепостью Родос, тем не менее, добился крупного успеха у Ливиси.

Таким образом, в кампанию 1771 года военные действия охватили весь Архипелаг. Способствовало такому развитию событий то, что греческое население в целом поддерживало русских моряков. В январе 1771 года население более 25 островов Архипелага приняло подданство России. Эти острова превратились в опорные пункты русского флота. Более того, даже в Египте началось восстание под предводительством Али-бея,

* Подробнее об этом смотри в следующих частях данной статьи.

Приготовление в Ревеле очередной русской эскадры для отправки в Архипелаг.

Первая половина 1770-х годов

Художник И. Родионов

стремившегося освободиться от султанской власти.

На первый взгляд, все замечательно: расширение видов действий против турок добавлением крейсерской войны и ударов по береговым объектам было правильным ходом русского командования, к тому же не противоречащим мартовскому указу Екатерины II. Все это должно было только усилить воздействие на Османскую империю. Однако одновременно была допущена и фундаментальная ошибка. Непосредственная блокада Дарданелл как-то незаметно превратилась всего лишь в одну из целей русского флота в Архипелаге: как мы видели, Дарданеллы стали только одним из пунктов на пути действия эскадры А.Г. Орлова во второй половине 1771 года.

Иными словами, полной и постоянной блокады Дарданелл установлено не было: туда лишь периодически выходили отдельные отряды русского флота.⁸ То есть, действия против Дарданелл стали фактически частью в общей войне против турецкого судоходства, что существенно снизило эффективность блокады, имевшей, как указывалось в указе Екатерины II, краеугольное значение. Однако и тотальная война против турецкого судоходства, которая могла компенсировать отсутствие полной блокады Дарданелл, также оказалась невозможной: с одной стороны, русскому флоту явно недоставало сил,

особенно крейсерских, а с другой — сильно мешал полный запрет на ликвидацию нейтральной торговли, фактически установленный еще в 1769—1770 годах.

На основании этого, в течение января — февраля 1771 года русское командование приказом по флоту приняло нормы, регламентирующие действия судов, находившихся в крейсерстве. По мнению Г.А. Гребенщиковой, инициатива разработки архипелагских нормативов также исходила от Екатерины II. В частности, по ним командирам судов предписывалось:

«чтоб всех христианских держав купеческие суда в навигации и коммерции в силу всенародных прав ничем обеспокоены и напраснодержаны не были. Нежели б на какое христианское судно от варваров учинено было нападение, то российским кораблям напасть на варваров, и христиан от опасности и плена освободить».

Если же в период блокады турецких городов и крепостей поблизости оказалось бы «коммерческое нейтральное христианское судно», то его следовало «догнать и привести ко флоту или к эскадре и порядочным образом, без грубости, но с пристойною для христиан ласковостью получить накладную роспись, и по оной осмотреть, нет ли в грузе военных снарядов, разумеваемых под именем контрабанды. А именно: пушки, мортиры, огненное оружие

и пистолеты, бомбы, гранаты, ядра, пули, ружья, кремни, фитили, порох, селитра, сера горючая, копья, шпаги, — сверх количества, которое потребно быть для купеческого корабля» (10: 347).⁹

Вот в таких условиях русский флот должен был подрывать военно-экономический потенциал Османской империи!

Более того, когда в 1772 году А.Г. Орлов попытался было отказаться от запрета перекрыть нейтральную торговлю, его тут же одернули из Петербурга. Весьма показательные события развивались так. Когда весной 1772 года начались переговоры об установлении перемирия между Россией и Турцией, А.Г. Орлов запретил нейтральным судам вход в Дарданеллы и предписал Г.А. Спиридову, чтобы тот и при выдвижении условий перемирия настоял на этом запрещении. Но Высочайший Совет (в первую очередь в лице Н.И. Панина) выступил против, указав Орлову, что «это может не только удержать турок от заключения перемирия, столь нужного для России, но и обратить против малочисленного русского войска все силы и притом ввести нас в новую войну с ненавидящими нас французами» (9: 29).

Тогда А.Г. Орлов попытался уклониться от заключения перемирия с турками на таких условиях. Однако Петербург снабдил нужными полномочиями Г.А. Спиридова, и тот перемирие подписал. Согласно его условиям, турки не могли использовать Дарданеллы для прохода военных судов и перевозки военных грузов, но торговые суда нейтральных стран проходить через них могли. А 20 августа 1772 года уже сам А.Г. Орлов получил рескрипт императрицы, где содержалось строгое требование пропускать в турецкие порты нейтральные суда с провиантом.¹⁰

Следствием этого стал следующий эпизод. 29 ноября 1772 года А.Г. Орлов писал графу Н.И. Панину, что задержал шесть французских судов, которые везли пшеницу в Константинополь. На борту их были найдены турецкие письма и контракты, по которым шки-

Граф Н.И. Панин.
Художник
Я. Ярославский

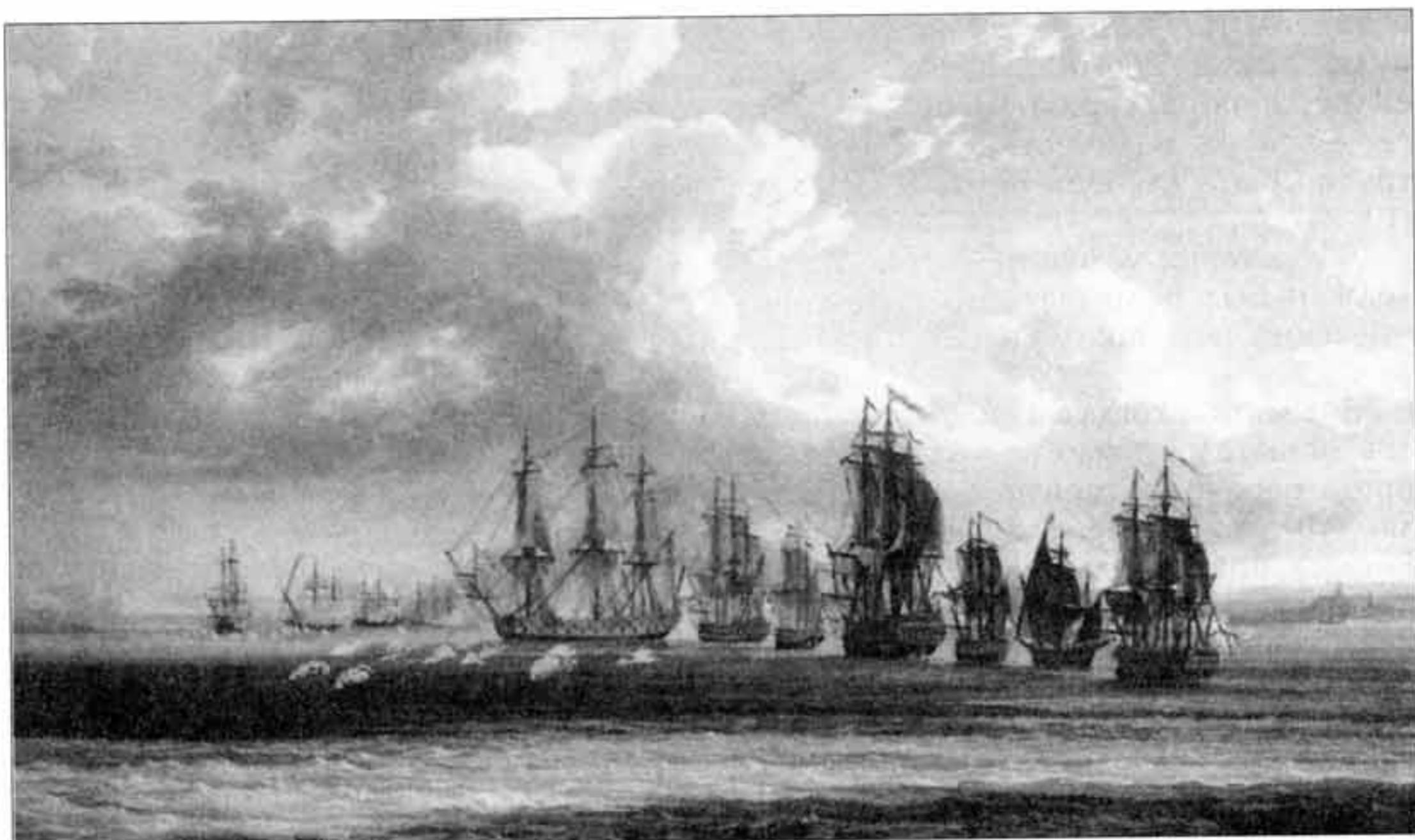

перы договорились с турками о перевозке султанского хлеба в столицу. Тем не менее, французов пришлось пропустить, ограничившись лишь устным предупреждением.

Более того, А.Г. Орлов отметил, что в 1772 году не только французы, но и англичане стали оказывать содействие Османской империи. В частности, занимаясь поставкой дроби и свинца в Турцию, англичане настаивали на том, что данные предметы нельзя квалифицировать как контрабандные. Однако сам А.Г. Орлов считал по-другому: по его убеждению, «свинец от пуль столько же разнится, как рожь от муки». Поэтому он поставил Н.И. Панина в известность, что направил ноту протеста английскому консулу в Ливорно (10: 347).

Отметим также, что предписание никоим образом не мешать нейтральной торговле в Средиземном море получила при выходе из Ревеля в Архипелаг в апреле 1772 года и 4-я эскадра контр-адмирала В.Я. Чичагова. В инструкции ее командующему, в частности, предписывалось, «чтобы купеческие суда, какой бы христианской нации ни принадлежали, не останавливать и не осматривать ни под каким видом, но, напротив, подавать им всякую возможную помощь».

В целом, указанные действия Петербурга в 1772 году резко снизили значение русского флота в Архипелаге. Это и сформулировал А.Г. Орлов, написав следующее: «Ныне же, когда плавание в сих водах всем разрешилось, да и турки, пользуясь перемирием, надолго запасти себя не упустят, то сим самим показанные причины, для коих флот здесь находится, — исчезают. И вдруг

Отряда русских кораблей в поисках турецкого флота у берегов Египта.
Художник Я.-Ф. Хаккерт

вижу себя, если позволено сказать, как будто на мели, не зная, куда и зачем с кораблями выйду ...» (7: 128).

К сожалению, при этом «расслабился» и сам А.Г. Орлов. Вот как он объяснял выход эскадры С.К. Грейга к Дарданеллам осенью 1772 года Екатерине II:

«Однако ж, Оттоманская Порта, видя, что все ее коварные предприятия и вероломные поступки открылись и к собственному вреду весьма неудачливо рушились апробованные планы, не сделала мне и по ныне ни малейшего о том отзыва, и только убегая изобличений, довольствуется одною не присылкою особливого сюда министра для заключения на здешние места четырехмесячного перемирия, и чрез то принудила меня содержать при устье Дарданельского канала особливую эскадру, состоящую из 4 линейных кораблей и нескольких фрегатов под командою контр-адмирала С.К. Грейга, единоственно только из предосторожности (Курсив наш. — Авт.)...» (2: 46).

А ведь, как мы видели выше, по условиям июньского перемирия 1772 года для турок сохранялись значительные

ограничения по использованию Дарданелл.

Однако, несмотря на такие ограничения своих возможностей, русский флот в кампании 1772 года все же распространил боевые действия, включая крейсерскую войну, уже на всю восточную часть Средиземного моря, начиная с Ионических островов и до побережья Египта и Сирии. Действуя на коммуникациях противника, русские моряки оказывали активную поддержку египетскому и сирийскому народам, боровшимся против турецких угнетателей.

Сохранился столь обширный район действий русского флота и в кампаниях 1773—1774 годов. Что же касается блокады Дарданелл, то в этот период она была окончательно заменена общевойской крейсерской войной против турецкой торговли. В частности, вплоть до июня 1774 года прямой блокады Дарданелл не велось вовсе, хотя закончившееся весной 1773 года перемирие снимало для турок все послабления.

Таким образом, в 1773—1774 годах главными видами действий русского

Активность блокадных действий против Дарданелл главных русских сил в 1770–1774 годах

Кампания	Эпизоды действий против Дарданелл
1770 года	<ul style="list-style-type: none"> Отряд Д. Эльфинстона из трех линейных кораблей и двух фрегатов блокировал Дарданеллы с 15 июля до конца сентября. Это стало временем наиболее полной блокады Дарданелл за всю войну.
1771 года	<ul style="list-style-type: none"> После получения известия о готовности турецкого флота выйти из Дарданелл на перехват вышла эскадра Г.А. Спиридова в составе пяти линейных кораблей и девяти фрегатов. Подойдя к о. Имбро, Спиридов расположил здесь свои линейные корабли, а фрегаты направил к устью пролива для оповещения о противнике. Проведя у Дарданелл неделю с 25 июня по 2 июля и, узнав от французских торговых судов, что турки собираются выходить не в Архипелаг, а в Черное море, русская эскадра покинула район пролива. Турецкая же эскадра, по всей видимости, совершила выход в Черное море. С конца сентября до конца октября в крейсерстве перед Дарданеллами находился отряд из трех линейных кораблей и одного фрегата из состава объединенной эскадры А.Г. Орлова, действовавшей в этом районе. В период крейсерства были произведены описи берегов Дарданелльских укреплений и сделаны промеры глубин.
1772 года	<ul style="list-style-type: none"> В феврале, узнав о выходе из пролива Дарданеллы в Архипелаг шести турецких фрегатов и шести галер, Г.А. Спиридов направил к Дарданеллам эскадру А.В. Еманова из четырех линейных кораблей и пяти фрегатов. Турки сразу же ушли обратно. А.В. Еманов оставался перед Дарданеллами до мая месяца. В октябре перед Дарданеллами начала дежурство эскадра С.К. Грейга.
1773 года	<ul style="list-style-type: none"> Эскадра С.К. Грейга, начавшая дежурство перед Дарданеллами осенью 1772 г., несла его до конца марта этого года. 5 марта 1773 г. Орлов писал Екатерине II: «Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота В.И.В., состоящая из пяти кораблей и нескольких фрегатов под командой контр-адмирала С.К. Грейга, разъезжает при устье Дарданелльского канала, корабли же "Чесма" и "Ростислав" находятся в Наксийском канале».
1774 года	<ul style="list-style-type: none"> Только в июне главные силы русского флота под командованием А.В. Еманова (шесть линейных кораблей, два фрегата) сосредоточились перед Дарданеллами, но уже в июле закончилась война.

флота стали именно действия на коммуникациях и удары по приморским городам. Это и сформулировал в ордере А.В. Еманову от 23 мая 1773 года Г.А. Спиридов:

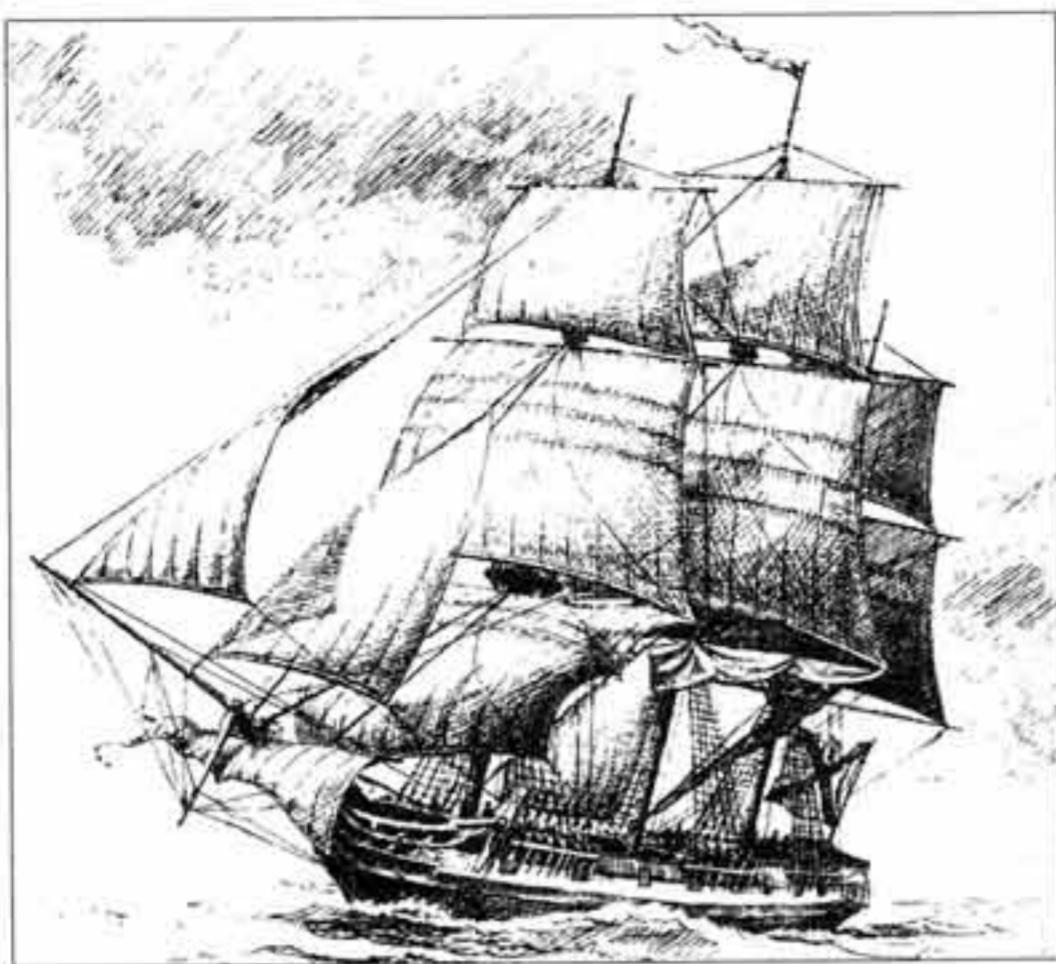
«По настоящему военному времени ныне флоту иного здесь делать нечего, как содержать анатолийский и европейский в Архипелаге берега и острова во всегдашней тревоге, дабы тем турки удерживаны были от их шествий к главной армии, и удерживать турков при своих селениях и местах. Однако для большей тревоги где возможно зделать на берегах и островах десанты под прикрытием флота. Причиняя неприятелю вред и разорение, не подпасть нашим людям самим в гибель и боль-

шую трату. Также и корабли зберегать» (11: 127).

О важности блокады Дарданелл не прозвучало, как видим, ни слова! В результате, их блокада в 1773–1774 годах настолько перестала пугать турок, что они полностью перевели весь свой флот на Черное море.

Что же получилось в итоге из борьбы с турецкой торговлей? Образ действий против Дарданелл прекрасно рисует приведенная выше таблица.

Что же касается масштаба действий на турецких коммуникациях в целом, то здесь можно указать следующее. Вот что пишет об этом А.Б. Широкорад: «Общее число пиратских или корсарских судов, действовавших в 1770–

16-пушечный фрегат «Слава».

Художник А.В. Карелов

1774 годах, было не менее пятисот. Все их можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т. д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получала жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: "добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре".

Во вторую категорию входили кайзерские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими кайзерами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодическое командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких дел. Но, опять же, при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часто нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия

греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко. Поэтому в истории остались названия лишь самых больших корсарских кораблей».

И здесь А.Б. Широкорад допускает существенную ошибку: суда последней категории никак нельзя отнести к русским кайзерам, так как по существу они являлись лишь одной из разновидностей пиратов Средиземного моря. Более того, с такими судами русский флот еще и боролся. Таким образом, число судов, действовавших с ведома русского командования, все же было относительно невелико.

Первой причиной этого являлась остшая нехватка собственных русских судов для таких действий. Их практически не было. В частности, в Архипелаг в составе пяти эскадр числилось только пять фрегатов («Надежда Благополучия», «Надежда», «Африка», «Наталия», «Св. Павел»). Причем «Надежда Благополучия» вышла из строя в 1773 году, а «Наталия» и «Св. Павел» принять участия в военных действиях не успели. Немного имелось как купленных судов, так и греческих, перешедших на службу России. В частности, фрегаты «Северный Орел», «Григорий», «Федор», «Запасный», «Помощный» были куплены в Англии, фрегаты «Парос», «Победа», «Слава» — куплены в Архипелаге и, наконец, фрегат «Св. Николай» добровольно присоединился к русскому флоту.

Были, правда, еще взятые греками турецкие суда, переданные ими русскому флоту и переделанные затем во фрегаты. Так, в 1770–1772 годах в состав русских эскадр включили фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Миневра» и «Санторин». Но часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в эскадре только на бумаге.

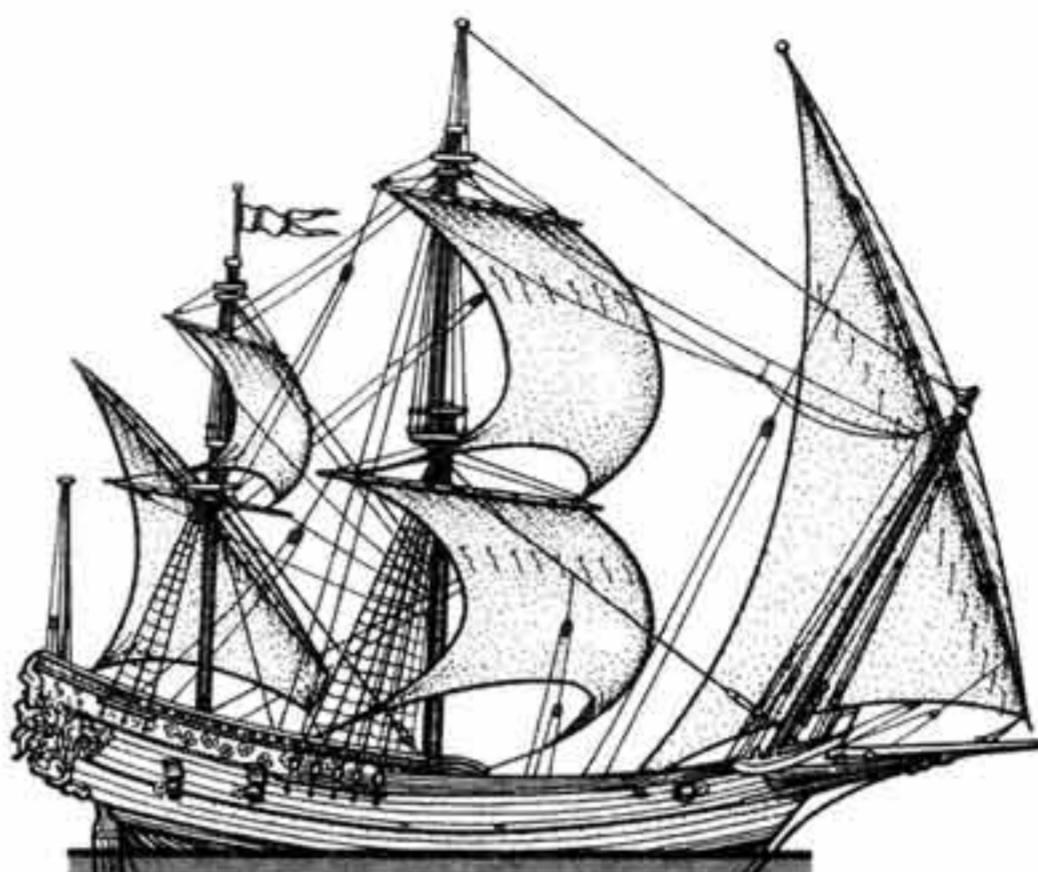
Те же «Зея», «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузево фрегаты в 1771 году, простояли там без дела более года, а затем в 1772 году были разобраны на дрова. Еще один — «Санторин» — погиб в 1771 году. То есть, фактически русский флот в Ар-

хипелаге обладал в среднем 17 фрегатами и несколькими поляками, шебеками и фелуками. И это примерно на 450 тыс. км² Эгейского моря и Восточного Средиземноморья!

Таким образом, выход мог быть в широком привлечении греческих каперов. Но здесь (и это являлось второй причиной) против была Екатерина II. Е.В. Тарле писал: «Она настойчиво уже наперед запрещает Орлову выдавать грамоты на корсарство ("арматорство"), если эти "арматоры" намерены будут нападать на торговые суда европейских держав или же народов христианских вероисповеданий, живущих под властью турок и числящихся турецкими подданными».

Мотивы этого ограничения понятны. В XVIII в. вопрос о праве воюющих правительств выдавать частным лицам (капитанам, судовым дельцам — "арматорам") лицензии для узаконения нападения на торговые суда противника был одним из самых острых и горячо дебатировавшихся вопросов международного права. Екатерина не желала, чтобы Алексей Орлов, слишком щедро рассыпая корсарские суда, возбуждал против России не только Англию и Францию, но и торговые круги Греции и всего Леванта. Она, напротив, стремилась всячески выступать в качестве покровительницы утесняемых турками христиан, а из всех этих христиан именно богатые греческие и левантинские купцы могли стать непосредственно наиболее полезными союзниками» (6: 24).

Бессспорно, в этом был свой смысл. Положительный образ страны вещь достаточно весомая. Но любая идея не должна доводиться до абсурда, превращаясь в идею ради идеи. А именно это фактически и произошло, когда при минимальном количестве своих крейсерских судов и слабом использовании местных корсаров им еще и связали руки указанными выше запретами. О какой эффективной крейсерской войне может идти речь, когда А.Г. Орлову не дали перехватывать суда, везущие продукты для султана, а В.Я. Чичагову в очередной раз запретили даже досмотр нейтральных судов?

Средиземноморская поляка

Шебека

Между тем, опыт прошедших войн показывал, что Англия, Франция и Испания как раз очень часто и не считались с правами нейтральных судов. Причем занимались разбоем не только частные каперы этих держав, но и военные корабли их регулярных флотов, действовавшие с точки зрения целесообразности, то бишь, «по понятиям», что даже не особенно и скрывали.

Так, в XVII веке британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод действуют законы морской войны. При этом «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали. Да и в Европейских водах не очень-то церемонились с нейтральными купеческими судами, не говоря уже о неприятельских. Последний тому

пример — Семилетняя война. Кстати, Средиземное море в XVIII веке просто кишело различными пиратами, что позволяло России в случае надобности элементарно перевести стрелки на них.

Так что полностью перекрыть наиболее важную для Турции французскую торговлю имелись все основания. Что же касается угрозы ответа со стороны Франции, то она и так помогала Османской империи. Решиться же на прямую войну с Россией Париж все равно не смог бы.

Во-первых, Франция уже вовсю испытывала трудности с финансами (в 1774 г. государственный долг составил 1,5 млрд. ливров), а во-вторых, в случае войны с Россией ей, скорее всего, пришлось бы воевать и против Англии, да еще в Средиземном море, через которое шли значительные потоки французской торговли. Таким образом, чрезмерное желание следовать законам человеколюбия и международного права, которое Россия постоянно демонстрировала в своей истории, очень дорого обходилось ей самой, лишая зачастую важных преимуществ. Так произошло и на этот раз.

Между тем, наряду с блокадой Дарданелл и нарушением морских сообщений противника в Средиземном море, русский флот совместно с экспедиционными сухопутными силами, переброшенными на кораблях в Архипелаг, вел активные действия против турецких приморских крепостей и портов на Эгейском побережье. Этим делалась попытка, во-первых, поддерживать в турках страх за все побережье и тем самым заставить разбросать по нему значительную часть войск, во-вторых, ослаблять турецкие морские силы и, в-третьих, уничтожать грузы еще на берегу. Как следствие, неоднократным атакам русских кораблей с моря подвергались Кавала, Пелари, Мителин, Чесма, Бодрум и ряд других опорных пунктов неприятеля.

Всего за время Архипелагской экспедиции русский флот произвел 18 артиллерийских обстрелов крепостей и портов и высадил более 60 десантов. В результате этих действий было уничтожено значительное число строивших-

ся военных кораблей и торговых судов противника, захвачены большие запасы продовольствия. Отметим наиболее успешные и крупные операции русского флота.

6 августа 1771 года отряд графа Ф.Г. Орлова высадил десант из одной роты солдат и 400 албанцев в заливе Макри на анатолийском побережье и овладел местечком Левиса, где были сожжены склады, взято семь шебек и захвачена четырехпушечная батарея.

4 ноября 1771 года русская эскадра под командованием А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова захватила крепость Мителин. В результате на стапелях были сожжены два 74-пушечных линейных корабля и одна галера и взято около 20 малых судов.

В начале марта 1772 года 16-пушечный фрегат «Слава» под командованием лейтенанта М.И. Войновича в заливе Лагос уничтожил шесть и захватил три неприятельских судна, а также неприятельскую батарею.

8–16 июня 1772 года отряд легких судов русского флота под командованием генеральс-адъютанта Ризо и лейтенанта А.К. Псаро бомбардировал Бейрут и сжег стоящие под крепостью десять турецких судов. После чего с помощью десанта город принудили к капитуляции и уплате контрибуции в размере годовой суммы, уплачиваемой городом турецкому султану.

24 октября 1772 года отряд контр-адмирала С.К. Грейга с помощью десанта, поддержанного артиллерийским огнем кораблей, захватил крепость Чесму, где сжег ряд продовольственных складов, уничтожил несколько мелких судов и взял в плен две фелюги и три лодки.

29 сентября 1773 года после двухмесячной осады крепость Бейрут сдалась отряду капитана 2 ранга М.Г. Кожухова и майора И. Войновича. Были взяты две полугалеры, 24 крепостных орудия, большое количество боеприпасов и контрибуция в размере 300 тыс. пиастров. Падение Бейрута нанесло серьезный удар по турецкой торговле, т.к. после установления блокады Дарданелл русским флотом через него шел основной поток товаров в Турцию.

Число захваченных или уничтоженных торговых судов в 1770–1774 годах¹²

Год	1770	1771	1772	1773	1774	Всего в 1770–1774
Число судов	Ок. 30	Ок. 180	Ок. 100	Ок. 55	—	Ок. 365

Однако на 1773 год пришлись и две чувствительные неудачи. Сначала эскадре А.В. Елманова не удалось овладеть Бодрумом, а затем она вновь потерпела неудачу у крепости Станчио. Основные причины крылись в нехватке десантных войск, бомбардирских кораблей, а также в уже отмечавшихся нами распылении сил и недостатке корсарских судов. В частности, как отмечает Г.А. Гребенщикова, в то время как в этих десантных операциях участвовала всего лишь одна дивизия контр-адмирала А.В. Елманова (она понесла тяжелые потери в личном составе и получила тяжелый моральный удар), две дивизии во главе с адмиралом Г.А. Спиридовым «по неизвестным причинам отстаивались на якорях в совершенно противоположном от Станчио направлении».

Кроме того, нужно заметить, что у Турции до конца войны остались такие важные острова как Лемнос, Тенедос, Родос, Негропонт. Тем не менее, успехов у русского флота в Архипелаге было все-таки намного больше.

Таким образом, русский флот наносил удары по турецким коммуникациям на всю их глубину — от портов отправления до портов прибытия торговых судов. За время войны он уничтожил или захватил 365 неприятельских торговых судов и задержал около 300 судов нейтральных стран¹¹, перевозивших контрабандные товары в Турцию. В результате активных действий в районе Архипелага русский флот серьезно нарушил снабжение Стамбула и тем самым способствовал подрыву военно-экономического потенциала Турции и истощению ее сил в войне.

Но это только одна сторона медали. А другая заключалась в том, что отсутствие полной блокады Дарданелл и отказ от ликвидации нейтральной торговли привели к тому, что Константинополь не испытывал острой необходимости

прекратить войну. Причина была про-заична: хотя периодическая блокада русским флотом Дарданелл и привела к существенному росту цен на рынках Константинополя, однако голода там все-таки не было из-за подвоза провианта как на иностранных судах из Архипелага, так и на турецких по Черному морю. Да и вообще масштаб пресечения русским флотом торговли в Архипелаге после 1771 года все время падал, о чем и свидетельствует таблица, приведенная выше.

О том, что нарушение турецкой торговли через Архипелаг становится неэффективным, догадывались даже в Петербурге. В частности, уже 2 сентября 1773 года на заседании Высочайшего Совета генерал-прокурор А.А. Вяземский открыто поставил вопрос о предоставлении А.Г. Орлову полной свободы в борьбе с нейтральной торговлей на основе соглашения с Англией. Однако он, как и ранее сам А.Г. Орлов, получил жесткую отповедь Н.И. Панина, который указал, что предыдущая попытка установить такое запрещение (речь о захватах французских судов в 1770 г.) уже встретила протест не только Франции, но и всех воюющих держав, а поскольку мы все равно ничем не можем им ответить в Средиземном море, то и возобновлять запрещение бессмысленно.

Кстати, осознание неэффективности действий флота, пришедшееся именно на 1773 год, не было случайным. Недостаток кораблей и стратегические ошибки привели в кампании 1773 года к проявлению общего кризиса Первой Архипелагской экспедиции. В частности, русский флот вроде бы продолжал добиваться успехов, но это практически не влияло на турок: их флот действовал в Черном море, а Константинополю ничто не угрожало. Поэтому когда осенью 1773 года прибывший в Петербург А.Г. Орлов высказался за посылку

в Архипелаг новой эскадры, Екатерина II высказала все накопившееся недовольство.

3 октября на заседании Совета императрица спросила членов Совета, с какой целью они хотят послать в Архипелаг эту эскадру: находящийся там флот стоит много, а не может наносить неприятелю вреда. «Если он, — сказала Екатерина, — может быть употреблен для какого-нибудь предприятия и надобны будут на него сухопутные войска, то я беру на свое попечение их доставить».

Ей отвечали, что эскадра отправляется по требованию А.Г. Орлова для перемены обветшалых кораблей, и если флот не находит способа вредить неприятелю, то все же облегчает сухопутную армию, отвлекая от нее неприятеля. Тогда Екатерина попыталась выяснить возможность овладения Галлиполи. Но А.Г. Орлов и И.Г. Чернышев отвергли такую возможность. Они указали, что с малыми силами у турецкой столицы не закрепиться — можно лишь серьезно потревожить турок и на время отвлечь сюда часть их сил. Н.И. Панин же вообще выступил против посылки эскадры, которая лишь возбудит беспокойство турок и помешает возможным переговорам. На это он тут же получил жесткую отповедь императрицы: «Мое намерение состоит в том, чтобы, не полагаясь на заключение мира, принятые были сильные меры для достижения этого в будущей кампании. Долгая война приводит народ в уныние, и потому никто так мира не желает, как я. Надобны ли во флот сухопутные войска и сколько? Довольно ли 20 тысяч?»

Далее Екатерина предложила использовать в качестве войска иностранцев, но Орлов отказался. Тогда, после всестороннего обсуждения вопроса, Екатерина повелела отправить 5-ю эскадру, хотя и без войск. Отношение же к ходу военных действий она выразила так: «Флот — не делает ничего, а армия едва действует, а неприятель этим пользуется, и все происходит собственно от нас (Курсив наш. — Авт.)» (9: 30—31).

Справедливости ради, правда, нужно заметить, что доля вины в снижении

активности флота в Архипелаге лежала и на самой Екатерине II: ведь именно Петербург в 1772 году столь жестко ограничил возможности ведения крейсерской войны, чем окончательно размыл смысл пребывания русского флота в Средиземном море. Тем не менее, это не снимает ответственности и с командования русским флотом, действовавшего в 1773 году столь пассивно, да еще и с ошибками. Таким образом, к концу 1773 года фактически сложилась ситуация, когда расплывчатость целей, указанных Петербургом, дополнялась отсутствием инициативы командования в Архипелаге.

Однако в итоге кардинальных задач перед русским флотом в Архипелаге снова так и не поставили. Отправившуюся же все-таки осенью 1773 года 5-ю эскадру контр-адмирала С.К. Грейга из трех 66-пушечных линейных кораблей «Дмитрий Донской», «Св. Александр Невский», «Девы Мироносицы», одного 74-пушечного — «Исидор», двух 32-пушечных фрегатов «Наталия» и «Св. Павел» и шести английских зафрахтованных транспортов назначили только для замены обветшивших кораблей.

Правда, русскому флоту в 1773 году действительно срочно требовалось подкрепление. До предела обострившаяся к концу 1773 года нехватка сил вполне реально способствовала кризису экспедиции и служила еще одним объяснением низкой активности флота в прошедшей кампании. В частности, в это время в Архипелаге, по данным, сообщенным А.Г. Орловым на заседании Высочайшего Совета в октябре 1773 года, имелось только 12 линейных кораблей, из которых пять совсем обветшали, таким образом, полностью боеспособными оставались только семь кораблей (9: 30).¹³

О плачевном состоянии русских военно-морских сил в Архипелаге можно судить и по протоколу заседания Высочайшего Совета от 1 мая 1774 года. Там, в частности, названы цифры оставшихся в Аuze сухопутных войск — 800 человек и 15 кораблей, «из которых некоторое число доходит до такой ветхости, что уже остаются безнадежными

и к возвращению сюда». На основании протокола Совета можно заключить, что его членов серьезно волновала проблема сохранения военно-политического престижа России, достигнутого ею в результате побед, одержанных флотом в Чесменском и Патрасском сражениях. Важно было не допустить того, чтобы противник узнал о реальном положении российского флота и войск, и сохранить «политическую позицию перед неприятелем» (11: 128).

Свидетельствовало об удручающем состоянии дел в Архипелаге и нежелание А.Г. Орлова в 1774 году возвращаться туда из Петербурга. Прусский посланник в Петербурге граф Сольмс писал Фридриху II в феврале 1774 года: «Граф Алексей Орлов вернулся из Москвы, куда ездил единственно для развлечения и скоро вновь отправится в Архипелаг, хотя на этот раз против своего желания, ибо сам признает, что там нельзя сделать ничего существенного».

Между тем, стоит отметить, что переход пятой Балтийской эскадры в Архипелаг вновь продемонстрировал старые проблемы: из-за открывавшихся на русских кораблях течей эскадре С.К. Грейга пришлось подолгу останавливаться на Копенгагенском и Портсмутских рейдах для ремонта. Вот что писал по этому поводу в своем рапорте капитан 1 ранга А. Мусин-Пушкин:

«В порученном мне корабле на левой стороне против фор люка и около форштевня немного ниже бархоута имеется течь, для которой будучи на Копенгагенском рейде корабль конопатною работою и был исправляем». Но по пути в Портсмут течь открылась вновь, и Мусин-Пушкин докладывал, что «оная течь продолжалась по прежнему, и ныне неминуемо должно корабль кренговать, и от бархоута обшивных дюймовых досок отнять, чтоб настоящие пазы осмотреть, и исправить конопатною работою...» (10: 433).

То есть, приходится констатировать, что несмотря на очевидные уроки переходов с Балтики на Средиземное море первой — третьей эскадр выводов так и не было сделано и техническое

Адмирал
С.К. Грейг.
Копия
с портрета
Д. Левицкого

состояние русских кораблей по-прежнему оставляло желать лучшего.

Таким образом, в 1773–1774 годах силы русского флота в Архипелаге оказались серьезно ослабленными, что вкупе с ошибками в его использовании привело к снижению активности действий и, как следствие, к возможности для Турции сосредоточить основные усилия в эти кампании на Черном море.

В заключение остановимся на аспектах непосредственного противостояния русского и турецкого флотов в Архипелаге в 1771–1774 годах. Кампанию 1771 года ослабленный и деморализованный флот Османской империи провел в основном в бездействии. Но если первую половину года турецкий флот ожидал попыток прорыва русских кораблей к Константинополю, то во вторую турки уже сами начали действовать на Черном море. По различным данным, турки в это время имели до 50 вооруженных судов, «из которых семь каравелл, или больших кораблей, а прочие фрегаты, шебеки и галеры, в том числе трипольские и тунисские» (10: 373–374).

Причем командование русского флота в Архипелаге даже положительно оценивало тот факт, что турки перенесли усилия на Черное море. Так, например, исследователь истории русского флота XIX в. А.П. Соколов указывает относительно похода в июне 1771 года эскадры Г.А. Спиридова к Дарданеллам в ответ на известия о выходе турецкого флота следующее:

«Через неделю получили верное известие, что турецкий флот со-

Карта Первой Архипелагской экспедиции русского флота в 1769–1774 годах

стоит из 5 линейных кораблей (от 70 до 90 пушек), 1 фрегата, 3 шебек, 5 полугалер, 2 брандеров и нескольких малых судов, да 2 корабля вооружаются в Константинополе; и что командующий этою эскадрою имеет повеление стоять в Дарданеллах до августа месяца, а потом идти в Черное море. По таком успокоительном известии, оставя у Дарданелл 4 фрегата, с остальными судами Спиридов пошел обратно, и 7-го июля прибыл к острову Паросу».

А ведь этим разрушалось столь важное развоение внимания турецкого флота между Черным и Средиземным морями. Более того, нарушался и рескрипт Екатерины II от 22 марта 1771 года, требовавший держать Дарданеллы в постоянной блокаде.

При этом, однако, не воспользовался русский флот полностью и своим господством в Архипелаге. Его внимание и силы постоянно дробились (при том, что русской эскадре в Архипелаге объективно не хватало пока сил, почему и нужна была продуманная концентрация усилий), что вело к снижению результативности действий. В частности, не удалось ни сковать турок в Константинополе, ни полностью задушить военное кораблестроение на крупных островах Эгейского моря.¹⁴ Таким образом, «недорубленный лес» в лице турецкого флота постепенно подрастал. По данным исследователя XIX века А.П. Соколова к началу 1774 года турки уже имели до десяти линейных кораблей в Константинополе при еще четырех таких же кораблях в разных местах Архипелага. Кроме того, уже после заключения мира станет известно о строительстве еще восьми линейных кораблей (3: 388 – 389).

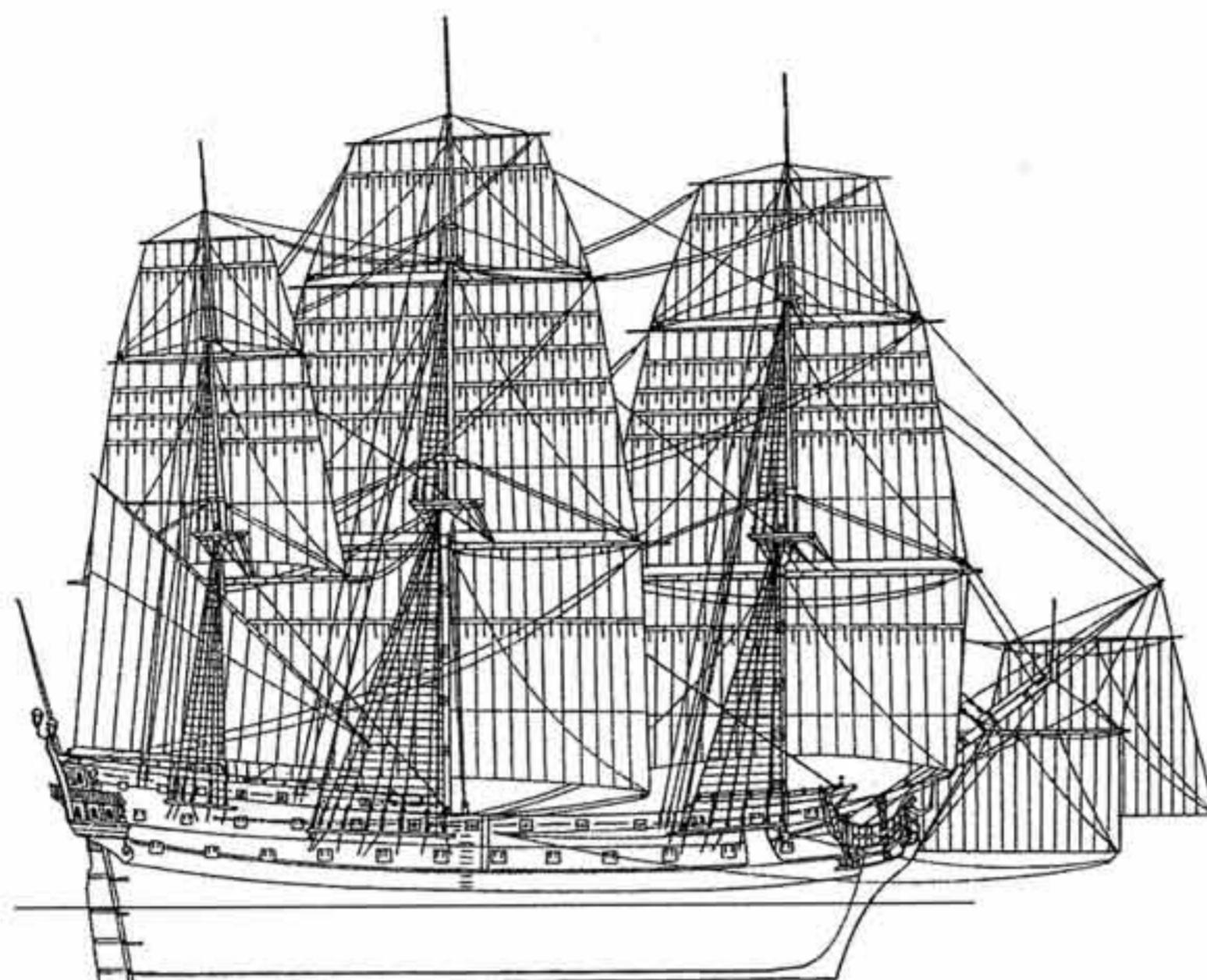
Тем не менее, уже само пребывание русского флота в Архипелаге, вместе с памятью об его успехах 1770 года, на протяжении всей первой половины кампании 1771 года привязывало и без того деморализованный турецкий флот к Константинополю, из-за опасения удара по нему через Дарданеллы, и это, бесспорно, позволяет дать Архипелагской кампании 1771 года положительную оценку. Ведь именно до середины

лета 1771 года решалась судьба Крыма в операции, проводимой русской армией В.М. Долгорукова и Азовской флотилией А.Н. Сенявина.

Между тем, в 1772 году в Константинополе решили попытаться использовать свои военно-морские силы для удара по русским уже в Архипелаге (что прямо говорит о постепенном приходе турок в себя, в том числе из-за отсутствия давления на Дарданеллы). Появилось и удобное прикрытие для операции — установившееся перемирие. В итоге турки стали усердно собирать свои корабли в два кулака: 1) Дульциниотскую эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек с транспортами, с 8 тыс. солдат, причем эта эскадра, выйдя из албанского порта Дульциньо (сербское Ульчин) на Адриатике, должна еще взять в морских приморских крепостях до 4 тыс. албанцев; 2) тунисскую («барбарейскую») эскадру из шести фрегатов и шести шебек, с 3 тыс. солдат. Эти силы должны были внезапным ударом по Аuze сжечь русский флот.

Однако командование русского флота оказалось на должной высоте: оно сохраняло бдительность и вовремя разгадало планы турок. В результате, по туркам было решено нанести упреждающие удары. К тому же, в Средиземном море у А.Г. Орлова появилось серьезное подспорье — в июле 1772 года в Порт-Магон пришла четвертая эскадра контр-адмирала В.Я. Чичагова в составе трех линейных кораблей: 80-пушечного — «Чесма» и 66-пушечных — «Граф Орлов» и «Победа».

Она и направилась против Дульциниотской эскадры под командованием сменившего В.Я. Чичагова капитана 1 ранга М.Т. Коняева. Присоединив по пути отряд майора И. Войновича и имея всего два линейных корабля («Чесма» и «Граф Орлов»), два фрегата (26-пушечный «Св. Николай» и 16-пушечную «Славу») и три малых судна (полякеры «Модон» и «Ауза» и шебеку «Забияка»), русская эскадра атаковала эскадру капитан-паши Мустафа-паши, состоявшую из девяти 30-пушечных фрегатов и шестнадцати 20 – 30-пушеч-

80-пушечный корабль
«Чесма»

ных шебек в Патрасском заливе и в сражении 26–29 октября 1772 года нанесла ей полное поражение.

С точки зрения военно-морского искусства Патрасское сражение вновь продемонстрировало стремление русского флота проводить решительный бой, сближаясь с противником на са-

мую короткую дистанцию. Данная тенденция имела явно положительное значение, показывая, что русские командиры правильно понимают решающее значение победы в морском сражении. Непосредственные же действия эскадры М.Т. Коняева в событиях 26–29 октября были следующими.

Состав эскадры капитана 1 ранга М.Т. Коняева в Патрасском сражении 1772 года

Класс корабля	Наименование корабля	Вооружение	Командир
Линейный корабль	«Чесма»	74 орудия*	Капитан 2 ранга П. Аничков
Линейный корабль	«Граф Орлов»	66 орудий	Капитан 1 ранга М. Коняев
Фрегат	«Св. Николай»	26 орудий	Майор И. Войнович
Фрегат	«Слава»	16 орудий	Лейтенант М. Войнович
Полякра	«Модон»	12 орудий	Капитан Вальзамати
Полякра	«Ауза»	12 орудий	Поручик Юкович
Шебека	«Забияка»	18 орудий	Капитан Кужевич

* Примечание: по рангу являлся 80-пушечным линейным кораблем

26 октября. Сближение М.Т. Коняева с противником сразу по обнаружении его, несмотря на численное превосходство, однако с построением перед боем линии батарии, куда вошли оба линейных корабля и оба фрегата. Далее следует борьба за ветер (поскольку турки находились на ветре), на что ушел практически весь день. Однако в ходе нее

Коняеву удалось отрезать от противника фрегат и две шебеки, на уничтожение которых он немедленно направил оба русских фрегата, шебеку «Забияка» и полякру «Модон», которые сумели загнать турецкие суда на берег подле Патраса. Остальные же турецкие суда после этого начали уходить в Лепантский залив, а Коняев, который вышел

на ветер, сумел даже, настигнув турецкий арьергард, обменяться с ним несколькими выстрелами, но наступившая темнота прекратила начавшийся было бой. Таким образом, опять прослеживается ставка на решение противостояния в сражении, но в рамках традиционной тактической парадигмы с непременным построением линии до начала действий. Правда, готовность пойти на разрушение линии для уничтожения части сил противника явно представляет новый момент в действиях русского флота.

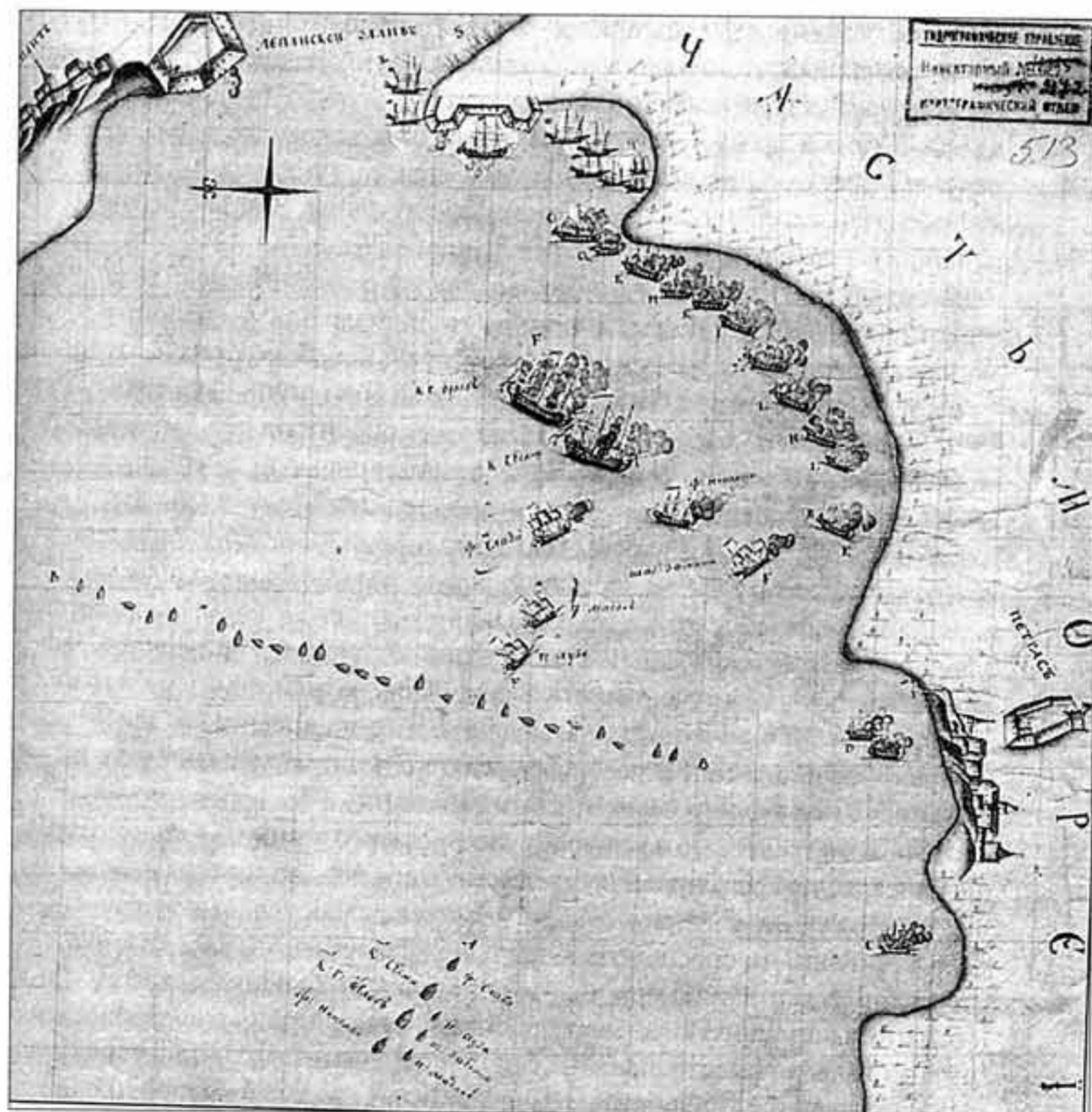
27 октября. Эскадра М.Т. Коняева попыталась уничтожить турецкие корабли, стоявшие в бухте под защитой Патрасской крепости путем ведения артиллерийского огня по ним при проходе мимо них галсами для уменьшения своих потерь. Однако прием оказался неэффективным.

28 октября. После консилиума командиров русская эскадра атаковала турецкие корабли в бухте путем входа в нее и ведения артиллерийского огня со шпрингов на дистанции картечного огня.

Когда же турецкая эскадра пришла в расстройство и ее огонь ослаб, для захвата турецких судов были направлены вооруженные шлюпки, которые, не сумев вывести турецкие суда, стали зажигать их. Зажженными оказались восемь фрегатов и шесть шебек. Прием атаки противника в бухте входом в нее с последующим ведением огня со шпрингов не был новым: в 1676 году в сражении у Палермо французская эскадра нанесла таким способом тяжелое поражение испано-голландскому флоту. Однако не был этот прием и простым: попытка французского командора П.-А. Сюффрена в 1781 году таким способом уничтожить английскую эскадру в Порто-Прайо не удалась.

29 октября 1772 года. Эскадра М.Т. Коняева уничтожила загнанные на берег еще 26 октября турецкий фрегат и две шебеки.¹⁵

Какие же выводы относительно тактики М.Т. Коняева можно сделать? Здесь и приверженность тактической доктрине (действие в линейном построении 26 октября), и новые для рус-

Карта Патрасского сражения
26–29 октября 1772 года

ского флота приемы: разрушение линии ради уничтожения части сил противника, атака стоящего под защитой береговых батарей противника подходом на ближнюю дистанцию и ведения огня со шпрингов. Причем последний прием, хоть и не был новым, но все же явно обновлял в памяти события, произошедшие аж в 1676 году.

Важным представляется и следующее. Какой же большой потенциал имел русский флот, если даже капитан 1 ранга, до этого никогда не участвовавший в сражениях, смог достаточно грамотно его провести! Для сравнения: английский флот гордится своей победой над французским в бою у Ла-Хога в 1692 году, обстоятельства которой крайне схожи с событиями октября 1772 года у Патраса.

В частности, в 1692 году, победив французский флот в бою у Ла-Хога, но при этом не уничтожив ни одного неприятельского корабля, английский адмирал Руссель затем в Шербуре и бухте Ла-Хог также с помощью брандеров и вооруженных шлюпок уничтожал отдельные группы французских кораблей (правда, при этом не встречая сопротивления).

Память об этом успехе, заметим, уже адмирала и командующего флота с большим «стажем» морских побед, сохраняется и чтится английским флотом. Победа же Михаила Тимофеевича Коняева не только забыта, но если и упоминается, то с принижением (мнение того же А.Б. Широкорада), поскольку, мол, противник не был серьезным.

Относительно же того, что турки имели только фрегаты, а русские — два линейных корабля, можно сказать следующее: в Синопском сражении, очень похожем на события 1772 года у Патраса, П.С. Нахимов не решился напасть на турок, имевших семь фрегатов, три корвета, четыре транспорта и два парохода, даже имея три 84-пушечных корабля, а атаковал только при наличии трех 120-пушечных и трех 84-пушечных кораблей!

Общий же итог Патрасского сражения, безусловно, не требует больших комментариев: это было новое, практически полное уничтожение противника

в морском сражении (а по главным силам, фрегатам, буквально абсолютное). Из девяти фрегатов и шестнадцати шебек после сражения у турок уцелели только восемь шебек. Потери же русской эскадры составили всего восемь человек (один убитый и семь раненых). Фактически это была новая «Чесма».

Между тем, еще за несколько дней до этого, направленный А.Г. Орловым против Дамиетты отряд лейтенанта П.П. Алексиано, в составе фрегата «Св. Павел» и одной фелуки, в боях 21–22 октября 1772 года при Дамиете нанес туркам еще одно поражение. Сначала он уничтожил под огнем крепости Дамиетта два турецких фрегата, а затем взял в плен турецкое судно с направлявшимся туда для принятия командования турецкими войсками в Египте пашой Селим-беем и несколькими высшими начальниками.

Не став морским сражением, как Патрасское, бой у Дамиетты, тем не менее, явился одной из наиболее ярких и успешных набеговых операций крейсерского отряда в истории русского флота (которые, правда, были столь типичны для европейских флотов).

Таким образом, турецкий план разгрома русского флота в Архипелаге оглушительно провалился. Значение же побед русского флота при Патрасе и Дамиеттах оказалось очень велико. После этих новых поражений турки уже ни разу вплоть до конца войны не осмелились потревожить русский флот в Архипелаге прямым, сколько-нибудь значительным нападением. А ведь между Патрасским боем 1772 года и заключением Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года прошел год и восемь месяцев, и у турок еще оставались существенные силы корабельного флота (которые они, кстати, бросили на Черноморский театр). Таким образом, русский флот остался хозяином в Архипелаге. И тем грустнее, что это положение полностью использовано не было, а турки смогли сосредоточить свои усилия на Черном море.

Между тем, действия русского флота при Патрасе и Дамиеттах вновь продемонстрировали намерения русского командования решить исход противо-

стояния в морском сражении и вновь подтвердили всю выгодность такого способа и с военной, и с политической точки зрения. Однако оставили они

и вопрос о последующем развитии достигнутых успехов.

Продолжение следует

Примечания

1. Для блокады Дарданелл и вообще для длительных действий в Архипелаге русской эскадре действительно была необходима, по крайней мере, одна надежная база. Не обладая значительными сухопутными силами и с учетом ненадежности греческих повстанцев нечего было и думать о создании базы в материковой части Греции. Поэтому было решено создать такую базу на острове вблизи Дарданелл. А.Г. Орлов решил занять порт Мудро на острове Лемносе в 70 км от входа в Дарданеллы.

2. О методах этой блокады В.Г. Андриенко так писал в своем труде «До и после Наварина»: «По-видимому, Рикорд и не планировал атаки на турецкие острова (Вблизи Дарданелл. — Авт.). Суда его отряда сразу расположились в проливе («канале») между Тенедосом и материком, заняв эту единственную относительно надежную якорную стоянку в районе блокады в качестве "позиции"... Оставаясь здесь, в канале, русские моряки перекрыли торговым судам путь вдоль побережья. Ежедневно в отряде по очереди назначался дежурный корабль или фрегат, в обязанности которого входило наблюдение за всеми появляющимися судами, их опрос и осмотр...

Кроме позиции у Тенедоса, перед самым входом в Дарданеллы учреждался пост — "посменно из одного корабля или фрегата, долженствующего быть до последней возможности под парусами... как для недопущения туда могущих без осмотру пройти судов, так и для наблюдения за турецким флотом, который то уходил к Константинополю, то... возвращался в пролив Гелеспонский, имея при себе совершенно готовых 10 брандеров..."». Между тем, сил у А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова в 1770 году было гораздо больше, турецкий флот на время практически полностью вышел из борьбы, а международное право тогда было во многом лишь формальностью.

3. Д.Н. Сенявин же вообще называл Тенедос «самым удобным пристанищем кораблям и прочим судам нашим».

4. Что же тогда можно говорить о возможности турецких артиллеристов отразить прорыв русской эскадры через Дарданеллы в 1770 году, о боеспособности которых в XVII—XVIII веках мы не раз писали выше и, что великолепно подтвердили и события 1770 года: Наполи-ди-Романья, Хиос и Чесма.

Кстати, какое сопротивление могли встретить русские корабли в Дарданеллах, отлично показали два примера 1770 и 1771 годов. В первом случае речь идет об упомянутом нами в тексте маневрировании эскадры Эльфинстона в устье пролива под огнем турецких батарей без какого-либо ущерба. (1: 569—570). Во втором — об обстреле с близкого расстояния крепостью Тенедос осенью 1771 года отряда русских кораблей, проводивших рекогносцировку у этого острова. Несмотря на близость дистанции, турки так ни разу и не смогли попасть в русские корабли. Командир линейного корабля «Трех Святителей» С.П. Хметевский писал по этому поводу, что «ядра вокруг корабля и через корабль летали, только в нас, так и в прочие суда не попадали. Сняв планы с крепостей, с форштадта, где турки были по обе стороны города, числом до двух тысяч, со знаменами стояли, снялись с дрейфа» и пошли дальше вдоль Анатолийского берега. (10: 373.)

5. Английский историк Д. Ховард пишет: «Подобный план мог прийти в голову только сухопутному человеку: моряк посчитал бы его безумным... Де Рейтеру эта идея совершенно не понравилась. Когда план довели до его капитанов, они были буквально ошеломлены, и один из них назвал его "явно нелепым и невозможным". Но братья де Витт не были людьми, с которыми допускались споры; на борту флагманского корабля де Рейтера Корнелиус де Витт обладал всей полнотой власти, предоставленной ему правительством Генеральных Штатов, главой которого являлся Иохан. Нападение должно произойти именно в тот момент, когда будет проходить мирная конференция в Бреде. Если задуманное удастся, то это будет адекватным возмездием за Терсхеллинг и изменит условия мирного договора, который пока был более благоприятным для Англии». Фактически Ховард четко показал тот факт, что часто именно человек «не из профессии», но обладающий сильной волей и властью, способен предложить и осуществить нестандартный ход.

6. В 1665 году голландцы потерпели поражение в Лоустофтском морском сражении, а в 1666 году получили еще два чувствительных удара: сначала было проиграно сражение у мыса Норт-Форленд (потери голландцев достигали 20 кораблей и 7 тыс. человек), а затем английский флот, проведя атаку островов Влиланд и Терсхеллинг, сжег большое количество торговых складов и до 160 торговых судов.
7. С утверждением этих авторов о том, что А.Г. Орлов вообще не использовал успех Чесмы, полностью согласиться все-таки нельзя, поскольку хоть и не длительную, но блокаду Дарданелл русский флот предпринял, чем только усилил трудности и страх у турок. А главное, в результате всех этих действий внимание турецкого флота вплоть до середины 1771 года было приковано исключительно к Константинополю.
8. Авторы Морского Атласа утверждают, что причиной этого была удаленность Пароса, но с этим нельзя согласиться, исходя из примеров блокадных действий Д.Н. Сенявина в 1807 году и П.И. Рикорда зимой 1828/1829 года, когда первый, имея основную базу в Корфу, сумел захватить о. Тенедос, а второй и вовсе опирался лишь на Мальту.
9. Соблюдение международных норм в принципе вещь правильная, но только при всеобщем следовании этому. Такого же не существовало никогда. Более того, когда в 1856 году была принята Декларация по морскому праву, официально запрещавшая в том числе и капрество, то США, Испания, Мексика, а позже и Япония ее подписать отказались. При этом правительство США заявило, что уничтожение капрества может быть выгодно лишь для державы, обладающей сильным флотом, и ни одна нация, сколько-нибудь уважающая себя, не может никому позволить ограничивать свои вооружения.
10. Исследователь А.С. Кротков справедливо пишет: «Это разрешение было совершенно достаточно, чтобы в Константинополе запаслись провиантами на продолжительное время». Напрашивается и вывод: блокада Дарданелл становилась в этой ситуации формальностью.
11. Цифра в 300 нейтральных судов никак не подтверждена В.А. Золотаревым и И.А. Козловым.
12. Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1. Карты. Л. 16. Таблица Б. По данным же авторов книги «Дважды Краснознаменный Балтийский флот» (М., 1978.), ссылающихся на 42-й фонд РГАВМФ, за годы войны у турок было захвачено всего 194 торговых судна! Цифра еще более ничтожная.
13. Причем данные А.Г. Орлова полностью подтверждаются реальными фактами. Так, линейный корабль «Не тронь меня» был небоеспособен еще с 1771 года, корабли «Св. Иануарий» и «Ростислав» требовали срочного ремонта, а «Три Святителя» вообще дослуживал на пределе возможностей. Практически постоянный ремонт проходила «Европа».
14. В 1771 году слабосильный отряд Ф.Г. Орлова не смог ничего поделать со строящимися на Родосе турецкими судами, в 1773 году эскадра А.В. Еманова потерпела неудачи у Бодрума и Станчио.
15. Для анализа хода событий Патрасского боя использовалось донесение М.Т. Коняева А.В. Еманову от 18 ноября 1772 года. МИРФ. Ч. 12. СПб., 1888. С. 28–31.

Литература

1. Материалы для истории русского флота. Ч. 11. СПб., 1886.
2. Материалы для истории русского флота. Ч. 12. СПб., 1888.
3. Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки гидрографического департамента морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7.
4. Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.
5. Мазюкович М. Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. СПб., 1874.
6. Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Избранные сочинения. В 4 т. Т. 4. Ростов-на-Дону, 1994.
7. Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9.
8. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М., 1994.
9. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. XV. Т. 29. М., 2002.
10. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007.
11. Гребенщикова Г.А. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2.

Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов*

А.А. Лебедев

Крейсерство русских кораблей. Художник И. Родионов

События в Архипелаге, который являлся лишь одним из театров морской войны в 1768–1774 годах, рисуют только часть картины боевых действий. Поэтому теперь следует рассмотреть события, происходившие на Азовском и Черном морях. Они не менее интересны и, кроме того, сыграли очень значимую роль в победе России.

Как уже говорилось выше, 9 ноября 1768 года Екатерина II подписала указ о поручении вновь создаваемой Донской экспедиции контр-адмиралу А.Н. Сенявину, тем самым положив начало созданию Азовской флотилии. И хотя работы пришлось начинать в крайне сложных условиях (Россия не имела на южных морях ни баз, ни верфей, ни кораблей, ни даже выхода к наиболее удобным участкам побережья), первыми задачами

© А.А. Лебедев, 2009

* Продолжение. Начало см.: Гангут. — Вып. 49–51.

организуемой флотилии стало осуществление содействия войскам в занятии и удержании Азова и Крыма.

1768–1770 годы знаменовали первый период в истории строительства и деятельности Азовской флотилии. Главной составляющей этого периода стали напряженные работы по созданию флотилии, которые начались уже в ноябре 1768 года. В результате к концу 1770 года в этом удалось достичь впечатляющих успехов. В 1769 году только по первой кораблестроительной («оборонной») программе были достроены пять 44-пушечных прамов и построены вновь 88 различных малых судов (в том числе дубель-шлюпка, палубный бот и 58 военных лодок). Весной 1770 года завершилась постройка двенадцати «новоизобретенных» кораблей, десять из которых были успешно проведены в Таганрог и находились практически в полной готовности к боевым действиям в начале 1771 года. Проект этих кораблей, созданный А.Н. Сенявином и Г.А. Спиридовым при участии корабельных мастеров И.И. Афанасьева, И. Ямса и В. Селянина в декабре 1768 – январе 1769 года стал очень важным достижением, поскольку позволил флотилии достаточно быстро получить силу, способную к боевым действиям на море. Кроме того, осенью 1770 года на Новохоперской верфи были заложены два 32-пушечных фрегата (это стало огромной заслугой А.Н. Сенявина и И.И. Афанасьева: ведь в 1768 и 1769 годах такое казалось абсолютно невозможным). Заслуживает внимание и то, что Петербург уже в 1769 году прозондировал возможность заведения на Черном море линейного флота путем постройки для флотилии линейных кораблей на донских верфях, а после неудачи этого варианта – в 1770 году все-таки оформил курс на получение такого флота, но уже путем перевода кораблей из Архипелага. Подводя, таким образом, итог 1768–1770 годам, нужно сказать, что к кампании 1771 года Азовская флотилия превратилась в силу, способную перейти к боевым действиям на Азовском море.

В 1769–1770 годах Азовская флотилия занималась и военной деятельностью: суда флотилии совместно с сухопутными войсками, занявшими в марте 1769 года г. Азов и Таганрог, организовали прочную оборону дельты Дона. В 1769 году в морской обороне были задействованы два прама (№ 2 и № 3) и девять военных лодок, а в 1770 году – три прама («Парис», «Лефеб» и «Елень») и несколько лодок. Кроме того, в 1770 году им всегда могли помочь и все остальные военные лодки, а также дубель-шлюпка и палубный бот.

*Портретная миниатюра П.И. Пущина, на которой он изображен на вершине своей славы.
(Кучирь А.Г.
Корабел
Екатерининской эпохи. –
СПб., 2007)*

Однако за этими скучными данными стояли тяжелая работа (поскольку нужно было успеть провести в «большую воду» суда с донских верфей по р. Дон к его низовьям по 1100-верстному пути, изобиловавшему перекатами и карчами) и большое напряжение (в 1769–1770 гг. в низовьях Дона было отнюдь не спокойно, как представляется в историографии). Поэтому остановимся на обороне дельты Дона в 1769–1770 годах более подробно.

В 1769 году прибывшие к Азову прамы № 2 и № 3 заняли следующие позиции: № 2 встал «на соединении рек Каланчи и Кутюрьмы», а № 3 – «у оконечности города Азова с левой его части». Вперед, к взморью, с них выслали по шлюпке с офицером для оповещения о возможном появлении противника. Общее руководство указанными силами осуществлял капитан 1 ранга П.И. Пущин.

Таким образом, как доносил в Петербург А.Н. Сенявин, указанные два прама «не только заняли все с моря проходы к Азову и выше в реку Дон, но стоящий у Азова прам в надобном

случае будет защищать и города левую часть». При этом А.Н. Сенявин сам тщательно контролировал занимаемые ими позиции. В частности, он несколько раз лично посещал прамы, знакомясь с ситуацией. А во время его приезда 21 июля с прама № 2 провели ряд артиллерийских стрельб для определения дистанций и пристрелки орудий. После этого его позицию несколько скорректировали. А в середине июля 1769 года к крепости Святого Дмитрия Ростовского прибыли и первые девять военных лодок: три из них были направлены для брандвахтенной службы в устья Дона, Каланчи и Кутюры, одна стала использоваться для посылок, и пять остались в резерве у крепости. В результате все проходы в Дон оказались под пристальным контролем.

Форма штаб-офицера (слева) и вице-адмирала русского флота 1764 года, которую носили во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов П.И. Пущин, Я.Ф. Сухотин, И.Г. Кинсберген и А.Н. Сенявин. Художник А.А. Тронь

Что же касается 1770 года, то в нем оборону дельты Дона усилили еще одним прамом и она стала выглядеть следующим образом. Основу составляли прамы № 2 («Парис»), № 3 («Лефеб») и № 4 («Елень»), которые перекрывали основные фарватеры: «Парис», стоявший у Азова, контролировал рукав самого Дона, «Лефеб» — блокировал реку Кутюру, а «Елень» — реку Каланчу. В устьях же этих рек, как и в 1769 году, брандвахтенную службу несли несколько военных лодок. Кроме того, в 1770 году к крепости Святого Дмитрия Ростовского прибыли, наконец, остальные военные лодки, а также дубель-шлюпка и палубный бот. Летом они начали действовать на Азовском море: военные лодки перевозили грузы для строительства Петровской крепости на Бердинской косе, а дубель-шлюпка и палубный бот охраняли их с моря, занимались описанием Таганрогского залива и вели дальний дозор подступов к Таганрогу и Азову.

Между тем, в августе произошло вынужденное изменение в системе обороны дельты Дона: открывшаяся на праме «Парис» течь заставила его оставить позицию и подойти к Азову, а затем в сентябре досрочно уйти к крепости Святого Дмитрия. Его место занял прам «Елень». Но уже в сентябре 1770 года И.Г. Чернышев уведомил А.Н. Сенявина о событиях в Архипелаге. В частности, тот писал ему, подтверждая панику у турок после Чесменского разгрома, что все оставшиеся у них девять линейных кораблей использованы для защиты Константинополя и что им не до флотилии.

Тем не менее, только в начале ноября 1770 года А.Н. Сенявин прекратил транспортировку грузов военными лодками, опасаясь гибели их и людей из-за штормовой погоды. В итоге военные лодки расположились на зиму в крепости Святого Дмитрия Ростовского и Таганроге. В это же время закончил крейсерство отряд Ф.С. Федорова, состоявший из дубель-шлюпки и палубного бота, после чего оба судна пришли на зиму в Таганрог. Немногим раньше — в октябре 1770 года — закончи-

ли дежурство в дельте Дона стоявшие там два прама и три брандвахтенные лодки («Парис» из-за возникшей течи ушел к крепости Святого Дмитрия Ростовского еще в сентябре).¹ Потери

флотилии в 1769–1770 годах составили 14 военных лодок (одна затонула на Дону в 1769 году, а тринадцать погибли от штормовой погоды на Азовском море в 1770 году).

Вооружение прамов, занимавших в 1769–1770 годах позицию в дельте Дона

Номер прама (Наименование)	Деки	Количество орудий на деке	Калибр орудий
№ 2 («Парис»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	22	8-фунтовые
№ 3 («Лефеб»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	22	8-фунтовые
№ 4 («Елень»)	Нижний	22	18-фунтовые
	Верхний	19	10-фунтовые

Таким образом, в 1769–1770 годах была организована прочная оборона дельты Дона. 44-пушечные прамы с достаточно тяжелой артиллерией (18-фунтовыми пушками нижней батареи), расположенные на прекрасно выбранных позициях в условиях мелководности дельты Дона и вообще северо-восточной части Таганрогского залива, где не могли действовать линейные суда, а остальные в случае прорыва лишились возможности маневра, были весьма грозной силой, да еще при поддержке военных лодок и сухопутных войск. Это имело большое значение для России в 1769–1770 годах: успех турок в этом районе не только лишил бы Россию единственного на тот момент выхода на Азовское море (и фактически ликвидировал бы возможность создания на южных морях каких-либо военно-морских сил), но и создавал в целом серьезные проблемы, в связи с необходимостью переброски сюда войск.

И организована надежная оборона дельты Дона была отнюдь не напрасно. В 1769 году турки планировали доставку к Азову большого десанта для похода на Астрахань, но так и не организовали его. Однако летом 1769 года турецкий флот «в числе 4 больших кораблей, 2 транспортных галер, полугалер и морских судов до 200» все же пришел в Керченский пролив (здесь вызывает вопрос общая цифра турецких судов, которых, скорее всего, было значительно меньше, но проверить это предположение источники, к сожалению, пока

не позволяют). Большие корабли расположились ниже Керчи, а с остальными судами турки даже предприняли экспедицию против Азова и Таганрога, впрочем, достаточно пассивную и кончившуюся полной неудачей: после того как на Долгой косе на мель встали обе галеры (одну из них туркам все же удалось снять, а вторая была разбита в штормовую погоду), турки отказались продолжить поход и вернулись в Керченский пролив.

Здесь на турецких кораблях вспыхнул бунт из-за неуплаты жалования, в ходе которого был убит командующий эскадрой, после чего неприятельские кораблиостояли в бездействии до октября 1769 года, а затем ушли в Константинополь. Отсутствие противодействия русским в процессе создания ими флотилии и отказ от попытки отбить устье Дона стали второй, после легкой сдачи Азова и Таганрога, большой ошибкой турок на данном театре войны.

В 1770 году турецкий флот ненадолго появился у Керчи. Как писал А.Н. Сенявин И.Г. Чернышеву, «в апреле месяце приходило к Еникалю галер больших 4, малых 2, полугалер и мелких судов до 70 и стояли до июня, а во оном прибывший из Константинополя паша все суда взял с собой». Причиной тому явились успешные действия русского флота в Архипелаге, и туркам стало не до берегов далекого Азовского моря. Гибель же турецкого флота при Чесме и начало блокады Дарданелл вызвали

Вице-президент
Адмиралтейств-
коллегии, член
Высочайшего
Совета граф
И.Г. Чернышев

в Константинополе настоящую панику. «Падиах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед этим считала себя столь грозной», — вспоминал французский инструктор в Стамбуле барон Ф. де Тотт.

Однако, несмотря на все успехи в создании флотилии, А.Н. Сенявин, узнав о победах русского флота в Архипелаге, все же оказался расстроенным, что сам не смог приступить к действиям на море, хотя и понимал, практическую нереальность этого о чем он прямо написал в Петербург. Однако полученный от И.Г. Чернышева ответ показал, что роль флотилии в войне может быть намного более важной. Чернышев, в частности, писал А.Н. Сенявину: «... Вам, и в утешение только скажу, что удары, которые вы ему сделать можете, еще гораздо будут чувствительнее; поспешите только Бога ради сколько возможно (курсив наш. — Авт.)».

И действительно, впереди намечалась Крымская операция — фактически главное событие войны. Значение же при ее проведении поддержки с моря еще раз наглядно показали два неудачных похода корпуса Г. фон Берга в Крым в 1769—1770 годах. В результате похода 1769 года, в котором его корпус дошел только до Геничи, в рапорте Румянцеву Берг написал: «Степь была выжжена, корма для лошадей достать было не можно, при том не было иной воды, кроме колодезной гнилой, вонючей и горькой, да и той не доставало для всех». По итогам же похода 1770 года Берг уже четко обозначил,

что без поддержки с моря полуостровом не овладеть.

Завершая анализ кампании 1770 года, необходимо коснуться еще одного события. В Петербурге в том году впервые была сформулирована идея проведения операции по захвату Босфора и Константинополя. В частности, 17 мая на заседании Совета генерал-фельдцейхмейстер граф Григорий Орлов «читал свое мнение об отправлении, по взятии Бендера, корпуса пехоты к Варне для овладения сим местом и переезда с помощью флотилии нашей морем к самому Константинополю, дабы получить тем скорый и славный мир. И по оному рассуждаемо было Советом, что теперь ничего утвердительно о сем полагать не можно и потребно на то время по важности материи; но что надобно наперед писать к обоим командующим генералам: к графу Панину о отобрании сведений о судах, какие можно достать на Днестре, и о лодках запорожских казаков, называемых дубами, как далеко они ходят в Черное море и можно ли им пройти безопасно мимо Очакова; а к графу Румянцеву о намерении послать корпус за Дунай и чтоб старался для сего заложить на той реке магазины и утвердиться на оной».²

Очевидно, что предложенный Г.Г. Орловым проект оставался пока лишь общей идеей без тщательной проработки деталей. В частности, не были четко поставлены конечные цели экспедиции: захват турецкой столицы или демонстрация для принуждения к миру. Но при этом прослеживаются в нем и знание исторического опыта борьбы на Черном море, и понимание слабых сторон противника.

Что касается первого, то донские и запорожские казаки не только много-кратно били турецкие эскадры на Черном море, но и периодически совершали блестящие рейды на Константинополь. В 1615 году запорожцы открыли счет успешным экспедициям казаков против Османской столицы в XVII веке: в ходе их удара были сожжены ближайшие к Константинополю селения на Босфоре. Как писал Ю.И. Тушин, «султан в это время охотился поблизос-

ти от столицы и сам видел дым и огонь горящего города». Когда же разгневанный Осман II направил в погоню за отошедшими запорожцами свой флот, то они и ему сумели нанести поражение у устья Дуная. Более того, казаки захватили в плен не только несколько галер, но и самого капитан-пашу!

В 1621 году запорожцы вновь атаковали турецкую столицу, причем на этот раз дважды! В первый раз уже одно только появление казачьих судов в устье Босфора вызвало страшную панику в Константинополе. Ф. де Сези писал Людовику XIII: «Ужас в этом городе был так велик, что невозможно описать. Шестнадцать лодок с казаками достигли в эти дни колонны Помпея поблизости от устья канала Черного моря, чтобы захватить карамуссоли [вид судов], сжечь и разрушить селения, и переполох был такой, что множество людей из Перы и Кассомбashi бросилось к Арсеналу спасать свое имущество...»³. Вышедшая же им навстречу турецкая эскадра вернулась, даже не приняв боя. Однако, как оказалось, это было только начало. Во время второго удара казаки добились даже большего: «Далее наехав на Галату, брали, били, секли казаки...»⁴.

В 1624 году казаки вновь дважды появлялись в Босфоре. Во время второго «посещения» они сожгли маяк Форос, а также Буюкдере, Еникей и Истинье.⁵ В 1652 году тысяча донских казаков

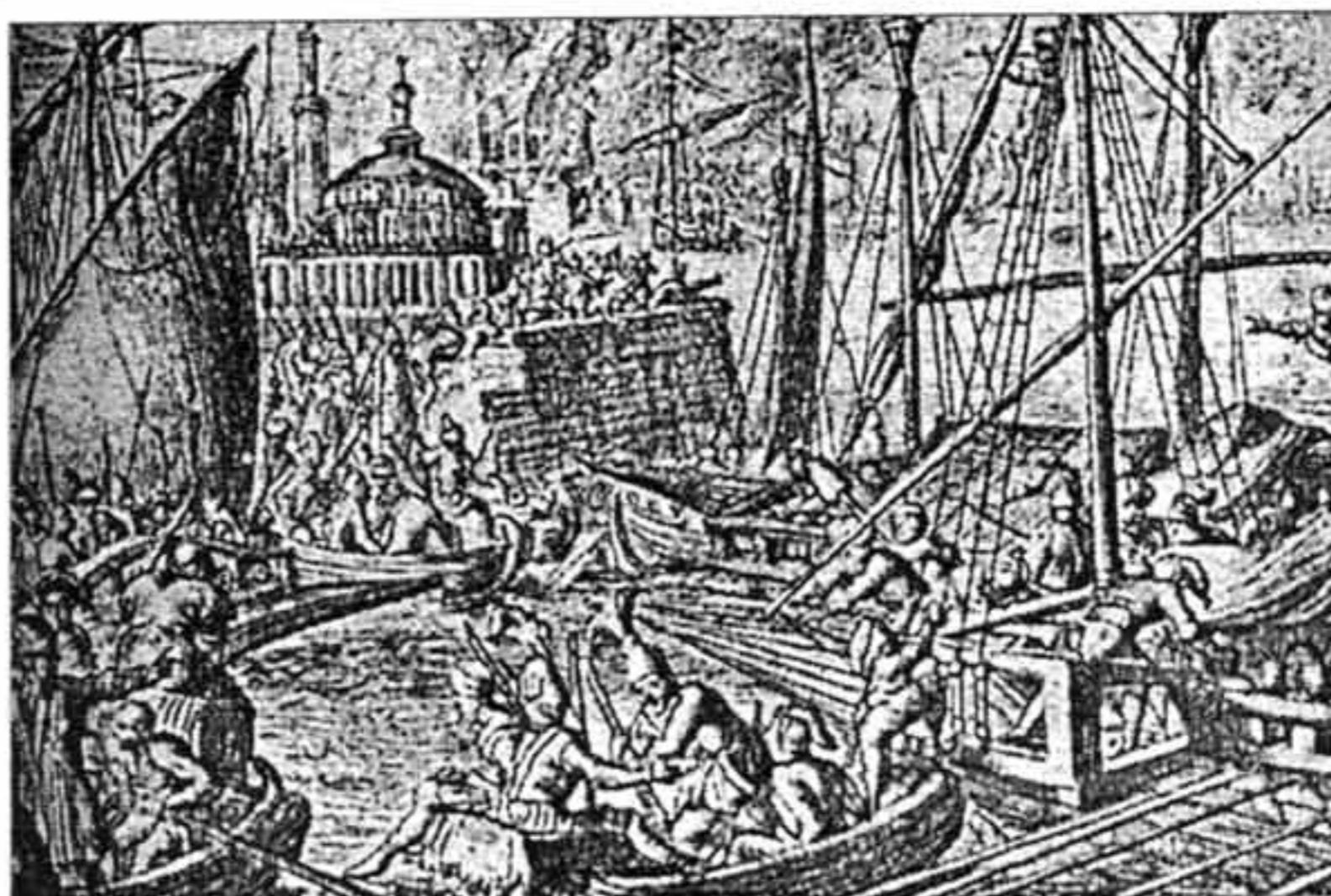
Генерал-фельдцейхмейстер, член Высочайшего Совета
князь Г.Г. Орлов

под предводительством атамана Ивана Богатого опять подошла к окрестностям столицы Османской империи. Возвращались донцы домой с большой добычей и на обратном пути выиграли бой у десяти турецких галер.

Всего же в XVII веке казаки нападали на Босфор в 1615, 1616, 1617, 1620, 1621, 1623, 1624, 1629, 1630, 1652 годах.⁶ Поэтому идея удара была не так уж безумна, особенно если учесть состояние турок на 1770 год. Кроме того, удар, если бы он даже и не привел к военной победе, мог серьезно надломить противника морально.

По второму же моменту, справедливым был вывод о том, что все неожиданные для турок действия приводят к победам (занятие Азова, появление Азовской флотилии, Чесма...). В 1773 году А.Г. Орлов отмечал: «побеждаемы они [турки] были малым числом, потому что обыкновенно пугаются того, о чем не знают, но, пришедши потом в себя,

Набег казаков на Стамбул.
С офпорта
Ромейн де-Хооге

принимают достаточные меры».⁷ А сам Г.Г. Орлов дополнил: «Это свойственно туркам, как и всем невеждам; потому-то и не надобно давать им время на размышление, а стараться пользоваться их замешательством».

В результате было решено сообщить об этом намерении П.А. Румянцеву, и сделать запрос к П.И. Панину «о судах, которые можно доставить на Днестре, и о лодках запорожских казаков, называемых дубами, как далеко они ходят в Черное море и можно ли им пройти безопасно мимо Очакова». В начале сентября 1770 года Высочайший Совет направил П.А. Румянцеву указание иметь готовым корпус для действий за Дунаем, а А.Н. Сенявину сообщил о планах возможного использования флотилии против Константинополя.⁸ Наконец, в ноябре 1770 года Г.Г. Орлов уже настаивал на осуществлении своего плана в 1771 году. Но Высочайший Совет, одобрав план удара по Константинополю в целом и согласившись с необходимостью дальнейшей подготовки его осуществления, решил все же отложить его в пользу проведения в кампанию 1771 года операции против Крыма.⁹

1771–1772 годы стали следующим периодом в истории Азовской флотилии и, в частности, временем начала ее активной боевой деятельности, выхода на Черное море и укрепления там.

1770 год принес России блестящие победы русской армии на Балканском театре и флота в Архипелаге, однако заставить Турцию пойти на мир на выгодных условиях они все же не смогли. Тогда российское правительство решило в 1771 году провести решительную операцию по овладению Крымом. Ситуация этому теперь явно благоприятствовала. Во-первых, в результате побед русского оружия в 1770 году военно-экономический потенциал Турции был серьезно подорван, а ее силы распылены и скованы, а во-вторых, в лице подготовившейся к действиям на море в 1771 году Азовской флотилии Россия получила важнейший инструмент для проведения операции в Крыму.

Проведение этой операции возложили на 2-ю армию генерал-аншефа В.М. Долгорукова, насчитывающую 48 тыс. человек. Активное содействие ей должна была оказывать Азовская флотилия А.Н. Сенявина. К 1771 году она имела готовыми к боевым действиям 10 «новоизобретенных» кораблей (корабль 1-го рода «Хотин», корабли 2-го рода «Азов», «Таганрог», «Новопавловск», «Корон», «Журжа», «Модон», «Морея» и два бомбардирских корабля 3-го рода — «Первый» и «Второй»), дубель-шлюпку, палубный бот, три 44-пушечных прама, 44 военные лодки и два транспортных судна — поляку и шаинию.

Эти корабли располагались в Таганроге и у крепости Святого Дмитрия Ростовского. Кроме того, флотилия имела еще четыре судна: два прама находились на хранении в Павловске, а два корабля 4-го рода (большой бомбардирский корабль «Яссы» и транспорт «Бухарест») зимовали на Дону, и для введения в строй последних нужно было еще привести их в Таганрог, где достроить и подготовить к кампании. Численность личного состава флотилии достигала 2413 человек (по штату 1770 года полагалось иметь 3218 человек).

При проведении крымской операции войска В.М. Долгорукова и флотилия А.Н. Сенявина, и это особо подчеркивалось, должны были осуществлять самое тесное взаимодействие. По разработанному З.Г. Чернышевым плану ход действий армии В.М. Долгорукова и флотилии А.Н. Сенявина должен был быть следующим.¹⁰ Непосредственно для действий против Крыма из 2-й армии выделялся корпус численностью 27,3 тысячи человек (командовать им должен был сам В.М. Долгоруков). На пути к Перекопу из 27-тысячного корпуса для самостоятельных действий следовало выделить отряд под командованием генерал-майора Ф.Ф. Щербатова в составе 3395 человек. После этого корпусу В.М. Долгорукова надлежало атаковать непосредственно Перекопскую укрепленную линию, отряд же Ф.Ф. Щербатова должен был, по воз-

можности одновременно с этим, переправиться через Сиваш на Арабатскую стрелку из Геничи. Далее войскам В.М. Долгорукова предписывалось развивать наступление на Кафу, выделив еще один отряд для занятия Козлова. Отряду же Ф.Ф. Щербатова надлежало овладеть крепостями Арабат, Керчь и Еникале.

Действиям русских войск, как уже говорилось выше, должна была способствовать Азовская флотилия. Её задачи сводились к следующему: обеспечение переправы отряда Ф.Ф. Щербатова через Арабатскую стрелку, проведение десантной операции в помощь корпусу Щербатова против Арабата, Керчи или Еникале, осуществление транспортировки припасов для русских войск в Крыму.

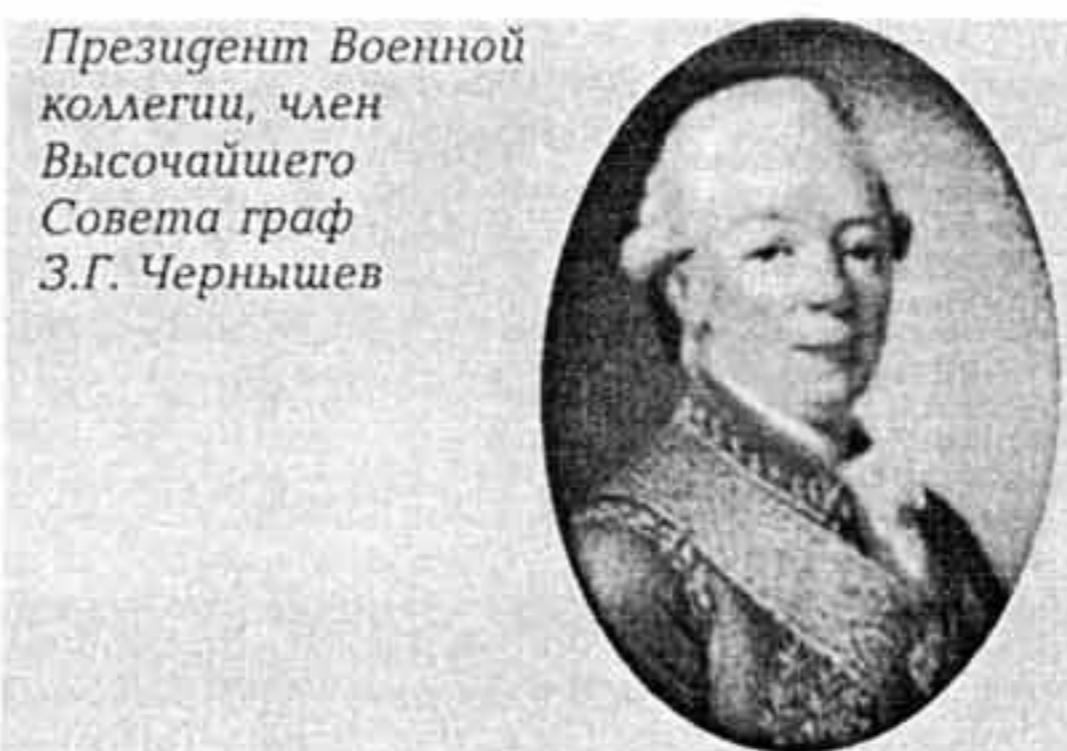
И в июне — августе 1771 года 2-я русская армия В.М. Долгорукова провела вышеупомянутую операцию. В результате тесного взаимодействия армии с флотилией А.Н. Сенявина полуостров Крым был занят. Азовская же флотилия вышла на Черное море.

А в августе — сентябре 1771 года состоялся первый в истории поход русской эскадры (корабли: «Хотин», «Мо-

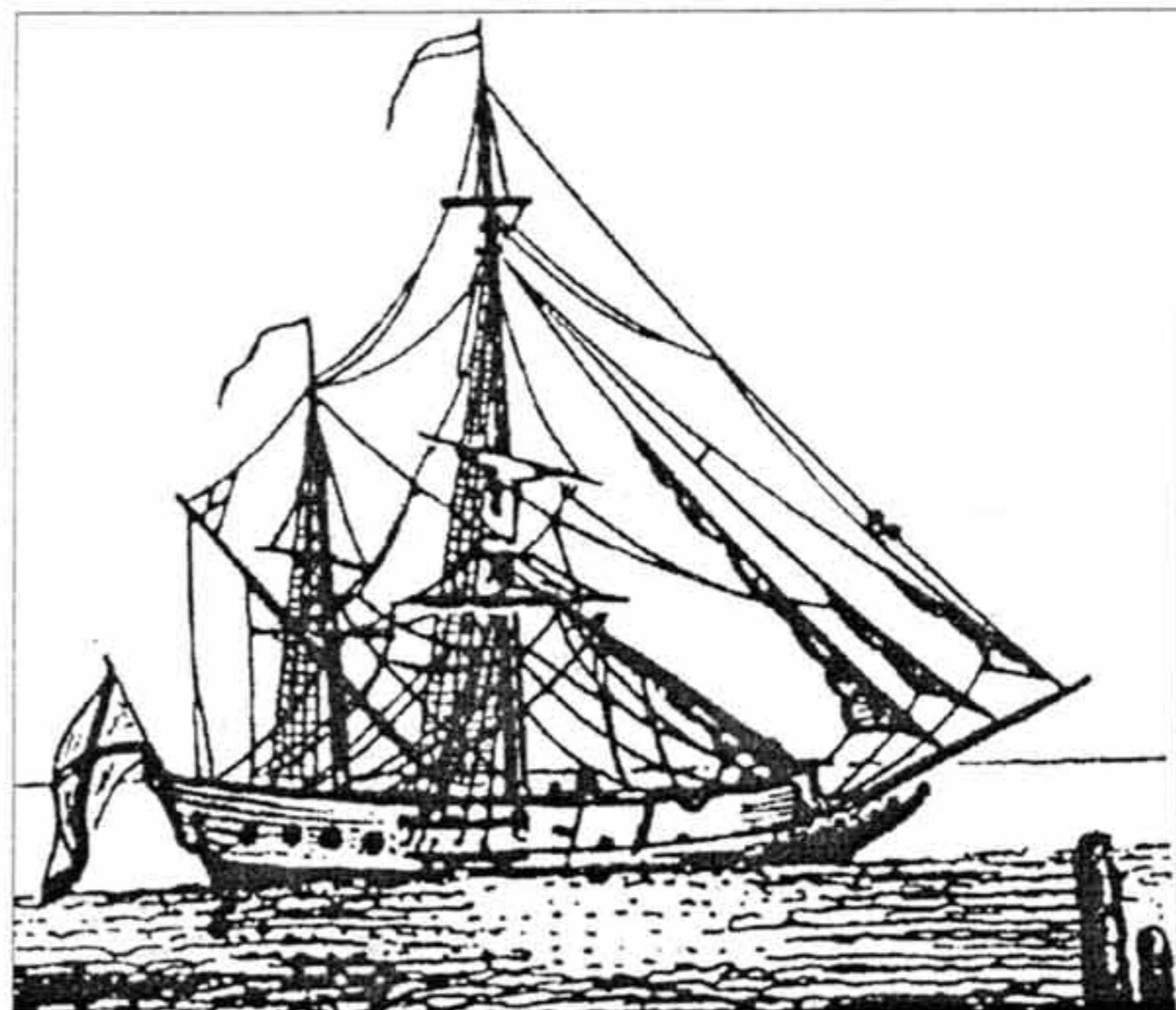
Князь
В.М. Долгоруков-
Крымский

Президент Военной
коллегии, член
Высочайшего
Совета граф
З.Г. Чернышев

рея», «Азов» и «Новопавловск») под командованием капитана I ранга Я.Ф. Суходтина по этому морю, по маршруту Керченский пролив — Кафа — Ялта — Керченский пролив.

Bug
«новоизобретенного»
корабля 2-го рода

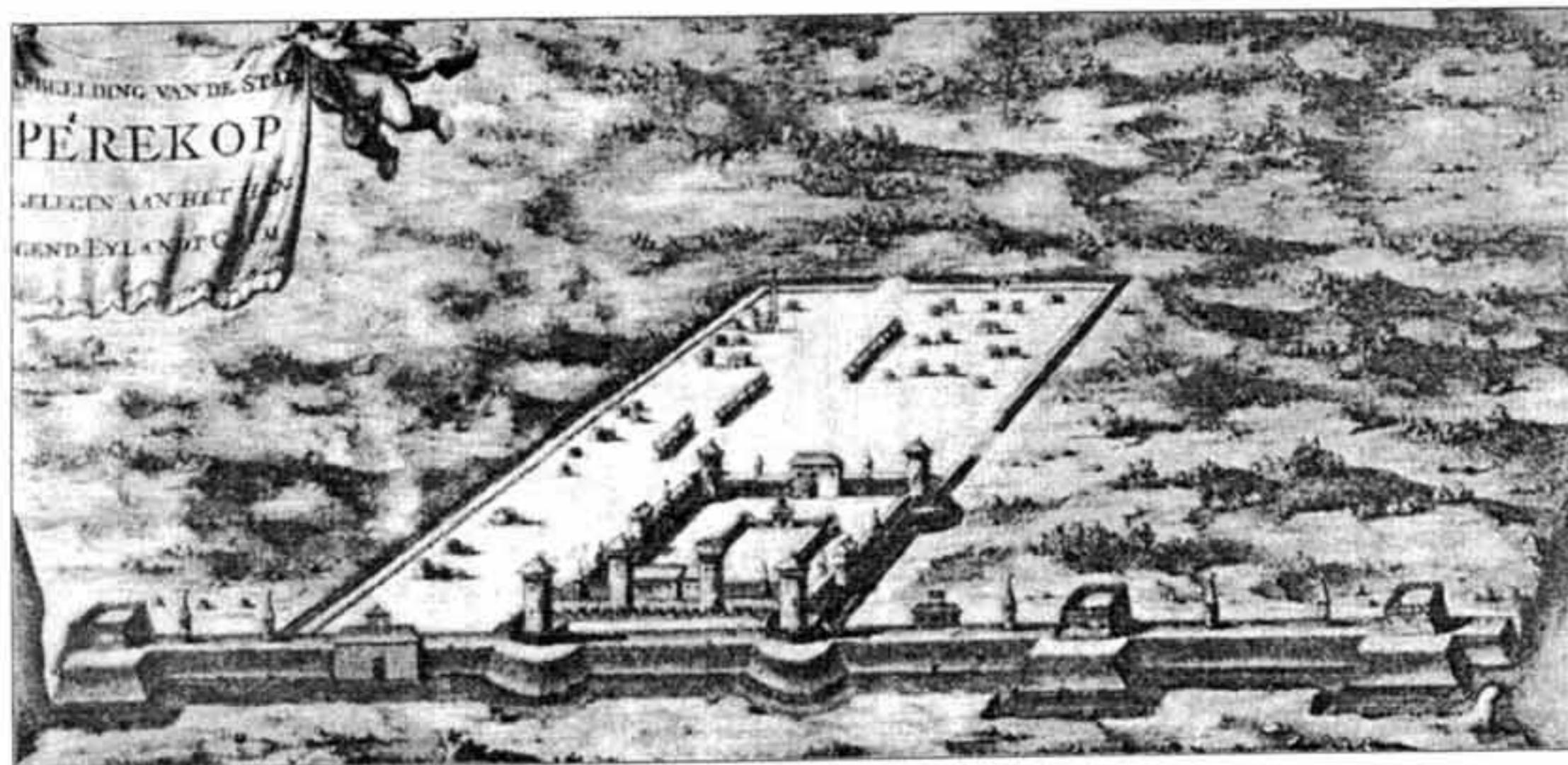
Так обычно вкратце подаются в отечественной историографии события 1771 года, связанные с овладением Крымом. Известный историк С.М. Соловьев даже писал: «Легкое дело — покорение Крыма — было кончено, начиналось самое трудное — утверждение так называемой независимости его». Бессспорно, борьба за независимость Крыма отличалась большим напряжением, но и занятие его, как мы увидим далее, стало отнюдь не легкой прогулкой, каковой и не могло быть на фоне всех предшествующих неудачных попыток России его покорить и удержать. Отсутствие же горячих схваток с противником на суше и на море в 1771 году свидетельствовало не о «легкости дела», а о большой предварительной подготовке операции, удачном выборе момента ее проведения и слаженности действий ее участников.

Военные действия в Северном Причерноморье начались 20 апреля 1771 года выступлением 27-тысячного корпуса 2-й армии В.М. Долгорукова из Полтавы к Перекопу. Между тем Азовская флотилия только лишь заканчивала подготовку. Трудности у нее начались гораздо раньше, чем у сухопутных войск. В связи с мелководностью Таганрогской гавани снаряжать и вооружать «новоизобретенные» корабли пришлось на рейде, перевозя с берега

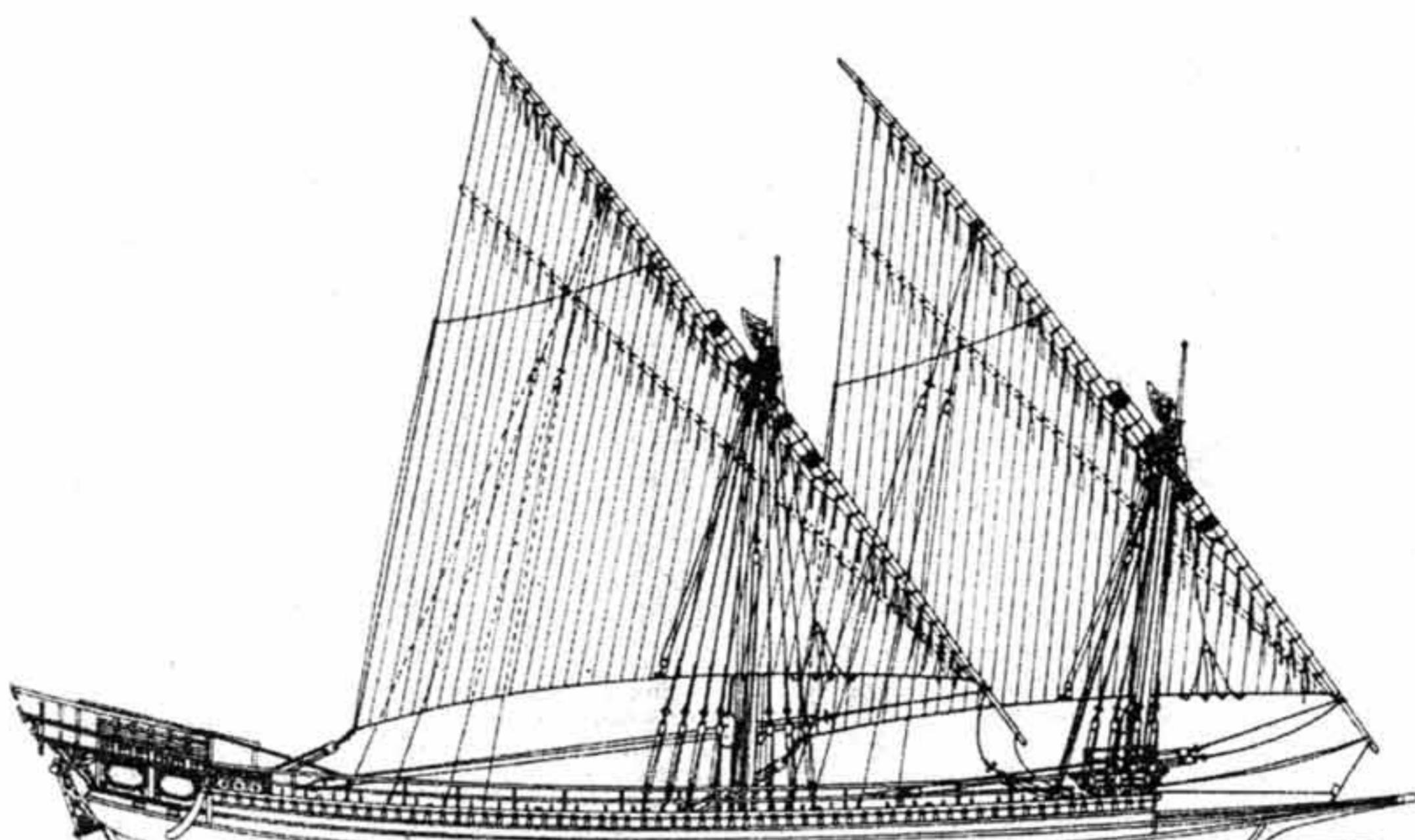
все необходимое на лодках, чему постоянно мешали ветер и волнение. Несмотря на это, 17 мая к кампании были готовы все десять «новоизобретенных» кораблей первых трех родов, после чего А.Н. Сенявин поднял свой флаг на «Хотине». Но выйти в море в этот день не удалось — помешал штиль.

Как бы там ни было, впервые со времени Петра I у России появилась на Азовском море боеспособная эскадра: на Таганрогском рейде под Андреевскими флагами стояли «новоизобретенные» корабли 1-го и 2-го родов «Хотин», «Азов», «Таганрог», «Новопавловск», «Корон», «Модон», «Журжа» и «Морея», а также малые бомбардирские корабли «Первый» и «Второй». И в Петербурге по достоинству оценили день 17 мая 1771 года. Екатерина II написала по этому поводу И.Г. Чернышеву: «С большим удовольствием усмотрела я, что 17 числа мая российский флаг веял на Азовском море после семидесятилетней перемежки, дай Боже вице-адмиралу Сенявину счастливый путь и добный успех».

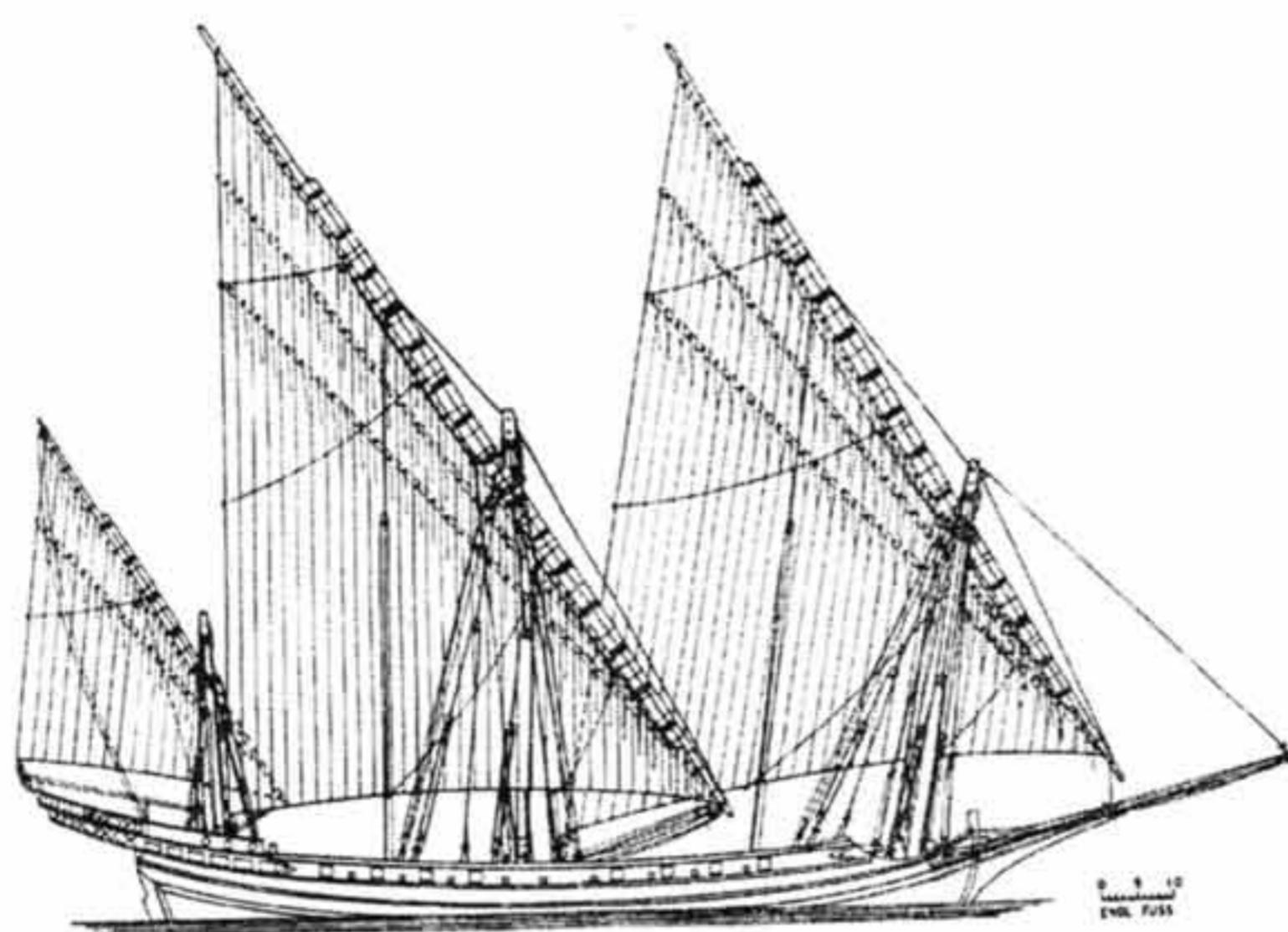
Не простым выдался и первый поход этой эскадры от Таганрога к Геничи. Движению русских кораблей постоянно мешали встречные ветра и штормовая погода. А 29 мая флотилия понесла первую серьезную потерю: во время внезапно обрушившегося на флотилию

Перекоп. Гравюра из книги Н. Витсена, изданной в 1692 году

0 5 10
ENGL FUSS

Галера (вверху)
и шебека.
(Марквардт К.Х.
Рангоут, такелаж и
паруса судов XVIII ве-
ка. /Пер. с нем. — Л.,
1991)

у Бердинской косы сильного шторма неожиданно затонул малый бомбардирский корабль «Первый» (а не «Морея», как указывается в ряде работ), причем спаслось всего шесть человек; погибли 29 человек, в числе которых оказались командир, лейтенант М. Воейков и два офицера.

Гибель корабля произошла так быстро и внезапно, что с других судов просто не успели оказать ему помощь. В шканечном журнале флагманского корабля «Хотин» эпизод гибели корабля описан так: «В 6 часов [утра] судно бомбардирское *Первое* от шторма жестокого и волнения великого вдруг

в один мах повалило на левый бок, погрузило, которого видна только ... от вымпела до воды одна треть мачты, людей видно около ... человек пяти, да на гафеле два, но помочь оказать им не можно».

Не меньше проблем, чем погода, доставляло и отсутствие нормальных карт. А.Н. Сенявин писал И.Г. Чернышеву об этом: «Карта здешнего моря, описи капитана Герценберга, со всем негодна и плавание по ней за неверность производить нельзя, во уверение чего если В[аша] С[ветлость] прикажите положить суточные счисления пути моего на оную, то найти изволите, что я с кораблями своими шел не водой, а степью, а посему благоволите заключить о службе нашей ... вода здешняя налитая в бочки сама ль по своей слабости или от жаров через 2 недели так испортилась, что страшно и писать какой мерзкий дух имеет, а сие при старых моих летах (А.Н. Сенявину было в 1771 г. 55 лет. — Авт.) здравие мое приводит в великую слабость».

Тем не менее, 9 июня флотилия А.Н. Сенявина подошла к Федотовой косе и стала на якоря, ожидая известий от корпуса генерала-майора Ф.Ф. Щербатова. 12 июня через дубель-шлюпку Сенявин получил сообщение от Щербатова о прибытии его корпуса к Геничи. Несмотря на установившийся крепкий ветер, Сенявин повелел лодочной эскадре, а также малому бомбардирскому кораблю идти за Федотову косу к месту намеченной переправы. Следом пошла и корабельная эскадра, чтобы занять более удобную позицию для охраны. Но разыгравшиеся 13 июня «прекрепкий ветер и великое волнение» не позволили в этот день устроить переправу. Мост удалось навести только на следующий день (14 июня), для чего понадобилось 14 военных лодок, и корпус Щербатова сразу же перешел на Арабатскую стрелку. В это время эскадра А.Н. Сенявина охраняла переправу с моря.

Таким образом, первая задача Азовской флотилии была успешно выполнена. Более того, прорыв на Крымский полуостров двух отрядов русских войск был осуществлен одновременно в бук-

вальном смысле — 14 июня, так как именно в этот день войска В.М. Долгорукова взяли Перекопскую линию.

Между тем, того же 14 июня А.Н. Сенявин получил два сообщения от В.М. Долгорукова, коими тот уведомлял, во-первых, о невозможности выделить на эскадру запланированные 1600 человек для десантной операции против Керчи и Еникале, в связи с малой численностью корпуса Щербатова, почему А.Н. Сенявину предоставлялась свобода действий на Азовском море, а, во-вторых, о готовящемся появлении у Крыма турецкой эскадры с 10-тысячным десантом на борту, о чём ему, в свою очередь, сообщил П.А. Румянцев. Исходя из сложившейся обстановки на совете командиров кораблей, состоявшемся в тот же день, было принято решение о немедленном походе с восемью кораблями к Керченскому проливу, чтобы запереть вход в Азовское море. Остальные суда должны были содействовать корпусу Ф.Ф. Щербатова.

Как показали последующие события — это было абсолютно верное решение. Уже 15 июня при благоприятном ветре корабельная эскадра А.Н. Сенявина в составе восьми кораблей и дубель-шлюпки, снявшись с якорей, направилась к Керченскому проливу, при этом «держась сколько можно ближе Крымского берега, дабы на оном обывателям в страх показать вид флотилии». Двигаясь так, 19 июня восточнее крепости Арабат, А.Н. Сенявин встретил турецкую эскадру из 14 шебек и полугалер: они шли под берегом на запад (видимо, к Арабату).

Встреча с русскими кораблями настолько поразила турок, что они, даже не думая о бое, отошли к берегу в Казантипский залив. А.Н. Сенявину же атаковать не позволил сильный ветер и большое волнение, но он быстро закрыл своей эскадрой путь противнику к Арабату. В итоге весь день 19 июня из-за не прекращавшегося сильного ветра русские и турецкие кораблиостояли на виду друг у друга с тем различием, что турки были под берегом, а русские — в открытом море.

К утру 20 июня ветер стал тише и А.Н. Сенявин, построив эскадру в ордер баталии и приготовившись к бою, немедленно двинулся с эскадрой к турецким кораблям. Но погода вновь сорвала атаку: когда головной корабль эскадры Сенягина «лег левым галсом к W в параллель берега и их (турецких судов — Авт.), чтоб вshed всем и при втором обороте совершенное зачать сражение», на эскадру неожиданно стали находить сильные шквалы с дождем. Все буквально утонуло во мгле. В шкафечном журнале «Хотина» записано:

«Вначале 11 часа нашел от ZZO шквал с жестоким крепким дождем которым поворотило нас на левый галс, по утищении немного спустя нашел другой шквал с дождем в такой же силе, по утищении же ветра поворотило нас на правый галс, выходе часа нашел [новый] шквал и с крепким дождем... В 11 часов такой же шквал с крепким дождем нашел... В начале 12 часа по утищении немного ветра

корабль поворотили буксиром на левый галс... [но] в 5 часа нашел крепкий шквал с которого и ветер стал крепкий и дождь... Находящими шквалами с темными тучами с крепким дождем неприятельские суда закрылись от нас под берегом».¹¹

Когда же к вечеру стихия вновь успокоилась, и А.Н. Сенявин снова пошел к берегу, то турок там уже не оказалось. Стало ясно: они ушли к проливу.

Разбирая события этого дня с точки зрения военно-морского искусства, нужно отметить, что А.Н. Сенявин, с одной стороны, показал свою решительность, атаковав с меньшими силами численно превосходящий турецкий отряд, а с другой — действовал при атаке, слишком уж строго следуя схеме линейной тактики: сначала построил корабли в линию баталии, а затем в этом построении стал приближаться к противнику, потеряв при этом много времени, тогда как индивидуально турецкие суда не отличались силой.

Состав эскадры А.Н. Сенягина в событиях 19–20 июня 1771 года

Наименование корабля	Вооружение	Командир
Корабль 1 рода «Хотин»	16 12-фунтовых пушек	Капитан-лейтенант М. Фондезин; флаг вице-адмирала А.Н. Сенягина
Корабль 2 рода «Азов»	14 12-фунтовых пушек 2 1-пудовые гаубицы	Капитан-лейтенант С. Тулубьев
Корабль 2 рода «Таганрог»	То же	Капитан-лейтенант Ф. Неепов
Корабль 2 рода «Новопавловск»	То же	Капитан-лейтенант И. Баскаков
Корабль 2 рода «Корон»	То же	Капитан-лейтенант С. Панов
Корабль 2 рода «Журжа»	То же	Капитан-лейтенант С. Токмачев
Корабль 2 рода «Модон»	То же	Капитан-лейтенант Ф. Федоров
Корабль 2 рода «Морея»	То же	Капитан-лейтенант Я. Карташев

Между тем, русская эскадра взяла курс на Керченский пролив, однако догнать турок так и не смогла. Утром 21 июня А.Н. Сенявин обнаружил суда противника, но уже в Керченском проливе: они шли к югу без всякого порядка. Не имея возможности атаковать крепости Еникале и Керчь, из-за отсутствия как десантных войск, так и крупных орудий, А.Н. Сенявин решил закрыть туркам всякий доступ в Азовское море, для чего расположился с эскадрой у входа в него из Кер-

ченского пролива. И тут случилось невероятное — турки без боя остались Азовское море!

Таким образом, флотилия А.Н. Сенягина установила полный контроль над Азовским морем. Это был важный успех. 23 июня 1771 года он так написал об этом И.Г. Чернышеву: «по сей час я могу уверить В[ашу] С[ветлость], что милостью Божьей на Азовском море владычествоует флаг всероссийской Императрицы, с чем и имею честь В[ашу] С[ветлость] поздравить». И эс-

кадра А.Н. Сенявина, усиленная подошедшими 23–25 июня малым бомбардирским кораблем, дубель-шлюпкой и девятью военными лодками, расположившись полумесяцем, стала ожидать занятия Ф.Ф. Щербатовым Керчи и Еникале. Турецкие же силы, находившиеся в проливе, несмотря на свое численное превосходство (а 22 июня А.Н. Сенявин обнаружил в Керченском проливе уже 30 неприятельских судов), не только не предприняли атаки русской эскадры, но наоборот — в начале июля вообще ушли из пролива.

Однако эскадре А.Н. Сенявина все же пришлось иметь боевое столкновение с противником, правда, не морским, а сухопутным. К концу июня на ее кораблях подошли к концу запасы пресной воды, и Сенявин решил пополнить их в обнаруженном на Крымском берегу около Керченского пролива источнике. А поскольку «новоизобретенные» корабли не могли покинуть занимаемые позиции, будучи на страже входа в Азовское море, то для набора воды послали девять военных лодок (перед этим на них с кораблей свезли пустые бочки и посадили часть солдат морских батальонов для охраны на берегу) под прикрытием дубель-шлюпки. Руководство этой операцией капитану 1 ранга Я.Ф. Сухотину (набирать воду предстояло на неприятельском берегу).

27 июня Я.Ф. Сухотин подошел к берегу и, отогнав противника огнем орудий, высадил солдат морских батальонов, под прикрытием которых и начался набор воды. Но закончить операцию в этот день не удалось, и на следующий день она продолжилась. Противник все это время внимательно наблюдал за действиями русских, но поначалу не мешал. Однако нападение все же произошло, причем в самый неудачный для русских момент. А.Н. Сенявин так доносил об этом Адмиралтейств-коллегии: «по окончании наливки воды перед полуднем, как уже десант (солдаты морских батальонов и моряки — Авт.) стал перебираться и коего на трех шлюпках и отправлено было на лодки, тогда неприятель в немалой толпе, по видимости признавая более 100 человек янычар и 200 конницы,

оказался на горе вблизи и янычары все бросились под гору к нападению».

Однако оставшиеся на берегу русские десантники не растерялись и встретили противника: сначала ружейным огнем, а затем приняли его в штыки и сделали это «так храбро, что вскоре неприятель, потеряв более 30 человек на месте убитыми и со многим числом раненых [был] обращен в бегство и прогнан на гору». Далее русские их преследовать не решились, опасаясь, чтобы «неприятель подкреплением конницы» не отрезал их от судов. В итоге десантники вернулись к шлюпкам и были благополучно переправлены сначала на военные лодки, а затем на корабли эскадры, куда доставили и пресную воду. Таким образом, задача пополнения запасов воды была успешно выполнена, атака турок отбита с нанесением им чувствительного поражения, потери же отряда Я.Ф. Сухотина оказались очень невелики: погибли два морских служителя и два солдата морских батальонов, еще девять человек было ранено.

При этом нельзя не отметить, что за время после ухода от Федотовой косы и до входа в Керченский пролив (4 июля) эскадре Сенявина практически все время приходилось бороться с крепкими ветрами и сильным волнением (а часто еще и при проливных дождях), которое «новоизобретенные» корабли выдерживали не очень-то хорошо. Так, днями особенно плохой погоды за это время были: 17–21, 24–25 июня и 1 июля. Да и большинство остальных дней также сопровождались волнением и дождем.

В таких условиях проведение блокады выхода из Керченского пролива в Азовское море на кораблях, имевших серьезные проблемы во время качки, стало большим успехом русских моряков и доказательством их высокого мастерства. Нельзя не отметить и решительность А.Н. Сенявина, пошедшего на эту меру. Итогом же блокады стал уход турок из Керченского пролива и свободное занятие 2–3 июля 1771 года отрядом Ф.Ф. Щербатова крепостей Керчь и Еникале.

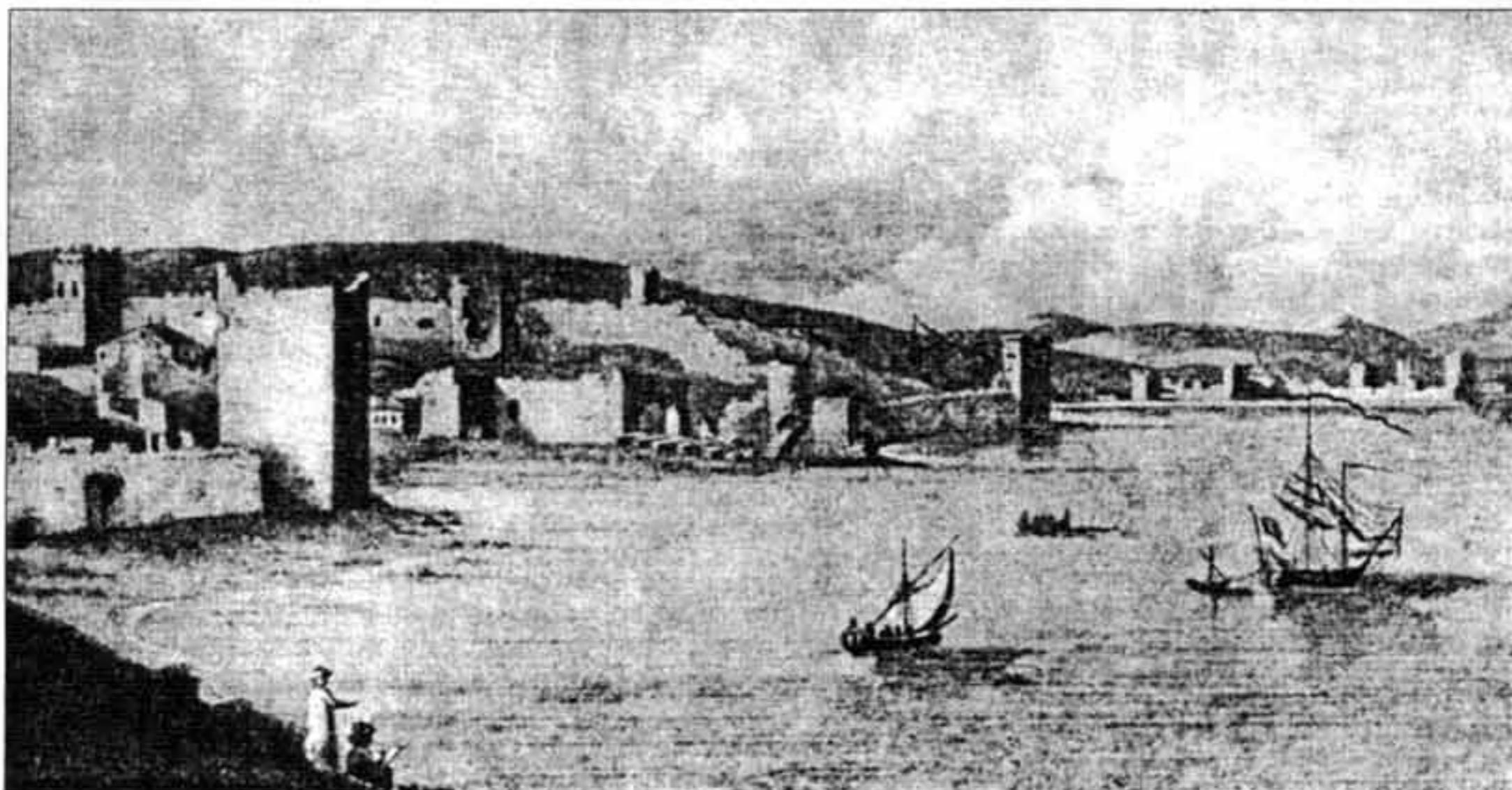
Между тем, анализ турецких материалов позволяет отметить еще большее значение действий Азовской флотилии в этот период. Так, заняв Перекоп, В.М. Долгоруков отдал отряд под командованием Брауна для занятия Козлова, а сам с главными силами двинулся к Кафе, чтобы овладеть этим важнейшим опорным пунктом противника, а также сблизиться с отрядом Ф.Ф. Щербатова и Азовской флотилией. Между тем, после бегства крымского хана Селим-Гирея в Бахчисарай главным противником русских войск в Крыму теперь оставались турецкие войска, сосредоточившиеся в Кафе, и командующий ими Ибрагим-паша начал выдвижение к Карасубазару. Это могло создать угрозу русским войскам при форсировании реки Салгир. Но события развернулись по-другому.

17 июня к крепости Арабат по Арабатской стрелке вышел отряд Ф.Ф. Щербатова (который переправила на нее флотилия А.Н. Сенявина). Соорудив в этот же день две батареи, Щербатов не стал откладывать штурм, и уже 18 июня его отряд тремя колоннами атаковал крепость, которой и овладел сходу. Влияние этого события на дальнейшие действия в Крыму оказалось огромным. Часть турецкого гарнизона,

бежавшая в Кафу, сильно взволновала тамошние войска и жителей. Генерал-губернатор Кафы Абазех-паша вывел свои войска в поле, направив передовой отряд к Арабату, но тот был разбит Ф.Ф. Щербатовым. Это настолько деморализовало Абазех-пашу, что он не только не стал заниматься обороной Керчи и Еникале, но сам бежал на турецкий корабль в Кафе. Главное же в том, что, узнав о падении Арабата, Ибрагим-паша повернул свои войска к Кафе, отказавшись от движения к Карасубазару. Этим снималась угроза атаки армии Долгорукова.

Наконец, под воздействием военных неудач, значительная часть крымских татар окончательно отказалась сопротивляться, начав переговоры с В.М. Долгоруковым. Во многом это стало причиной неудачных попыток Ибрагим-паша, направлявшего свои отряды отбить Арабат.

Кроме того, шок после встречи с русской эскадрой в Азовском море парализовал волю командующего морскими силами турок, Хасан-пэши. Он писал Ибрагим-паше: «Неверные с пятнадцатью галионами (явное преувеличение и по числу боевых кораблей флотилии, и по их размерам. — Авт.) приходили к крепостям Рубату и Ени-

Кафа. Гравюра Химмеля конца XVIII века

Кале, так, что никаким образом нельзя было войти в Азовское море, потому, что они захватили Азовский пролив и, как только завидели наш флот, забросали его дождем ядер и бомб. А так как наши корабли малых размеров, то я не отважился и вернулся сюда».

Между тем обещания крымских татар прекратить сопротивление не остановили и В.М. Долгорукова. Уже 29 июня его войска подошли к Кафе и в тот же день овладели ею. Важный опорный пункт и удобнейшая гавань восточной части Крымского полуострова оказались в руках русских войск. Командующий турецкими войсками в Крыму Ибрагим-паша попал в плен. Командующий же турецкой эскадрой при появлении русских войск, вопреки приказу Ибрагим-паша о поддержке турецких войск в Кафе, сразу же вывел свои корабли в море и ушел к Анатолии — деморализация после событий в Азовском море явно не прошла для него бесследно. После этого, как отмечалось выше, Ф.Ф. Щербатов занял оставленные противником Керчь и Еникале. Судьба Крыма была практически решена.

В июле — августе 1771 года, чтобы окончательно закрепиться на полуострове, русские войска заняли Судак, Алушту, Ялту, Балаклаву и Бахчисарай. В июле же 1771 года покинул Крым и хан Селим-Гирей. Узнав о приближении отряда русских войск к Бахчисараю, в окрестностях которого он находился после поражения у Перекопа, крымский хан бежал в Балаклаву, откуда направился в Константинополь. А 27 июля к В.М. Долгорукову из Карасубазара приехал Ширинский мурза Измаил с подписанным сто десятью знатными татарами присяжным листом об утверждении вечной дружбы и неразрывного союза с Россией. Таким образом, Крымский полуостров оказался под контролем России: было достигнуто то, чего прежде еще никогда не удавалось сделать.

Здесь необходимо коснуться еще одного события, связанного с занятием Крыма русскими войсками. В отечественной историографии обычно отмеча-

ется приход в июле 1771 года к берегам полуострова из Синопа турецкой эскадры под командованием Абазы-паши, с десантом на борту, закончившийся безрезультатно: узнав о занятии русскими войсками основных опорных пунктов полуострова, Абаза-паша не рискнул произвести высадку и вернулся в Синоп, за что был казнен. Никаких подробностей этого похода не приводится.

Позволим себе высказать ряд предположений. Под именем Абазы-паши в турецких источниках фигурирует упоминавшийся нами выше Абазех-паша, о походе которого к Крыму ничего не сказано. Зато отмечено его поведение после отказа защищать Керчь и Еникале: перебравшись на корабль в Кафе, при выходе армии Долгорукова к этому городу он с несколькими судами бежал в Синоп, а затем был казнен за свои действия на полуострове. Отсюда вполне уместен вывод о том, что после этого Абазех-паша вряд ли мог возглавить эскадру. Да и у А.Н. Петрова, первым написавшего о действиях упомянутой эскадры, из текста вытекает противоречие: он высказывает мысль, что если бы Абаза-паша, прия к Крыму, усилил Ибрагим-пашу, это могло сыграть большую роль. Но, во-первых, ему никуда не нужно было приходить: он и так находился в Крыму, а во-вторых, на деле Абазех-паша своими предательскими действиями только деморализовал турецкие войска. Усилить же Ибрагим-пашу после 29 июня было невозможно, так как тот уже попал в плен. Кстати, В.М. Долгоруков также ничего не упоминает о турецкой эскадре, хотя 1 августа и сообщал А.Н. Сенявину о большом числе судов, спокойно «разъезжающих» возле Крыма.

Однако какая-то эскадра в июле к берегам полуострова все же приходила. Генерал-майор А.А. Прозоровский, который вел подробный дневник событиям кампании 1771 года, также отмечая «шатавшиеся» в июле около Крыма суда, отдельно упоминает о замеченных в конце июля в районе Балаклавы шести или семи кораблях, два из которых были очень велики. По по-

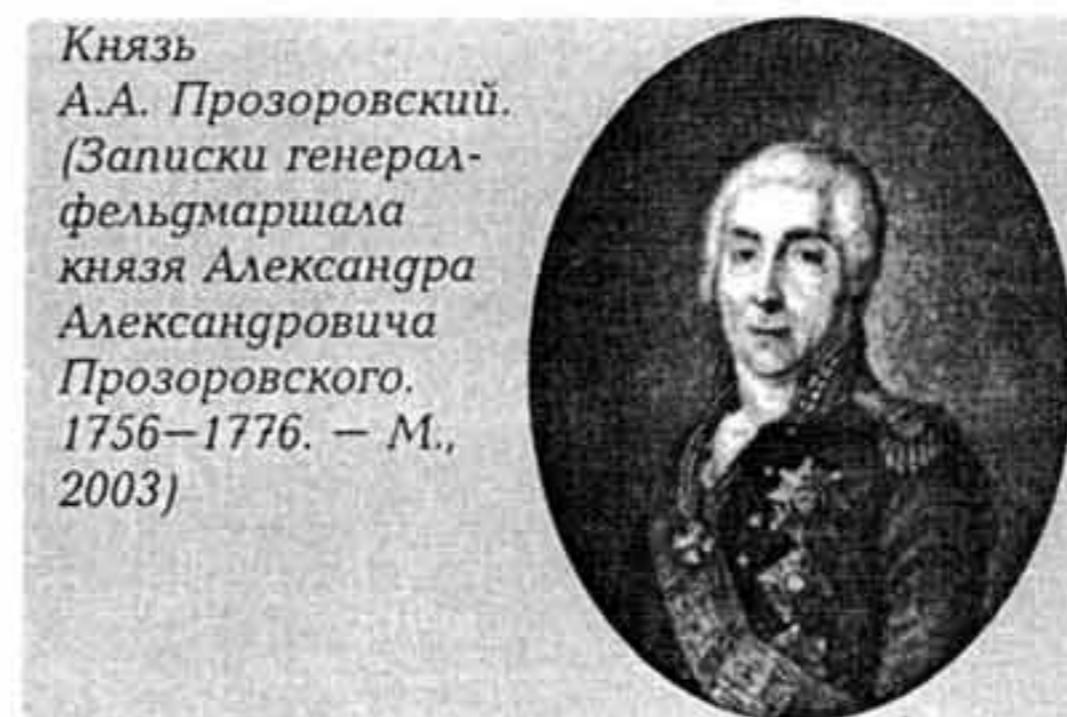
лученной от турок информации, они шли из Анатолии к Очакову, но увидев в Кинбурне русское войско, двинулись к Козлову, побережье вокруг которого также обнаружили занятым. Тогда они решили подойти к Балаклаве и набрать воды. Но и здесь, встретив русские войска, турки не решились приблизиться к берегу и ушли в море.

Что это была за эскадра, приходила она для высадки десанта или ее эволюции имели другую цель, установить пока не представляется возможным. Однако в любом случае очевидно следующее. Действия турецких кораблей были слишком пассивными, и если они действительно приходили для операции в Крыму — то попросту провальными, особенно если учесть запоздалый приход. Быстрое же занятие русскими войсками основных опорных пунктов Крыма, наоборот, заслуживает самой высокой оценки, так как оно позволило установить контроль над полуостровом, что в итоге и сорвало приближение неприятельских кораблей к его берегам (турецкие моряки, явно такого не ожидавшие, оказались деморализованными). Наконец, появление турок подтвердило, что для успешной защиты Крыма в будущем русские войска, безусловно, нуждаются в поддержке с моря.

Итак, Крымский полуостров был занят, и Россия получила выход на Черное море. Это был важный успех. Возможен же он стал благодаря хорошей подготовке похода, правильному выбору направлений ударов и обеспечению действий русской армии с моря Азовской флотилией. В тактическом отношении представляют интерес действия армии Долгорукова в Крыму рядом отрядов (а не единой группой), с делением их, в свою очередь, на еще более мелкие тактические единицы. При этом войска часто строились в каре, отличавшиеся гибкостью и подвижностью. Крепости брались стремительным штурмом, а не осадой.

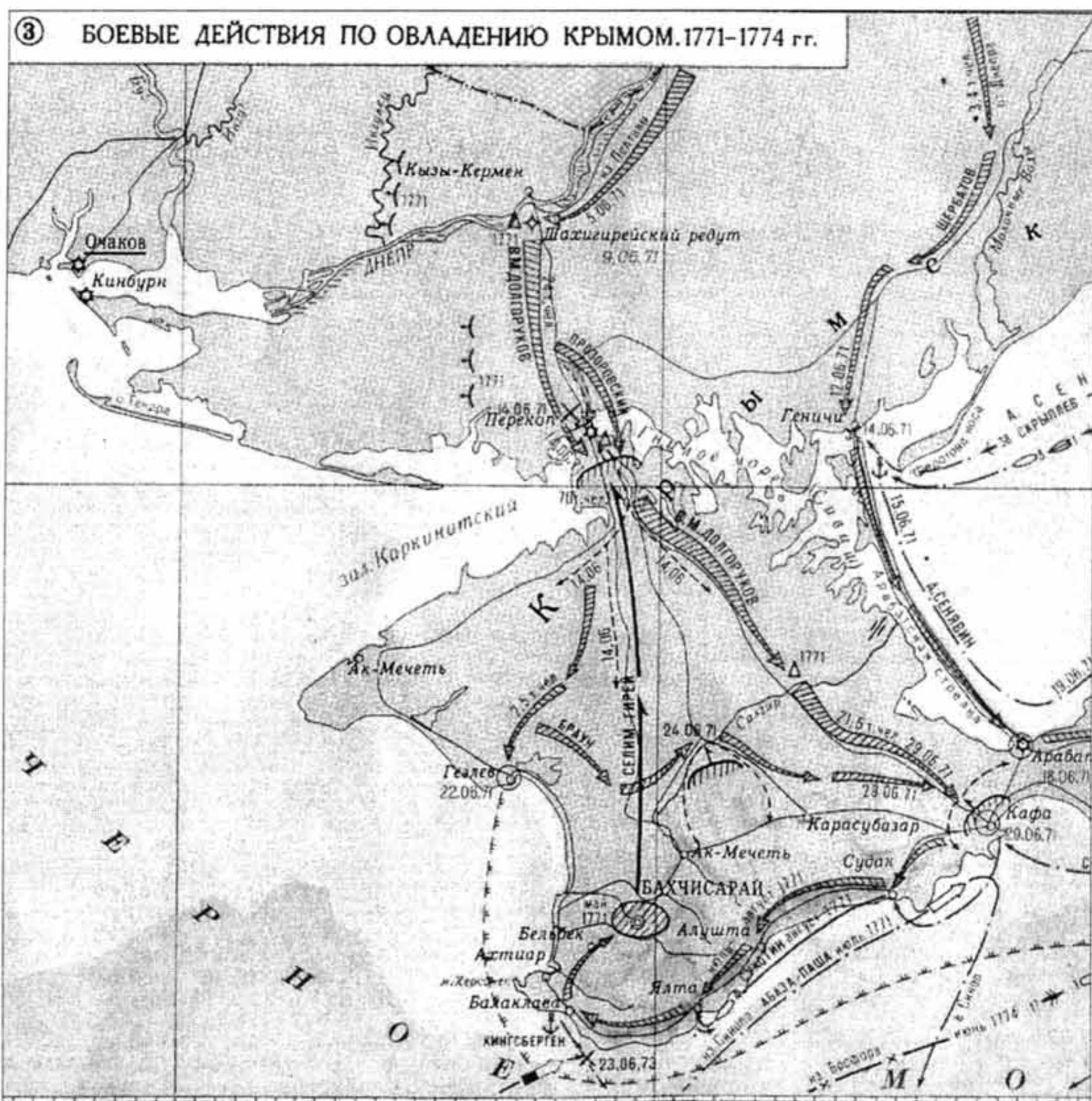
Между тем, в столь быстром закреплении российского присутствия в Крыму вновь большую роль сыграла Азовская флотилия. Так, в связи с особой важностью Керченского пролива, как

Князь
А.А. Прозоровский.
(Записки генерал-
фельдмаршала
князя Александра
Александровича
Прозоровского.
1756–1776. — М.,
2003)

единственного выхода России на Черное море и новой базы самой флотилии (там она располагалась с 4 июля 1771 г.), А.Н. Сенявин уже в июле уделил самое серьезное внимание усилению его обороны. В частности, Еникальская крепость, игравшая ключевую роль в обороне Керченского пролива (она могла простреливать фарватер в северной части пролива), получила на вооружение 11 орудий (пять 12-фунтовых и шесть 6-фунтовых), снятых с кораблей, при одновременном укреплении ее обороны с суши двумя осадными орудиями. Еще пять таких же орудий установили на вновь созданной в самой узкой части Керченского пролива (около мыса Ак-Бурун) береговой батарее, получившей название Павловской (она вместе с кораблями флотилии должна была служить передовой позицией в проливе). Морскую же оборону Керченского пролива составили два бомбардирских корабля — малый «Второй» (вооружение: восемь 3-фунтовых пушек, две однопудовые гаубицы и одна 2-пудовая мортира) и большой — «Яссы» (вооружение: двенадцать 6-фунтовых орудий и две 3-пудовые мортиры).

Далее, А.Н. Сенявин откликнулся на письмо В.М. Долгорукова, в котором тот уведомлял, что в районе Ялты, Алушты и Судака замечены «более 40 больших и малых судов, стоящих и разъезжающих по морю» (на которых, якобы, находятся возвращающиеся крымские татары), а также, указывая на всю сложность доставки грузов и войск сухим путем из Кафы в Ялту и Балаклаву, просил направить три или

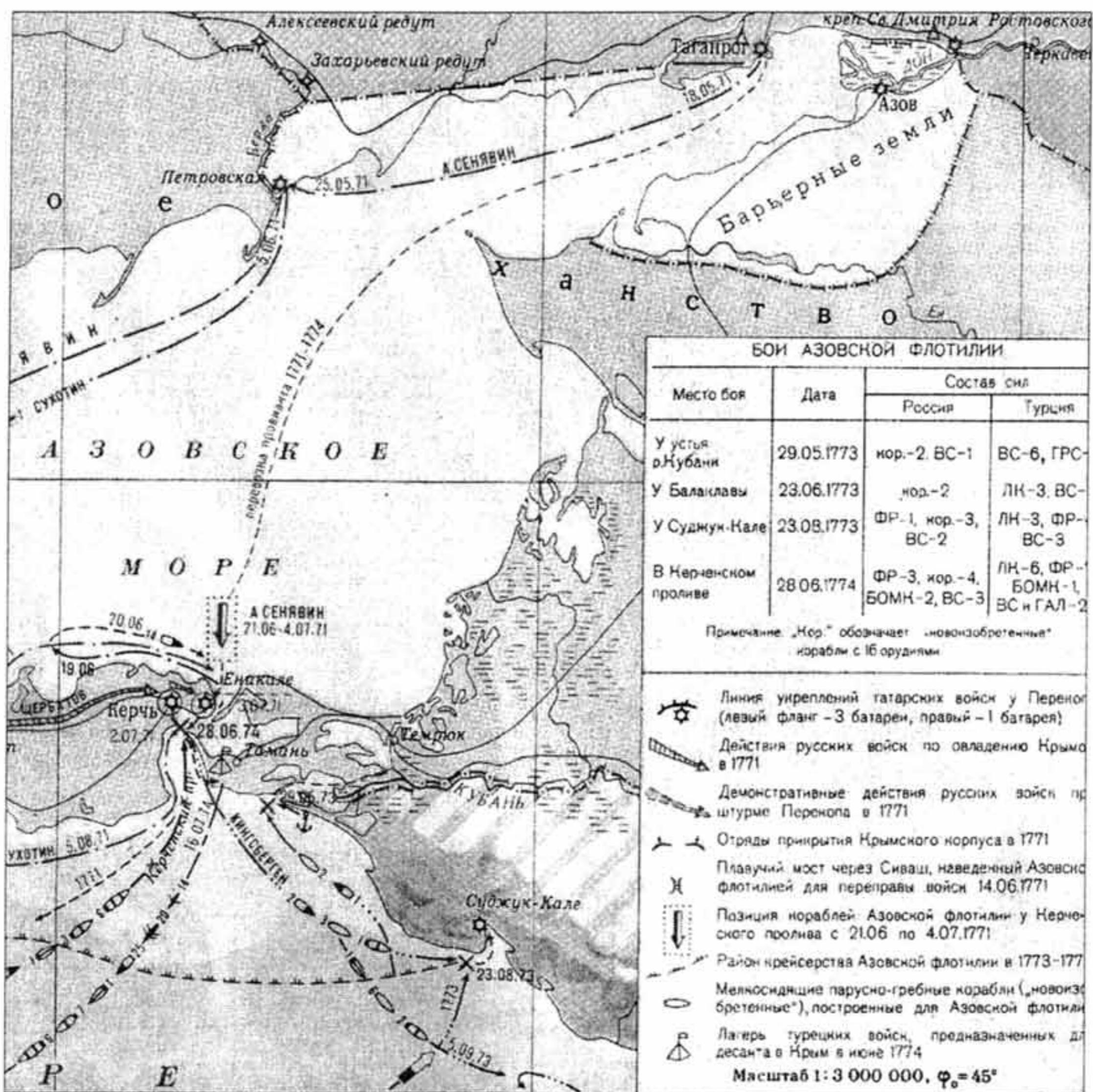

Карта боевых действий русской армии и Азовской флотилии на Черноморско-Крымском

четыре корабля «на приобретение в добычу тех ... судов и для доставления из Кафы в Ялту орудий, а из Судака в Балаклаву сухопутных служителей».¹² Как следствие была снаряжена эскадра под командованием капитана 1 ранга Я.Ф. Сухотина в составе кораблей «Хотина», «Азова», «Новопавловска» и «Мореи», которой следовало зайти в Кафу и Судак, взять там артиллерию и 300 человек сухопутных служителей и доставить первую в Ялту, а вторых — в Балаклаву. Кроме того, Сухотину предписывалось все попадавшиеся суда

противника «переловить, а в случае противления разбить».

5 августа 1771 года эскадра Я.Ф. Сухотина взяла курс из Керченского пролива в Черное море. Эта дата вошла в историю отечественного флота, как начало первого похода эскадры российских кораблей по Черному морю. Однако стоит уточнить, что противные ветры позволили ей выйти из пролива только 9 августа. 12 августа эскадра пришла в Кафу, где на нее погрузили артиллерию и отряд сухопутных войск (в последний момент решили направить сухо-

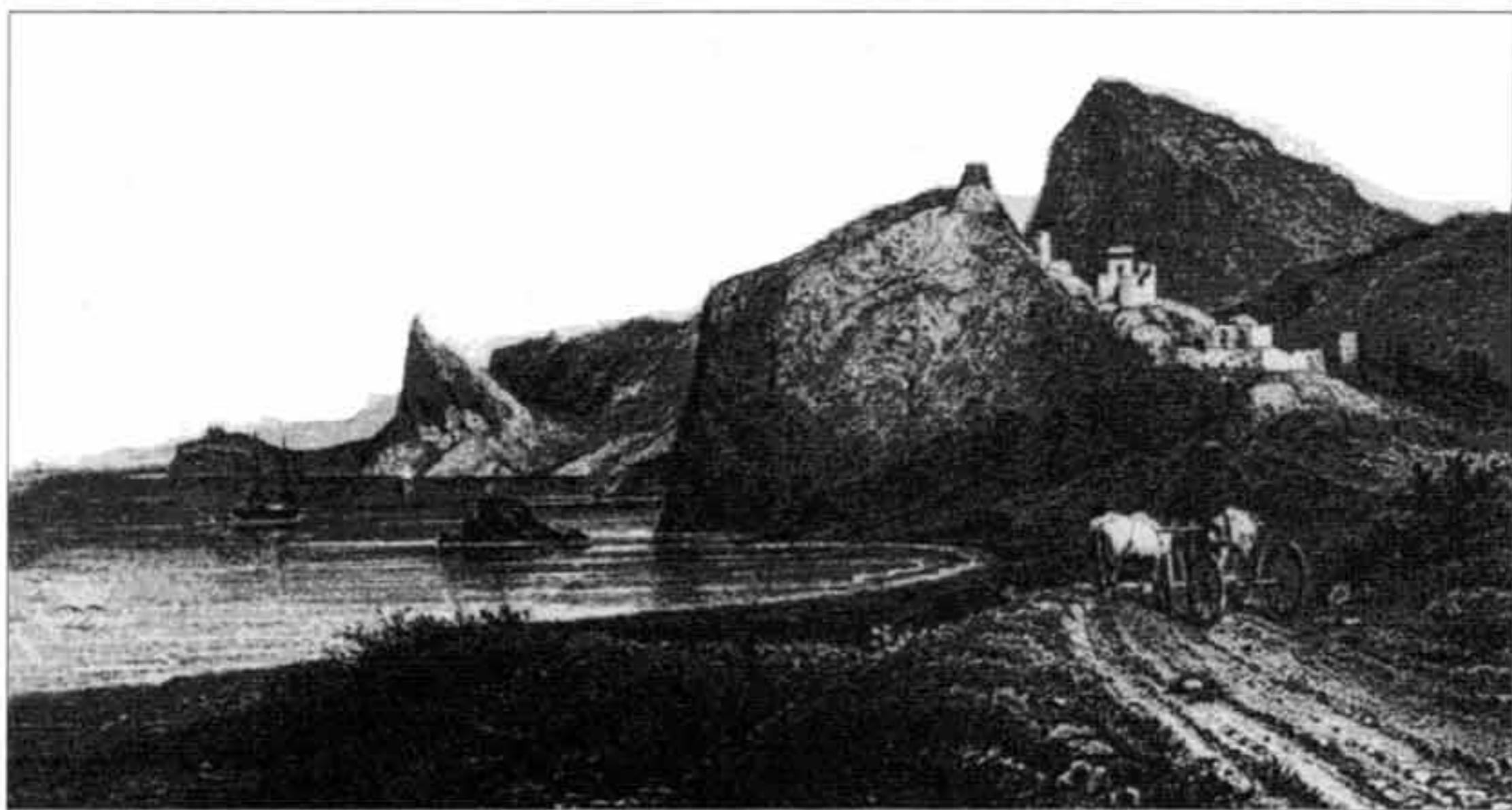

театре военных действий в 1769–1774 годах

путных служителей отсюда). После этого она совершила переход к Ялте, куда и прибыла 21 числа того же месяца.

Но здесь русским кораблям пришлось дважды выдержать сильные шторма. Уже во время первого из них «Азов» и «Новопавловск» получили серьезные повреждения. Я.Ф. Сухотин так написал об этом: «Будучи ... в Ялтенской бухте на якоре в бывший более суток крепкий ветер чрезвычайною с боку на бок качкою повредило на кораблях Азов и Новопавловск мачты, да на Азове ж и стеньгу». В этой

ситуации командующий русской эскадрой не решился продолжить путь к Балаклаве и взял курс на Керченский пролив, к которому прибыл 5 сентября. Достичь же Керченской бухты удалось только 16 сентября. Никакого большого количества шатающихся около Крыма неприятельских судов, как писал об этом Сенявину Долгоруков, обнаружено Сухотиным не было. Только во время стоянки в Ялте с русских кораблей засекли два небольших судна. С помощью посланных вооруженных шлюпок их привели к эскадре,

Судак.

(Альбом всех лучших видов Крыма. 27 гравюр. — Одесса, 1883)

но на них оказались греки, следующие в Балаклаву, и суда отпустили.

Кроме того, 11 августа А.Н. Сенявин направил для крейсерства у Ка-зылташского лимана корабли «Корон» и «Таганрог». Однако им повезло намного меньше, чем эскадре Сухотина. Из-за противных ветров с частыми шквалами они не смогли выйти в этот район и крейсировали лишь на входе из Черного моря в Керченский пролив. А после нескольких штормовых дней в конце августа они с измотанными командами 29 числа вернулись к Керчи. Сырая и ветреная погода при тяжелых условиях службы только на «Таганроге» привела к смерти за это время восьмьми членов экипажа. В последующие дни умерло еще шестнадцать человек.

Действия эскадры Я.Ф. Сухотина и кораблей «Корон» и «Таганрог» объективно способствовали закреплению русских войск в Крыму и положили начало постоянной службе русских кораблей на Черном море.

Нельзя не отметить и еще один момент. После занятия Крыма в Петербурге решили, что теперь сложились все обстоятельства для создания на Черном море линейного флота и без перевода линейных кораблей из Архипелага.

Следствием этого стало решение снова попытаться их построить, только теперь не на Дону, а в Крыму (то есть речь вновь шла о превращении Азовской флотилии в линейный Черноморский флот). 29 августа А.Н. Сенявин получил рескрипт Екатерины II, которым ему было предписано проверить возможность постройки в Крыму из местного леса двух линейных кораблей, или «по крайней мере, одного 66-пушечного корабля». Во всяком случае, Екатерина II предлагала найти хотя бы удобное для верфи место, а необходимый лес, сообщала она Сенявину, ею уже было предписано заготовить в районе Казани и доставить в Азов.

Однако расчеты на постройку линейных кораблей в Крыму, в силу ряда объективных причин, не оправдались. В результате Высочайший Совет принял решение о нецелесообразности попыток их постройки до конца войны: «лучше ... не [п]оказывать понапрасну, что мы их имеем, и приготовиться к постройке оных на будущее время надобности». То есть, хотя от возобновления попыток построить линейные корабли до конца войны и отказались, курс на строительство линейного флота на Черном море был закреплен окончательно. Однако вопрос серьезного

усиления флотилии в текущее время оставался насущным.

Оригинальное его решение предложил английский адмирал на русской службе Ч. Ноульс, выдвинувший проект 58-пушечного фрегата для Азовской флотилии, с учетом всех местных требований. И высочайшим указом от 26 декабря 1771 года Екатерина II повелела отменить постройку ранее намеченных двух 66-пушечных линейных кораблей и вместо них построить два 58-пушечных фрегата по указанному проекту. Исходя из размеров и состава вооружения данных фрегатов, указанное повеление следует расценивать как положившее начало строительству для Черного моря крупных кораблей.

Оценивая деятельность флотилии в крымской операции, необходимо отметить следующее. Флотилия успешно обеспечила переправу на Арабатскую стрелку корпуса Ф.Ф. Щербатова, причем сделано это было 14 июня 1771 года, в тот же день, когда главные силы русской армии В.М. Долгорукова взяли Перекоп, то есть была достигнута одновременность прорыва русских войск на двух направлениях. После этого, хотя от проведения десантной операции в Крым флотилии пришлось отказаться из-за нехватки войск, она осуществила не менее важные действия: быстрым выдвижением к Керченскому проливу не позволила турецкой эскадре пройти к Арабату, заставив ее вернуться в пролив, после чего, встав на позицию перед ним, закрыла туркам вход в Азовское море. Тем самым флотилия А.Н. Сенявина обеспечила защиту тыла и фланга наступавшей в Крыму русской армии, и своих коммуникаций, и базы на этом море. Отметим, что столкновение эскадры Сенявина из восьми «новоизобретенных» кораблей с турецкой эскадрой из 14 шебек и полугалер, произошедшее у Арабата 19–20 июня 1771 года, в ходе которого турки, не приняв боя, бежали, стало первым успехом флотилии на море.

Не менее важно было и то, что появление русских кораблей, а не только лодок сперва на Азовском, затем

Адмирал
Чарльз Ноульс.
С английской
гравюры XVIII века

и на Черном море оказало сильное психологическое воздействие на турок и татар, явно такого не ожидавших, что безусловно способствовало усилинию их деморализации и ослаблению сопротивления, а следовательно в целом быстрому успеху России в овладении Крымом. Сенявин специально прошел со своей эскадрой от Геничи до Еникале вдоль берегов Крыма, чтобы продемонстрировать противнику силу своей флотилии. И хотя крепости Керчь и Еникале заняли войска Щербатова, но в том, что турки остались эти важнейшие опорные пункты без боя, большую роль сыграла Азовская флотилия, видом своих боевых кораблей серьезно воздействовавшая на моральный дух турок. А.Н. Сенявин так писал И.Г. Чернышеву: «Да если б не было нашего флота (имеется в виду Азовской флотилии — Авт.) в виду их, не оставил бы их гарнизон городов всеконечно и так легко занятые оные не были б, в чем и все оставшие здесь жители единогласно уверяют».

Кроме того, Азовская флотилия занималась регулярным обеспечением русских войск необходимыми припасами, как во время занятия ими Крыма, так и при закреплении их там. В условиях Крымского театра военных действий, с крайне сложной доставкой грузов суходутным способом, это имело очень важное значение. Наконец, нельзя не отметить быстро организованную А.Н. Сенявином надежную оборону Керченского пролива, а также поход эскадры флотилии в Черное море. Последний был прекрасно использован для помощи войскам в укреплении их в труднодоступных местах побережья Крыма.

Отдельно стоит отметить, что корабли флотилии в июле — октябре 1771 года обеспечили проведение еще одной операции русских войск. Так, сперва они провели переброску сил для занятия Тамани на другом берегу Керченского пролива, а осенью, после начала там эпидемии чумы, вернули войска в Керчь.

В Петербурге, где продолжали пристально следить за действиями флотилии, дали им высокую оценку. Подводя итоги кампании 1771 года, И.Г. Чернышев писал А.Н. Сенявину: «... Надо притом знать, что совершенное занятие крымских крепостей войсками с сухого пути не столько было легко, ежели бы не открылся в глазах их флот (так он называет флотилию. — Авт.), ибо зная они силу сухопутного войска, не знали однако о вашей силе, а сею будучи

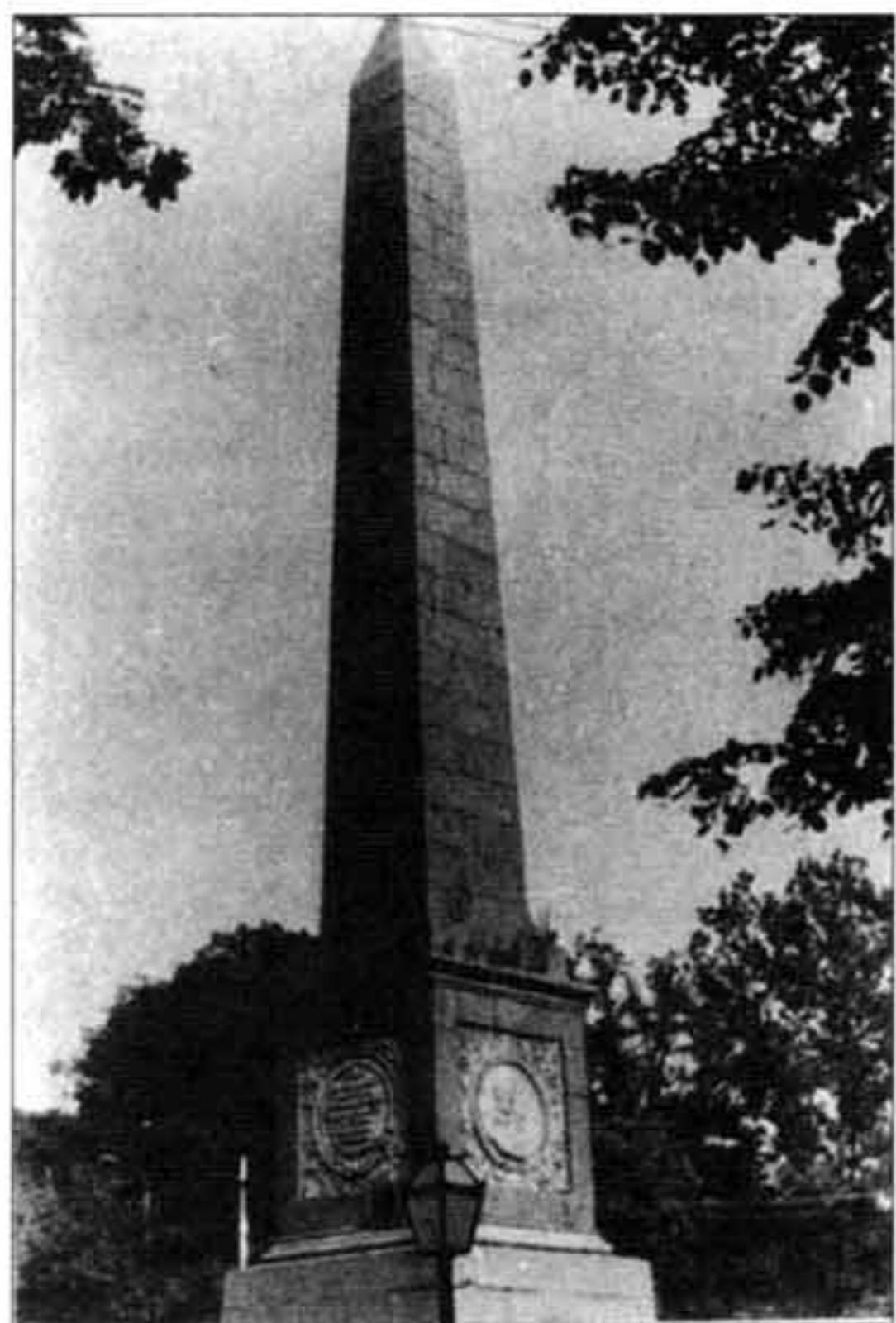
приведены в страх непременно были отчаянны всякой надежды...». За кампанию 1771 года А.Н. Сенявин получил орден Св. Александра Невского.

Таким образом, кампания 1771 года не только принесла новую славу российскому оружию, но и означала важнейший успех России на пути решения черноморской проблемы. Приведенный нами выше анализ действий Азовской флотилии в кампании 1771 года убедительно свидетельствует о высокой роли указанных действий в этом успехе России. То, что было невозможно без флотилии, с нею стало возможным.

С потерей Крыма Турция лишилась важного стратегического плацдарма для нападения на Россию, что стало для нее тяжелейшим ударом в данной войне, намного более чувствительным, чем поражения 1770 года. Ведь были потеряны две важнейшие позиции Константинополя: обладание Крымом как плацдармом в Северном Причерноморье и монопольное господство на Азовском и Черном морях.

Для улемов же Турции это стало сущей катастрофой: мусульманская территория оказалась под контролем неверных! Удар был настолько сильным и неожиданным, что султан даже не принял бежавшего из Крыма Селим-Гирея, направив его в ссылку. Кроме того, был сменен великий визир. В итоге Константинополь начал упорную борьбу: на дипломатическом поприще — за сохранение этих позиций, а на военном — за возвращение их. В результате Россия потратила почти три года на то, чтобы заставить Турцию признать ее требования о независимости Крымского ханства и праве свободного мореплавания по Черному морю.

Успехи русского оружия в 1771 году, особенно занятие Крыма, вызвали резкое усиление недовольства Европейских держав. Особенно активизировались Австрия и Пруссия. Австрия, еще в конце 1770 года начавшая переговоры о союзе с Турцией, в июле 1771 года заключила его с последней. Согласно условиям соглашения Австрия обязывалась воздействовать на Россию в целях возвращения Турции потерянных ею

Памятник Освобождения Крыма русскими войсками от турецких захватчиков в 1771 году, установленный в Симферополе в 1842 году.
Архитектор Штрейхенберг
(Овчинников В.Д. Федор Ушаков. — М., 1998)

крепостей и территорий, а та взамен должна была выдать Вене крупную денежную субсидию (11 ¼ млн. флоринов) и уступить часть Малой Валахии.

И Вена, и Берлин стремились положить конец успехам России (правда, при этом были не согласны в том, как это осуществить). В сентябре 1771 года, на встрече в Нойштадте (ныне Новое Место в Чехии) Фридриха II и Эрцгерцога Иосифа, последний занял крайне агрессивную позицию, желая воспрепятствовать «скорому и постыдному миру». Брату Леопольду он писал: «если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Константинополю, то для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена».

Более того, в конце 1771 года Вена даже стала открыто готовиться к войне. Новый приступ недовольства продемонстрировал Париж. Даже в Лондоне появилось беспокойство по поводу чрезмерных успехов Российского государства. О том, насколько велика была роль занятия Крымского полуострова для дальнейшего хода войны, отлично написала И. де Мадариага: «Если сухопутная и морская кампании 1771 г. были не так эффективны, как в 1770 г., все же оккупация Крыма снабдила Екатерину внушительным запасом аргументов для любых мирных переговоров». Однако при этом автор осталась на старых позициях английской политики и историографии, заявив об оккупации русскими Крыма.

Для России же занятие Крыма имело еще более выдающееся значение, так как удалось осуществить то, к чему был проделан такой большой путь «в поте, пыли, крови». Фактически Черноморская проблема оказалась решена с военной точки зрения. Теперь предстояло сохранить достигнутое.

Между тем, сам факт успешного занятия Крыма был по достоинству оценен современниками. В 1771 году В.М. Долгоруков получил орден Георгия Победоносца I степени, а в первую годовщину празднования заключения Кючук-Кайнарджийского мира

(10 июля 1775 г.) — титул Крымского. А.Н. Сенявина в 1771 году удостоили ордена Александра Невского, а в 1775 году он получил чин полного адмирала. Получили высокие награды и многие другие участники операции. Сама же Крымская операция по праву заняла свое место среди блестящих побед русского оружия.

1772 год ознаменовался попытками России договориться с Турцией о мире. Но переговоры в Фокшанах и Бухаресте ничего не дали. Тем не менее, хотя в 1772 году военных действий на Черном море и не происходило (относительная передышка в том году оказалась полезной для флотилии), в имевших место событиях Азовская флотилия вновь сыграла важную роль.

8 февраля 1772 года последовал высочайший указ, поставивший ей задачи на начавшуюся кампанию. Среди них были: во-первых, защита Керченского пролива, имевшего стратегическое значение, во-вторых, содействие русским войскам в обороне Крымского полуострова, заключавшееся в организации постоянных крейсерств около него для отражения турецких эскадр, и в-третьих, участие частью сил в предполагаемой экспедиции против Константинополя.

Безусловно, сохранялась и транспортная служба в интересах русской армии в Крыму. Таким образом, подтверждая образ действий флотилии во второй половине 1771 года, он, кроме того, ставил еще и наступательную задачу.

О плане Петербурга организовать экспедицию в Босфор можно сказать следующее. Предложенный, как отмечалось выше, Г.Г. Орловым еще в мае 1770 года, в дальнейшем этот план не забыли. Хотя главное внимание в 1771 году было сосредоточено на проведении Крымской операции, началась и подготовка к броску на Константинополь. В частности, в течение 1771 года началось создание Дунайской флотилии, командующий которой получил предписание построить к весне 1772 года 30 шхун и 30 катеров. А поскольку Турция и после потери Крымского по-

луострова продолжила сопротивляться, братья Орловы вновь предложили привести этот план в исполнение, и в начале 1772 года смогли добиться согласия на его реализацию. Екатерина II, даже пойдя на переговоры с Турцией, согласилась на него, рассчитывая, что эта мера уже точно заставит капитулировать Турцию. Согласно плану, удар по Константинополю предполагалось нанести с Эгейского и Черного морей и со стороны Болгарии.

С Черного моря удар предполагалось нанести половиной «новоизобретенных» кораблей Азовской флотилии, двумя достраивающимися 32-пушечными фрегатами, лодками запорожских казаков и судами строившейся на Дунае Дунайской флотилии (в частности, специально строились четыре шхуны). Взяв десант, они должны были атаковать Босфор.

В свете подготовки экспедиции П.А. Румянцеву, при заключении перемирия с турками, по требованию Петербурга даже пришлось заменить

условие полного запрета плавания чьих-либо судов на Черном море принципом «чтоб обеих сторон военные и другие суда имели взаимно свободу ходить и плавать при берегах [Черного моря], оружию каждой части подвластных».¹³

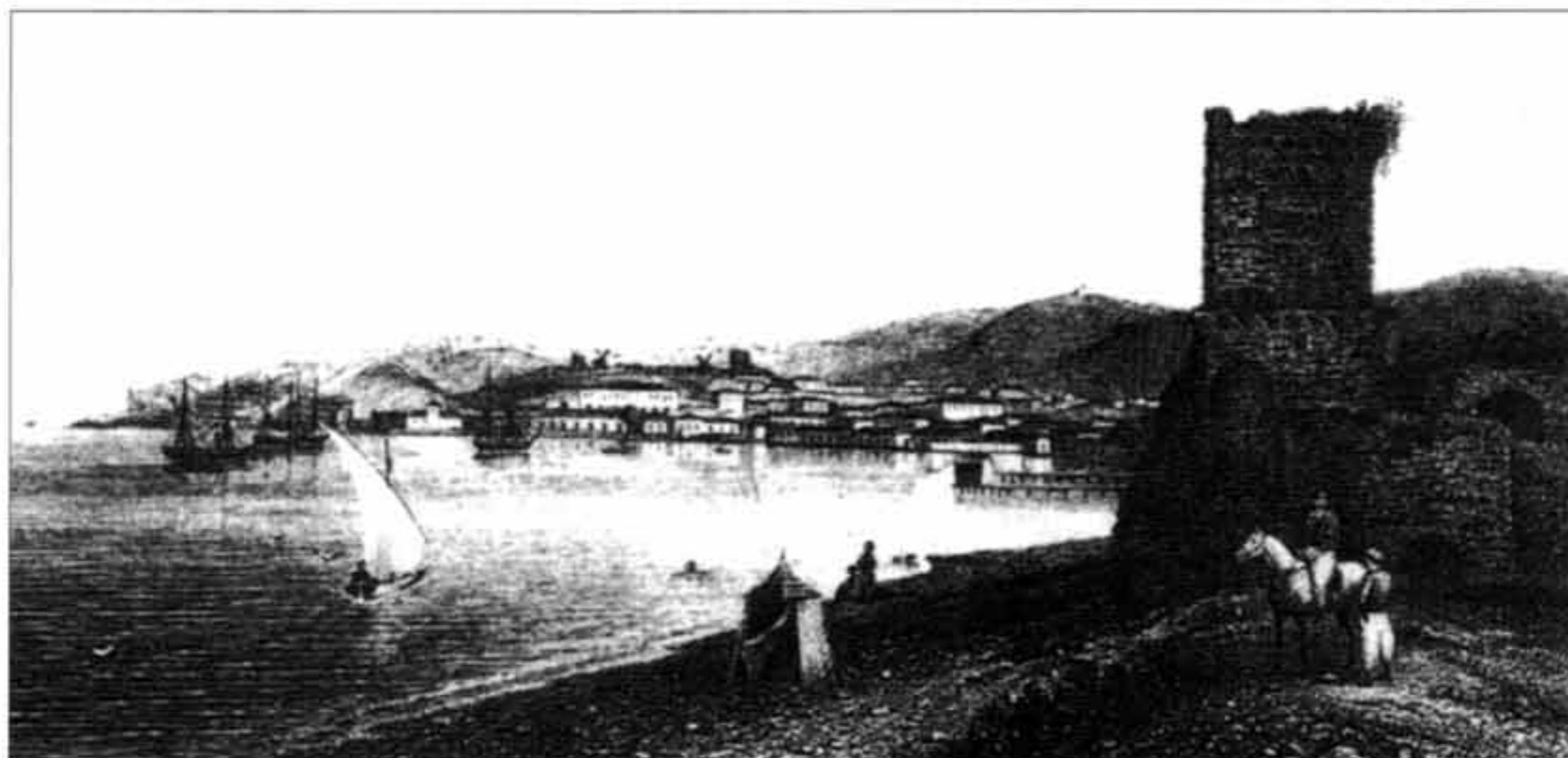
Тем самым русские корабли получали право входить в Дунай и плавать вдоль берегов Бессарабии, а не только Крыма. Турки же могли осуществлять мореплавание к Очакову. Для руководства подготовкой экспедиции на Дунай направили адмирала Ч. Ноульса. В его распоряжение (то есть, к Дунаю) А.Н. Сенявину и предписывалось отправить по готовности указанные суда его флотилии.

Насколько реальным было осуществление планируемой экспедиции? В отечественной историографии дается однозначно отрицательный ответ. Однако вряд ли А.Г. и Г.Г. Орловы строили свой план только из одних мечтаний о захвате Константинополя. На что же они рассчитывали?

Балаклава.

(Альбом всех лучших видов Крыма. 27 гравюр. — Одесса, 1883)

Феодосия, носившая во время войны 1768–1774 годов название Кафа.
(Альбом всех лучших видов Крыма. 27 гравюр. – Одесса, 1883)

Безусловно, данный план имел ряд важных недостатков. Во-первых, имеющиеся на Черном море корабли Азовской и Дунайской флотилий не могли поднять большой десант. Исходя из данных 1770–1773 годов, речь могла идти о 1000–2000 человек, без учета использования дубов и других казацких судов. Во-вторых, явно недооценивался турецкий флот (хотя в целом его состояние оставалось весьма плачевным, но количественно он был еще велик и к тому же практически полностью сосредоточен в Константинополе). И, в-третьих, неясной оставалась ситуация с укреплениями Босфора, ведь с 1770 года там строил батареи барон Ф. де Тотт.

Однако внезапность и учет опыта действий донских и запорожских казаков были серьезными положительными аргументами. Низкая же боеспособность турецкого флота подтвердились в Патрасском сражении 1772 года и в кампании 1773 года на Черном море.

Выше мы уже упоминали достижения казаков в борьбе с Турцией на Черном море в XVII веке. Они были весьма существенными. И каждый раз важным спутником этих побед являлись внезапность и стремительность. Выявленное же в 1770–1772 годах жалкое состояние неприятельского флота, и то

обстоятельство, что турки всегда проигрывали, когда сталкивались с чем-то новым, делали расчет на стремительность и быстроту небеспочвенным. А ведь Орловы рассчитывали нанести удар одновременно с нескольких направлений. Да и на самом Черном море они намечали использовать, кроме казачьих лодок, еще и два фрегата, часть «новоизобретенных» кораблей и четыре шхуны.

Наконец, в 1770 году А.Н. Сенявин уже предлагал проведение морской операции по овладению Керченским проливом. Тогда с флотилией из 12 «новоизобретенных» судов и 44 военных лодок с десантом в 1600 человек, при отвлекающем ударе русской армии по Перекопу, он планировал овладеть Керчью и Еникале. А в 1773 году десантную экспедицию на Синоп предложит уже И.Г. Кинсберген.

Какой же итог можно подвести? Захватить с таким количеством десантных войск Константинополь было, разумеется, нереально, но провести демонстрацию, сжечь предместья вполне возможно. Кроме того, не ясен вопрос о численности казачьих дубов, которые предполагалось использовать. Ведь при большом их числе размеры русского войска значительно возрастали.

Главным фактором в этой операции была бы внезапность. А военная история дает немало примеров, когда дерзость и отказ от шаблона приносили неожиданные результаты.

По правилам военного искусства атаковать девятью линейными кораблями шестнадцать кораблей противника, к тому же еще и стоявших на якорях в выгодной позиции, как это было осуществлено при Чесме, тоже было категорически недопустимо, однако успех принес колоссальные плоды.

Но поскольку для подготовки дубов никаких мер принято не было (во всяком случае, мы о них ничего не знаем), да и остальные меры носили больше формальный характер, то серьезно говорить об этом ударе не приходится. Тем более что уже 25 апреля последовал указ Екатерины II об «остановлении назначенной к посылке в Дунай половины Азовской флотилии» и отзыве в Петербург направленного руководить подготовкой к экспедиции адмирала Ноульса¹⁴.

И хотя план удара по Босфору отменили, 1772 год не стал для Азовской флотилии праздным. Ее корабли остались у берегов Крыма, и им пришлось немало потрудиться. Капитан-лейтенант О. Салтанов с тремя кораблями 2-го рода («Азов», «Таганрог» и «Корон») и двумя бомбардирскими кораблями охранял Керченский пролив, а корабли отряда капитана 1 ранга Я.Ф. Сухотина («Морея», «Журжа», «Новопавловск» и «Модон») совершали периодические крейсерства у Крымских берегов, базируясь в Кафе. В частности, было применено крейсирование отрядов, состоящих из двух кораблей. Так, в июле переход

Кафа — Балаклава — Кафа совершили «Журжа» и «Новопавловск» под командованием капитан-лейтенанта С. Токмачева. А в августе для крейсерства в районе Балаклава — Козлов — мыс Тарханкут вышли «Модон» и «Журжа» под командованием капитан-лейтенанта Н. Реутова. Параллельно они осуществляли и транспортные перевозки для нужд русской армии.

Между тем, переговоры с Турцией, шедшие в Фокшанах с большими трудностями, к августу окончательно зашли в тупик. В этой связи 17 августа А.Н. Сенявин получил рескрипт, подтверждавший отмену посылки кораблей к Дунаю и предписывавший флотилии крейсировать «около Крымского полуострова даже до Бессарабских берегов, как для узнания тамошнего моря, так и для пресечения всякого сообщения в неприятельскую сторону, если бы паче ... чаяния татары на противные замыслы поступить вознамерелись».

Однако затем переговоры в Фокшанах и вовсе прервались, и возникла опасность возобновления турками военных действий. 4 сентября Екатерина II направила А.Н. Сенявину новый рескрипт. В нем говорилось: «Мы за нужно поставляем сим вам наисильнейшим образом рекомендовать, чтобы со всею вашею флотилией и со всеми судами, в действо употребиться могущими, устремили вы все ваши ... силы и бдение к охранению от неприятельского нападения Крымских берегов и к содержанию в обузданности вашей оного полуострова».

Но А.Н. Сенявин, исходя из рескрипта от 17 августа, и так уже распорядился вывести для крейсерства у Крымских берегов все корабли флотилии, а сам на введенном, наконец, в строй фрегате «Первый» вместе с отремонтированным кораблем «Хотин» перешел из Таганрога в Керчь. 10 сентября он направил ордер Я.Ф. Сухотину, на случай обнаружения турецких кораблей: «...Гнать за неприятелем, которого не только чтоб не допустить к высаживанию десанта на берег, но те суда стараться взять в плен, а в случае их сопротив-

Граф
П.А. Румянцев-
Задунайский

ления разбить»¹⁵. А за два дня до этого, 8 сентября 1772 года, во флотилии произошло радостное событие: корабль «Азов» захватил в районе Керченского пролива первое неприятельское судно.

Тем временем стало ясно, что опасения Петербурга за ситуацию в Крыму оказались не напрасными. С начала сентября крымские татары начали собираться большими группами с явно враждебными намерениями. А в середине сентября командующий русскими войсками в Крыму Ф.Ф. Щербатов сообщил А.А. Прозоровскому, что «скрывавшиеся крымцев против нас поступки и совершения открылись тем, что оне союз с нами держали по сие время под одним только ложным видом и в трактовании упорливо и затруднениями с своей стороны на представленные им пункты старались выиграть под разными предлогами одно только время. Как к ним от Порты сикурс прибудет, о котором они беспрестанно имели тайные с Портою переписки и которого ныне, действительно со дня на день ожидают. Как уже и разрыв конгресса с турками последовал и перемирие между обеими сторонами кончилось и для того крымцы собрали и держат в готовности вооруженные свои толпы, чтоб в прибытие сюды турков, соединясь с ними, общими силами против нас действовать, коих при хане около семи тысяч. При Нурадин султане около двух тысяч, исключая других мест, в котором немалое число находится, и в разных местах неприятельские нападения делать начали, убивая при том и грабя приезжающих людей. И маяки на взморье в точное время во ожидании турецкого сикурса зажигать стали».

В то же время пришли тревожные сведения и от П.А. Румянцева, который уведомлял Сенявина, что «посланный с Дуная наш галиот под командованием флота лейтенанта Ломова, сшедшего в Черное море для промеру Буждацких берегов, противною погодою брошен был к стороне Очакова, и будучи на тамошнем рейде, приметил он, что в той крепости неприятельского войска до двух тысяч пехоты и до трех сот конницы ... Флот тамо видимый состо-

*Парусный корабль в шторм.
Художник Виллем Ван де Велде-младший.
(Ховарт Д. Боевые парусники /
Пер. с англ. С. Синявой. — М., 1998.)*

ит в одном о пятидесяти двух и в трех о двадцати семи пушках кораблях, в четырех галиотах, в трех больших галерах и двадцати двух фаркатах всех вооруженных. В разговорах слышал, что большой их флот под командою капитан паши находится под Варною. Тож приметил из речей от турков, что по прибытию к Очакову сего их большого флота на Крым нападение оне сделать не намерены. В сходство того минувшего 23-го августа прибывший к Измайлу из Царьграда на одном судне грек показывает, что он в следовании своем видел в Черном море турецкий флот под командою капитан паши состоящий в трех больших военных кораблях, двух пергадах, двух гертиях и семнадцати фаркатах, который, выехав из гавани Балчин, следовал в Варну».

И хотя Румянцев сообщал, что турецкий флот не готовит нападения на Крым, уверенности в этом быть не могло, особенно исходя из действий крымских татар.

В результате русское командование в Крыму приняло срочные меры для разгона татарских скопищ. В частности, генерал-поручик Ф.Ф. Щербатов приказал командовавшим отрядами русских войск в Крыму А.А. Прозоровскому, И.В. Якоби, К.Б. фон Дельвигу и И.Ф. Бринку немедленно разогнать с помощью силы «сборища и толпы» крымских татар. Азовская же флотилия, тем временем, плотно прикрыла берега Крымского полуострова. А 20–24 сентября отряды «новоизобретенных» кораблей флотилии соединились в единую эскадру под общим командованием Я.Ф. Сухотина. Она заняла позицию у Балаклавы для удобного перехода, в случае надобности, в любую точку крымского побережья. Отметим, что в этот период русским морякам пришлось действовать в условиях сильных штормов у малознакомого побережья на маломореходных «новоизобретенных» кораблях. Однако результат стоил того. Действия русских войск и флотилии произвели на крымских жителей должное впечатление. Вскоре «видимо стало во всех местах расходящееся татарское войско». Таким образом, кризис в Крыму несколько ослаб.

Тем не менее, флотилия продолжала свои действия. Только с 10 по 24 октября большинство ее судов вернулось в Керченский пролив. В море по просьбе нового командующего русскими войсками в Крыму, А.А. Прозоровского, остались три корабля 2-го рода («Азов», «Корон» и «Таганрог») для ведения дозора и осуществления необходимых для нужд армии перевозок. В Керчь эти корабли пришли только 11–18 декабря!

В результате эти крейсерства, кроме выполнения собственно боевых задач флотилии, сыграли большую роль в усилении подготовки экипажей и в освоении ими плавания по Черному морю. Кроме того, плавания русских кораблей, безусловно, демонстрировали прочность позиций России в Крыму, что не могло не способствовать усилию «русской партии» на полуострове. Последнее же привело к подписанию 1 ноября 1772 года Российской империей очень важного договора с Крымским ханством, по которому Крым становился независимым, принимал покровительство России и передавал ей крепости Керчь и Еникале.

Окончание следует

Примечания

1. В частности, Сенявин так сообщил об этом в Петербург 18 ноября: «Стоящие на заставах прамы на реках Дон у Азова *Парис*, в Каланче *Елен*, в Кутюрье *Лефеб* и брандвахтенные военные лодки, кои за наступившим холодным осениним временем так и что не имея здесь от неприятеля никакой опасности их с тех заставов возвратил к здешней крепости, *Парис*, по оказавшейся в нем течи еще в сентябре, а прочие в прошедшем октябре месяце, и потом их возвращении приказал по дефектам их исправить к будущей кампании».
2. Архив Государственного Совета. Т.– 1. СПб., 1869. – С. 49.
3. Королев В.Н. Босфорская война. – М., 2007. – С. 138.
4. Там же. С. 141.
5. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. – М., 1978. – С. 112.
6. Составлено по: Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1. С. 167–168.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1773–1774 гг. Кн. XV. Т. 29. – М., 2003. – С. 30.
8. Архив Государственного Совета. Т.1. – С. 56–58.
9. Там же. С. 68–69.
10. Здесь нужно сказать несколько слов о формировании этого плана, тем более, что этот момент до сих пор не был освещен в отечественной историографии. Между тем, первым план операции против Крыма, точнее его важнейшей части в лице крепостей Керчь и Еникале, предложил в августе 1770 года сам А.Н. Сенявин. Грамотно просчитанный, этот план пред-

полагал нанесение двойного удара по Крыму: флотилией с десантом по Керчи и Еникале (для их занятия), а сухопутными войсками – по Перекопу (для отвлечения главных сил крымских татар). При этом А.Н. Сенявин считал, что после захвата Керчи и Еникале падет и весь Крымский полуостров. Это было новым словом в борьбе за Крым.

Причиной появления этого плана были запросы Петербурга о возможности действий флотилии на море уже в этом году. Но в 1770 году такие действия были невозможны. А поскольку Петербург, в качестве портов на Черном море, которые нужно было получить от Крымского ханства, рассматривал Керчь и Еникале, а без овладения ими выход в Черное море для флотилии все равно оставался закрытым, Сенявин и предложил план проведения десантной операции флотилии на эти крепости, при отвлекающем одновременном ударе русских войск на Перекоп. Этот план тут же подхватили в Петербурге, добавив необходимость налаживания координации удара флотилии и армии, а также осуществления прорыва в Крым через Арабатскую стрелку еще одного вспомогательного корпуса. Но после того как договориться с крымскими татарами о добровольном отложении их от Турции не удалось, а последняя оказалась в сложном положении, в конце 1770 года было принято решение об овладении сразу всем Крымом. И при составлении плана крымской операции дополненный план А.Н. Сенявина вошел в него важнейшим элементом, только теперь акценты поменялись: главный удар должна была наносить русская армия через Перекоп.

11. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1040а. Л. 32.
12. МИРФ. СПб., 1877. Ч. 6. С. 368–369.
13. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. – М., 1955. – С. 155.
14. Архив Государственного Совета. Т. 1. — С. 167.
15. РГАВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об–3.

Вниманию читателей!

В июне 2009 года ИПК Гангут выпускает в свет книгу Б.К. Шуберта «На крейсерах «Смоленск» и «Олег»

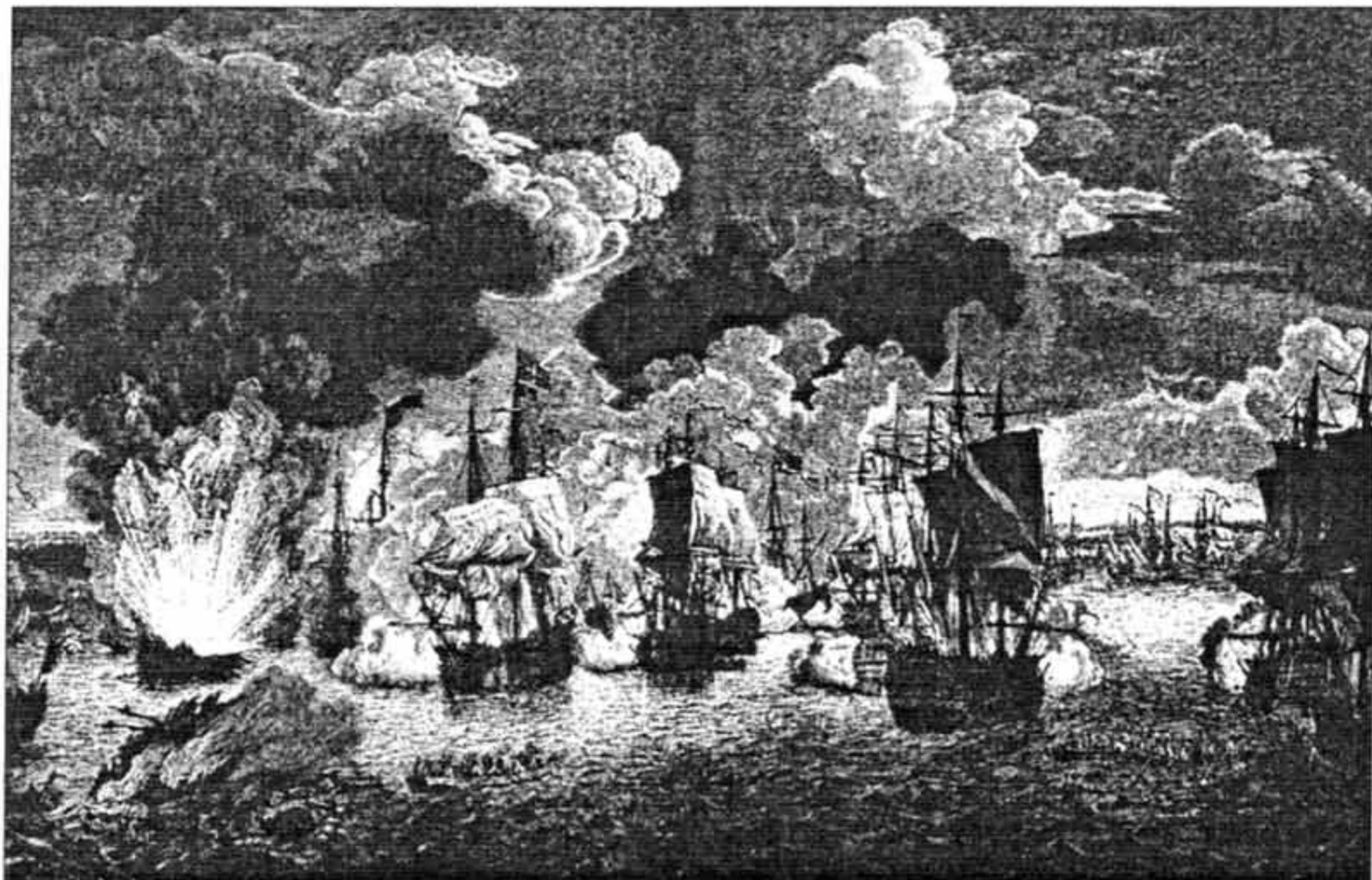
Основу переиздания книги составили воспоминания мичмана Б.К. Шуберта о Русско-японской войне 1904 – 1905 гг. В них очень подробно описано плавание вспомогательного крейсера «Смоленск», направленного в Красное море для задержания пароходов с контрабандой для Японии, а также дальнейшая служба автора на крейсере «Олег» и участие его в Цусимском сражении.

Мемуары дополнены рядом архивных документов. В книгу также включена брошюра командира крейсера «Олег» Л.Ф. Добротворского «Крейсер «Олег» в бою 14-го мая 1905 г. у острова Цусима».

Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов*

А.А. Лебедев

Чесменская битва. С гравюры Кано и Ватса, сделанной с картины Патона

Кампании 1773–1774 годов знаменовали третий период истории Азовской флотилии в войне 1768–1774 годов. Они стали временем активного противодействия флотилии А.Н. Сенявина турецкому флоту при защите Крыма, в процессе которого она фактически выполняла функции флота.

Особая значимость для Турции потерянных в 1771 году позиций заставляла ее предпринять все возможное для их возвращения. Это прекрасно понимали и русское командование, и сам А.Н. Сенявин. И в 1773–1774 годах турки свои основные усилия сосредоточили именно на черноморско-крымском театре войны, пытаясь добиться здесь успеха.

Однако и Россия в деле обороны завоеванных здесь позиций, которые очень важно было сохранить, могла теперь опереться на военно-морскую силу — Азовскую флотилию. Таким образом, она играла ответственнейшую роль — защищала Керченский пролив,

* Окончание. Начало см.: Гангут. — Вып. 49–52.

© А.А. Лебедев, 2009

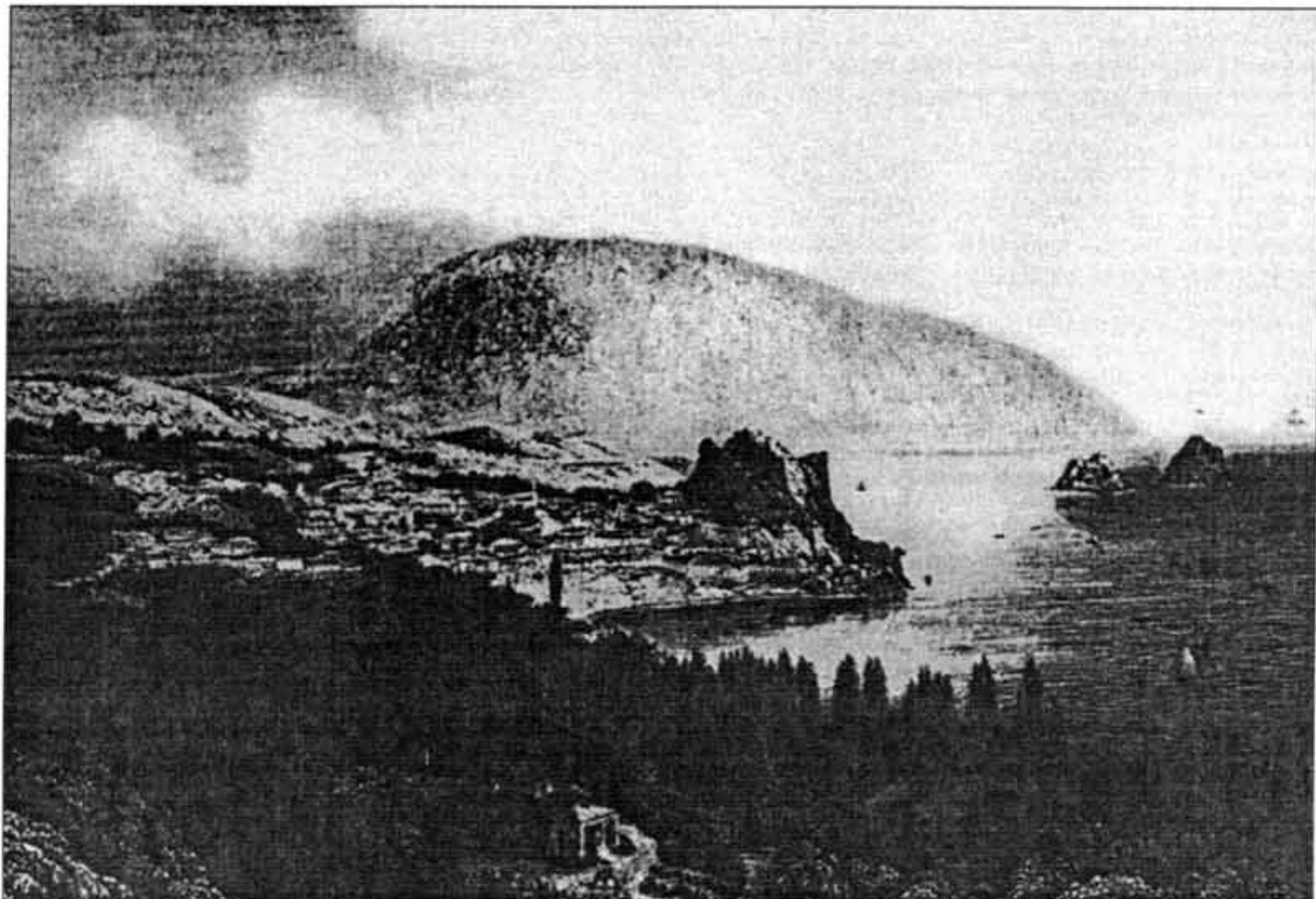
что являлось важнейшей задачей, лежавшей только на флотилии, и, взаимодействуя с армией, охраняла Крымский полуостров. К началу 1773 года в составе флотилии находились 1 32-пушечный фрегат, 11 «новоизобретенных» кораблей, 3 палубных бота, 5 транспортных судов, 4 флашхута, полякра, шаития и 30 военных лодок. Почти в готовом состоянии находился еще один 32-пушечный фрегат.

О том, насколько важна была флотилия в деле обороны Крыма, свидетельствует следующее. Когда в начале февраля 1773 года были повреждены базировавшиеся в Керченском проливе корабли флотилии, это вызвало серьезную тревогу и В.М. Долгорукова, и А.А. Прозоровского.

Первый так писал в Петербург: «...И когда перед полуостровом Крымским крейсирования наших судов не будет, то и о приближении оных (неприятельских судов с десантом — Авт.)

прежде узнать нельзя, как только тогда когда сухопутные посты увидят...». А это было достаточно поздно. Да и бороться со связью татар с турками и проникновением в Крым османских агентов, осуществлявшимся посредством одиночных судов, сухопутным войскам тоже было неудобно. Между тем, А.Н. Сенявин в инструкциях 1771—1774 годов требовал не только выполнения дозорной службы, но и уничтожения или пленаия отдельных судов противника, и даже более того — его небольших отрядов.

1773 год принес флотилии крупные успехи¹. Ее отряды сумели надежно прикрыть Крымский полуостров и Керченский пролив от неприятельского флота. В течение всего года корабли флотилии вели непрерывное крейсерство в районе Суджук-Кале — Керченский пролив — Кафа — Балаклава. Кроме того, был одержан целый ряд блестящих побед.

Урзуф и Медведь-гора. Данная гравюра наглядно демонстрирует, насколько сложным выглядело побережье Крымского полуострова для его обороны только сухопутными войсками (Альбом всех лучших видов Крыма. 27 гравюр. — Одесса, 1883)

29 мая 1773 года отряд И. Баскакова, состоящий из кораблей «Новопавловск» и «Азов», с палубным ботом «Темерник», под прикрытием с моря фрегата «Первый», кораблей «Морея» и «Модон» уничтожил в Казылташском лимане шесть больших турецких судов. Это было «первое действие русского флага на Черном море».

По сути же флотилия фактически провела полноценную операцию по уничтожению судов противника с выделением из эскадры атакующего и прикрывающего отрядов. При этом последний занял у входа в Лиман позицию в форме полумесяца, а ударный отряд для атаки судов противника использовал комбинацию из артиллерийского удара на первом этапе и выдвижения вооруженных шлюпок при поддержке артиллерийского огня кораблей для довершения дела на втором этапе. Кроме того, майские события в Казылташском лимане стали еще одним примером ночных дейст-

вий в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов.

Еще большую известность приобрел Балаклавский бой 23 июня 1773 года, когда два русских 16-пушечных корабля «Таганрог» и «Корон» под командованием капитана 2 ранга И.Г. Кинсбергена нанесли чувствительное поражение турецкой эскадре из трех 52-пушечных кораблей и одной 24-пушечной шебеки, заставив ее в итоге бежать с поля боя! Это была первая морская победа России на Черном море, приведшая к двухмесячному бездействию турецкого флота и отказу его, фактически до конца войны, от действий прямо против крымских берегов.

Относительно действий русского отряда значимыми стали решение Кинсбергена вступить в бой при наличии гораздо меньших сил, а также его грамотное маневрирование и лучшее использование артиллерии. В остальном же бой принял характер артиллерийского поединка кораблей, построен-

Линейный корабль
турецкого флота.
Европейский рисунок
конца XVIII века

ных в две противостоящие друг другу линии.

В бою у Суджук-Кале 23 августа 1773 года эскадра И.Г. Кинсбергена, состоявшая из фрегата «Второй», кораблей «Азов», «Модон» и «Журжа» и палубных ботов «Битюг» и «Миус» (последний использовался в качестве брандера), добилась новой победы над еще более сильной турецкой эскадрой из 17–18 вымпелов, в том числе четырех линейных кораблей. В результате попытка неприятеля с ходу осуществить новую операцию против Крыма провалилась.

Говоря о тактике этого боя, отметим, что указание ряда отечественных историков на применение И.Г. Кинсбергеном новых тактических приемов в сражении у Суджук-Кале 23 августа 1773 года (в частности, В.Ф. Головачев и Н.В. Новиков писали о сосредоточенной атаке неприятельского авангарда и постановке его «в два огня») подтверждения не нашло. В действительности этот бой проводился на контркурсах.

Атака же объединенной русской эскадры под командованием самого вице-адмирала А.Н. Сенявина (фрегаты «Первый» и «Второй», «новоизобретенные» корабли «Хотин», «Азов», «Корон», «Модон», «Журжа», малый бомбардирский корабль «Второй» и 3 палубных бота) турецкой эскадры (5 линейных кораблей, 2 фрегата, 2 шебеки, 1 галера, 1 транспорт) 5 сентября 1773 года у Суджук-Кале, после которой турки бежали, даже не приняв боя, а ночью, чтобы оторваться, потушили все огни, окончательно сорвала планы неприятеля относительно действий в Крыму в 1773 году.

В этом столкновении А.Н. Сенявин вновь применил принцип построения эскадры в линию баталии, параллельную туркам, еще до начала сближения с ними (на чем потерял время), что вместе с тихоходностью русских кораблей помогло в итоге туркам ускользнуть. То есть опять сказалось стремление действовать точно по устоявшемуся шаблону, хотя в ситуациях, когда противник отступал, уже имелся гораздо более эффективный прием принуждения

его к бою. В частности, англичане, как мы не раз уже указывали, преследовали противника без сохранения строя. Кроме того, русские моряки уже знали реальные возможности турок, имея с ними целый ряд столкновений.

Однако общий итог кампании 1773 года — безусловно, большой успех Азовской флотилии. Она полностью выполнила поставленные перед ней задачи, заставив турок до конца года отказаться от попыток вернуть Крым, что имело огромное значение для общей победы России в войне 1768–1774 годов.

Собственно, недопущение неприятельского флота к берегам Крыма сорвало восстание крымских татар, которые только и ждали высадки турок. Нетрудно представить, какие последствия имел бы для России такой десант.

О значении флотилии в кампании 1773 года говорит следующая формулировка Н.И. Панина на Высочайшем Совете 23 декабря 1773 года: «*Сколь много Крым ее [Турцию] заботил, доказала она то употребленными ею странами возмутить и вовлечь татар опять в войну с нами; что сие не удалось ей единствено за неисполнением обещанной татарам присылки войск (курсив наш. — Авт.)*». А сорвали доставку этих войск действия Азовской флотилии. Наконец, в ходе данной кампании она уничтожила восемь больших неприятельских судов и еще семь захватила (сумма проданных с последних товаров составила 16 438 руб.).

Две одержанные флотилией победы, а также бегство турецкой эскадры без боя заслуживают отдельного упоминания. Эти ее успехи, кроме отражения неприятельских морских сил от Крыма, имели еще одно значение: они негативно повлияли как на моральное состояние турецких моряков, так и на дальнейшие действия флота Османской империи на Черном море.

Таким образом, к концу 1773 года Россия крепко удерживала достигнутые позиции и, кроме того, по-прежнему обладала стратегической инициативой на Дунае и в Архипелаге. Тем не менее решающих побед кампания 1773 года Российской империи все же не при-

несла. В Архипелаге ее флот даже перестал угрожать Дарданеллам; Дунай русская армия так и не форсировала; угроза с Черного моря отсутствовала.

Что касается последнего, отметим, что И.Г. Кинсберген в июне предлагал и проведение поиска с высадкой десанта на Синоп, и крейсерские действия у Черноморского побережья Турции, но оба проекта были отклонены. Но если возможность достижения успеха в экспедиции против Синопа остается дискуссионным вопросом, то удачное ведение крейсерской войны на Черном море являлось вполне реальным.

Кстати, Екатерина II, разочарованная летними неудачами Румянцева, уже тогда почувствовала бесплодность кампании 1773 года. Так, на Совете

19 августа она подвергла жесткой критике действия русских вооруженных сил в текущем году и поставила вопрос о подготовке плана действий по достижению победы на следующий.

*Императрица
Екатерина II.
Портрет
работы
Р. Бромптона,
1782*

Мнение императрицы Екатерины II о действиях русских вооруженных сил в кампании 1773 года, высказанное на Высочайшем Совете 19 августа 1773 года

Требуете вы от меня рекрутов для комплектования армии. От 1767 года сей набор будет, по крайней мере и сколько моя память мне служит, шестой. Во всех наборах близ 300 000 человек рекрут собрано со всей империи. В том я с вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требует, но сжиманием сердца по человеколюбию набор таковой всякий раз подписываю, видя наипаче, что оные для пресечения войны по сю пору бесплодны были, хотя мы неприятелю нанесли много ущерба и сами людей довольно числа лишились. Из сего, естественно, родиться может два вопроса, которые я себе и вам сделаю. Первый: так ли мы употребляли сих людей, чтобы желаемый всем мир мог приблизиться? Второй: после сего набора, что вы намерены предпринимать к славе империи, которую ни в чем ином не ставлю, как в пользе ее?

Оставляя говорить о прошедших, лаврами увенчанных кампаниях, кои неприятеля принудили к мирным переговорам, в ответ на первый мною вопрос скажу о настоящем положении дел, что, к сожалению моему, вижу я, что сия кампания повсюду бесплодно кончится или уже кончилась, и осталось нам помышлять не теряя времени, о будущем (курсив наш. — Авт.). Дабы очистить второй мною сделанный вопрос, я повторяю, чтоб, не теряя времени, помышлять о том, что в предыдущую кампанию предпринимать нам занужно почтено будет; разве за полезно почтете, чтобы сухопутные и морские наши против неприятеля силы остались точно в том положении, в каком ныне находятся; положение не действующее, которое я за полезно для приближения желаемого нами мира не считаю и которое, по моему мнению, нам скорее вторую сзади войну нанесет, нежели настоящую прекратит. Из рекрутского, мне предлагаемого вами набора заключаю я, что вы упражняетесь снабдением армий. Напомнить я за нужно вам нахожу, дабы вы Азовского моря эскадру из памяти не выпускали и оную по возможности привели в наилучшее для дел состояние.

Последним, кстати, она еще раз указала Совету на флотилию, развитие которой могло сыграть еще более важную роль в войне.

Таким образом, отсутствие серьезных побед у России в 1773 году было,

во-первых, одной из важнейших причин затягивания войны, а во-вторых, фактором, существенно придавшим туркам сил. И хотя военно-экономический потенциал неприятеля оказался серьезно подорванным, его вооруженные силы

ослаблены и распылены, в армии свирепствовало дезертирство, флот был не в состоянии справиться даже с Азовской флотилией, а в стране назревало недовольство. Турция по-прежнему не собиралась принимать русских условий мирного договора. Смерть Мустафы III и воцарение Абдул-Хамида I в январе 1774 года фактически ничего не изменили в позиции Константинополя.

Почему же турки так упорствовали? Анализ ситуации, сложившейся зимой 1773/1774 года, дает следующую картину. Во-первых, в Константинополе по-прежнему ждали помощи европейской дипломатии, прежде всего французской.

Во-вторых, большие надежды Турция стала возлагать на начавшуюся

тельным ударом захватить Керченский пролив, используя в качестве поддержки свои войска и ногайских татар, находившихся на Тамани, где с августа 1773 года активно работали турецкие агенты и назначенный султаном новый крымский хан Девлет-Гирей. Успешное осуществление этого предприятия сразу принесло бы туркам ощутимый выигрыш. Однако и этим их планам не суждено было сбыться.²

Попытку турецкого флота под командованием самого капитан-паша Мехмет-паша (5 линейных кораблей, 9 фрегатов, 26 шебек, галер и малых судов) захватить Керченский пролив с ходу, в скоротечном бою у входа в пролив 9 июня, отразила эскадра Азовской флотилии под командованием контр-адмирала В.Я. Чичагова (три фрегата, два «новоизобретенных» корабля и один бот).

Правда, затем эскадра из-за огромного превосходства неприятеля в силах все же отошла в пролив, где вместе с находившимися там другими русскими кораблями сумела быстро занять выгодную позицию в районе Керченских садов (южнее м. Ак-Бурун) и закрыла для противника ключевую часть Керченского пролива — узкий проход к Керчи и дальше в Азовское море.

В результате план Константинополя дал сбой, и турецкий флот, не ожидавший такого развития событий, втянулся в невыгодное противостояние в Керченском проливе. Когда же он 28 июня 1774 года все же попытался атаковать русские силы, то снова был ими отбит, хотя в день атаки турки имели 6 линейных кораблей, 7 фрегатов, 17 шебек и галер, 1 бомбардирский корабль против 3 фрегатов, 4 «новоизобретенных» кораблей, 2 бомбардирских кораблей, 2 бота и 1 брандера русской эскадры.

В итоге, простояв более месяца, неприятельская эскадра вынуждена была уйти из пролива ни с чем. Эти события оказали большое влияние на исход войны. Потерпев поражения на Дунае и не добившись успеха в Керченском проливе, турки 10 июля 1774 года подписали Кючук-Кайнарджийский мирный договор.

Костюм турецкого вельможи: капитан-паша.
(Давыдов Ю.В. Сенявин. — М., 1972)

в России крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачева. В результате до России стали доходить сведения о поддержке этой войны из-за рубежа (в частности, ведомство реис-эфенди разрабатывало тексты негласных соглашений с Пугачевым о снабжении его оружием и деньгами).

В-третьих, турецкие улемы даже слышать не хотели о потере Крыма. Наконец — и это, пожалуй, особенно важно — турки решили в 1774 году предпринять новую решительную попытку добиться успеха на черноморско-крымском театре.

Большая турецкая эскадра с десантом на борту должна была стреми-

Керчь (Альбом всех лучших видов Крыма. 27 гравюр. — Одесса, 1883)

Наиболее значимым тактическим достижением кампании 1774 года стала грамотно проведенная В.Я. Чичаговым защита Керченского пролива и, в частности, его первая попытка позиционной обороны против намного более сильного флота. Русская эскадра построилась в самом выгодном месте в строем полумесяца. Такое расположение в относительно узкой части пролива, позволяло эффективно использовать огонь корабельных пушек и береговой батареи в случае прорыва противника. Впоследствии В.Я. Чичагов использовал

опыт позиционной обороны и в Ревельском сражении 1790 года.

Говоря о событиях на Черном море, следует сказать и о Дунайской флотилии, созданной в 1771 году. К сожалению, ее роль, как и масштаб действий, оказались очень ограниченными, фактически сводясь к району устья реки Дунай. Поначалу этой флотилии придавали очень большое значение, а ее формирование велось в соответствии с Высочайшим рескриптом И.Г. Чернышеву от 22 февраля 1771 года.

Из Высочайшего рескрипта императрицы Екатерины II вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву о формировании Дунайской флотилии

Санкт-Петербург

22 февраля 1771 года

Граф Иван Григорьевич! Надобно, может быть, будет по случаю продолжающейся нынешней войны завести какие удобно будет мореходные суда на Днепре, Днестре или других валашских или молдавских реках. А чтоб в таковом случае за недостатком чего для того надобного не сделалось препятствия, примите в Адмиралтейств-коллегии такие меры, чтоб всем надобным запастись сколько можно ближе к означенным местам... для чего надобно будет послать надежную персону б то и поручить (б, с. 731 – 732).

Такой персоной стал капитан Ногаткин, которому уже в марте того же года П.А. Румянцев, в чье ведение попала создаваемая флотилия, писал: «...Моим

делом есть во исполнение высочайшей воли Ея. И.В. повелеть вам, дабы вы теперь все приготовления надобные начинали к построению в наступающее

лето здесь флотилии и, избрав за образец одну галеру и другого рода также одно военное судно... чтобы от 200 до 300 военнослужащих вмещать могли».

Таким образом, ставка делалась на создание флотилии, способной в первую очередь обеспечить переброску войск.

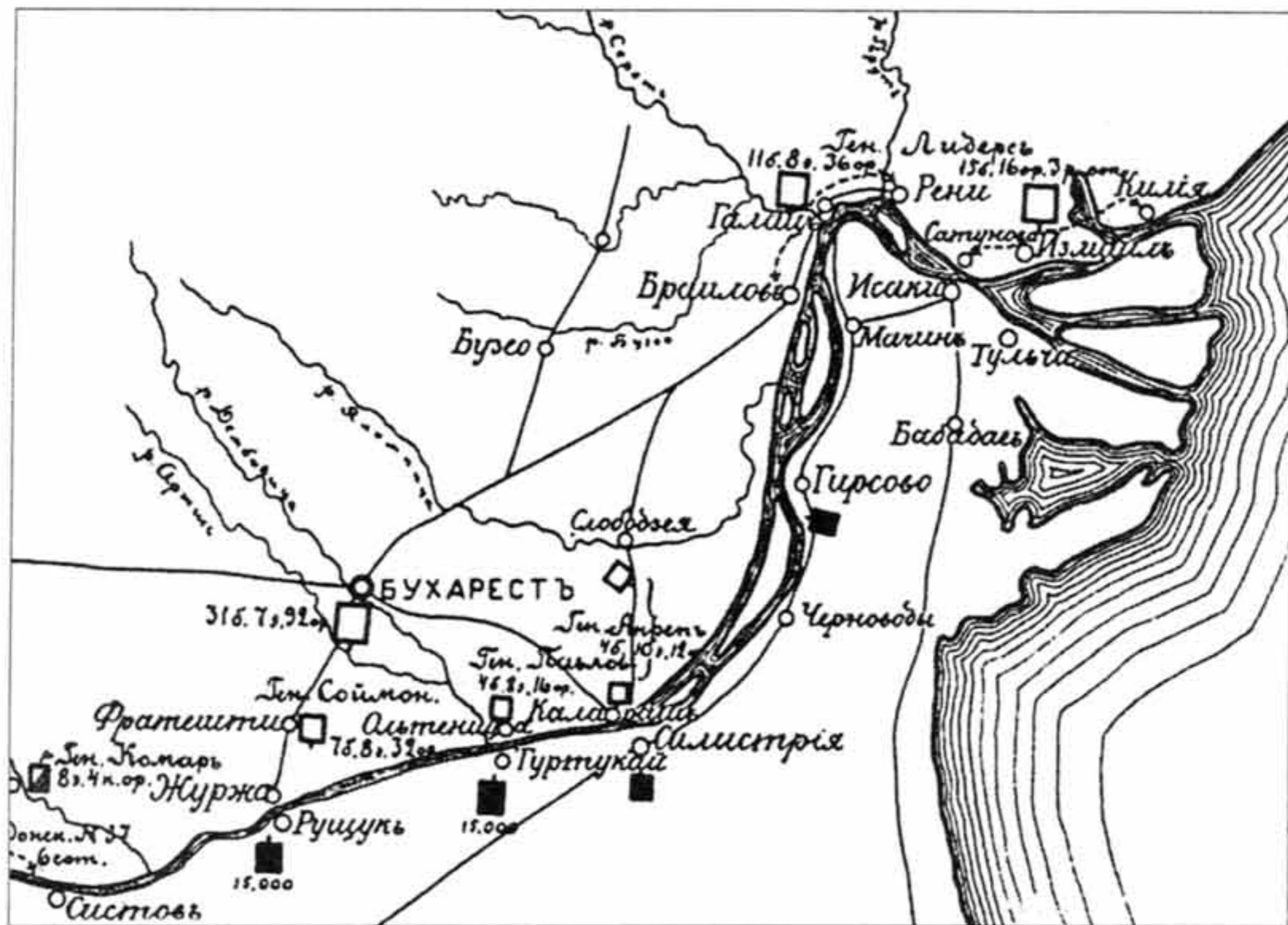
Тем временем, в апреле 1771 года Екатерина II сообщила П.А. Румянцеву, что она «советовалась насчет постройки судов с искусственным человеком, который в продолжении 53 лет своей морской службы пребывал на всех морях во всякое время года, с английским адмиралом Ч. Ноульсом. Искусный человек сделал чертеж нового рода судов, которые по простоте своей оснастки могут управляться почти не знающими морского искусства людьми, способны ходить на гребле и на парусах и могут поднять от 3 до 4 сот человек с провиантами и пушками».

«Прошу теперь всячески стараться, — писала далее императрица, —

чтоб к построению сих судов, коих, что более, то лучше будет, хотя бы несколько десятков, или, лучше сказать, как успеют, все надобное, как леса, так и работники, доставлены были к верфям. Что же до такелажа и прочих припасов касается, то они из Тулы и Брянска доставлены будут до Киева» (38, Кн. XIV, с. 425–426).

В результате последовала корректировка списка первоначально намеченных к постройке кораблей: вместо галер на Ногаткина возложили строительство шхун и катеров (по 30 штук тех и других) со сроком готовности к весне 1772 года! (6, с. 732–733, 737–738). Но указанного выше замысла это не меняло. Таким образом, мы видим явное намерение Петербурга все же подготовиться к экспедиции против Константина Поля!

Между тем, в кампании 1771 года русские войска под командованием П.А. Румянцева, несмотря на проводившуюся в целом стратегическую оборону

Карта нижнего течения реки Дунай — основного района действия Дунайской флотилии

Тульча. Карандашный набросок Стала с натуры

ну, захватили крепость Джурджу (Журжу), а также блокировали крепости Тульча и Исакча. В ходе этих действий удалось захватить большое количество турецких речных судов. Так, только под Тульчей плененными оказались 43 судна, в том числе 5 галиотов, 7 галер, 6 кончебасов (б. с. 735).

В результате к 30 ноября 1771 года Дунайская флотилия без каких-либо судостроительных работ насчитывала уже 67 судов, хотя многие из них были небоеспособными. Но собственная их постройка так и не началась. Более того, судя по архивным данным, Ногаткин нашел леса только на три шхуны и на столько же катеров. В результате по решению И.Г. Чернышева в ноябре того же года во главе флотилии поставили М.И. Рябинина, имевшего опыт работы во флотилии А.Н. Сенявина (б. с. 737–738).

Однако уже в начале 1772 года командование Дунайской флотилией поручили адмиралу Ч. Ноульсу, принятому на русскую службу из английского флота. Причина столь громкого назначения проста — в Петербурге, как мы

видели, продолжали лелеять мысль об ударе по Босфору, руководить которым с моря и должен был Ч. Ноульс. Для этого планировалось привлечь и часть сил Азовской флотилии (о задачах, поставленных А.Н. Сенявину на 1772 г., говорилось в предыдущей части публикации). Но в итоге от экспедиции отказались, Ч. Ноульса отзвали в Петербург, и внимание к Дунайской флотилии уменьшилось.

Тем не менее в марте–сентябре 1772 года она обеспечила оборону устья Дуная. В частности, ее корабли занимали позиции в Сулинском гирле Дуная и у острова Четала. Более того, галиоты флотилии (под командованием сначала Вельяшева, а затем Кинсбергена) дважды служили посыльными судами, доставляя сведения для А.Н. Сенявина, что намного упростило связь между Крымом и Дунаем.

Переход в феврале–июле 1772 года из Дуная к Таганрогу и обратно галиота под командованием лейтенанта Вельяшева стал вторым дальним плаванием русского судна по Черному морю после похода корабля «Крепость» из

Керчи в Константинополь в 1699 году. Кроме того, именно этот галиот оказался фактически единственным кораблем Дунайской флотилии, дравшимся с турецким: 21 февраля он вступил в перестрелку с судном противника в районе Тендры, в результате которой захватил шесть пленных, хотя сам неприятельский корабль смог уйти.

Между тем, в 1772—1773 годах для Дунайской флотилии в Измаиле по чертежам Ч. Ноульса все же построили четыре шхуны, вооруженные 12-бутовыми пушками. После спуска на воду в декабре 1772 — апреле 1773 года они стали единственными более-менее серьезными кораблями Дунайской флотилии. Имела флотилия в 1773 году и другие суда: два галиота (№ 5 и № 6), три полугалеры, два чектаря, 11 кончебасов и несколько казацких лодок. Но, кроме номерных галиотов, они для действий в море не годились.

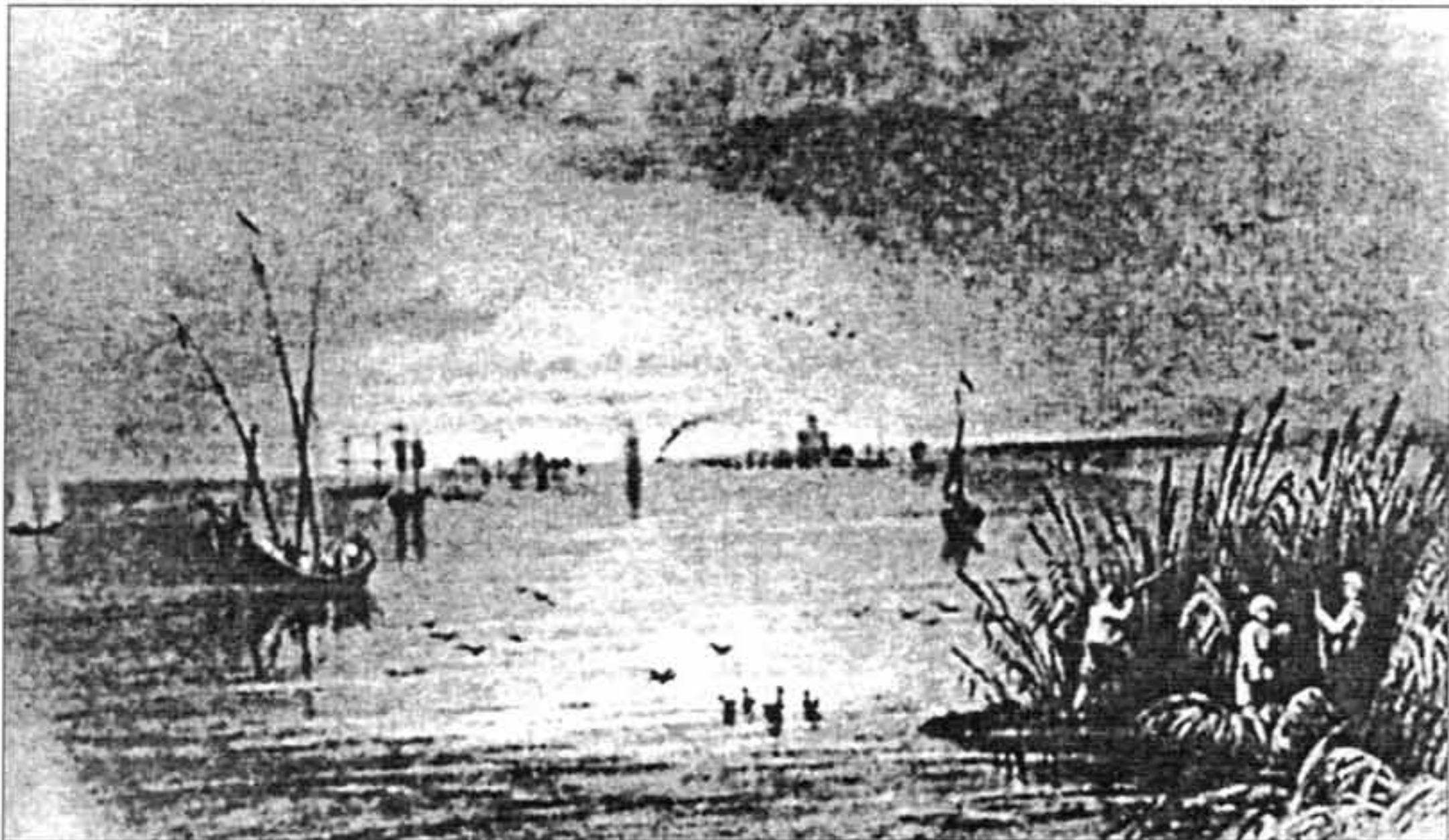
Тем временем, П.А. Румянцев дал флотилии первое задание на 1773 год. Генерал-майор Вейсман так написал командующему флотилией капитану 2 ранга П.В. Третьякову в ордере от 3 апреля: «По повелению графа Румянцева велено на Дунае сделать преграж-

дение, чтобы неприятель из моря судами в Дунай входить и вверх к Тульче и Исакче пробираться не мог, почему от меня с вами согласно и положено иметь вооруженные суда через все лето: при устье Сулина гальот большой и 3 казачьи лодки, при нижнем Четале — тоже, при верхнем Четале — одну казачью лодку; того для извольте оное число судов вооружить пушками и изготовить».

В результате в середине апреля 1773 года означенные суда вышли на свои позиции.

А в мае 1773 года П.А. Румянцев отдал распоряжение о выходе в Черное море и отряда шхун. Вследствие этого принявший над ними общую команду П.В. Третьяков 10 июня вышел в море, однако крейсерство отряда оказалось коротким. Совершив поход по направлению от острова Фидониси к Гаджибею, а затем к Варне, отряд уже 14 июня вернулся в Сулинское гирло Дуная. Далее его действия были связаны исключительно с обороной. Организована она была так: имеющиеся в наличии корабли поставили поперек Дуная, чтобы не допустить турок вверх по течению.

Стоит отметить, что столь быстрое возвращение П.В. Третьякова из крей-

Сулинский рукав Дуная. С английской гравюры на стали

серства было вызвано объективной причиной — на шхунах, особенно на «Победославе Дунайском», появилась течь. Но существовала, видимо, и еще одна причина. Она угадывается из рапорта П.В. Третьякова П.А. Румянцеву, в котором он признает шхуны весьма удобными для морского плавания, но просит усилить их вооружение 12-фунтовыми орудиями (видимо, считая вооружение шхун недостаточным, их командиры больше не горели желанием выходить в море). Однако П.А. Румянцев ответил на это отказом, указав, что имеющихся пушек вполне достаточно.

Узнав о появлении турецких кораблей близ устья Дуная, П.А. Румянцев сам повелел П.В. Третьякову заняться его обороной. Однако в начале октября 1773 года П.А. Румянцев вновь потребовал выхода Дунайской флотилии для поисков неприятеля в Черном море. Исходя из этого предписания, П.В. Третьяков приказал отправиться в поход наиболее готовым шхунам «Победослав Дунайский» и «Вечеслав». Однако из-за мелководья они смогли выйти только в устье Сулинского гирла, где и простояли, причем, что особенно интересно, П.А. Румянцеву об этом сообщили в последнюю очередь, и он некоторое время считал, что данные корабли действительно находятся в море.

В итоге командующий первой русской армией П.А. Румянцев так писал в конце кампании о Дунайской флотилии в Петербург: «Впрочем, как стоящая здесь флотилия весьма много стоит трудов и денег, а напротив того, никакой службы не делает, как действительно и во всю прошедшую кампанию оставалась без всякого действия, то представляю Адмиралтейств-коллегии подробное описание ее состояния и способностей и испрашиваю наставления, каким лучше образом и к чему употребить оную на будущую кампанию должно».

В кампании же 1774 года Дунайская флотилия и вовсе бездействовала, а после заключения мира все ее боеспособные корабли (в частности, те же четыре шхуны и два номерных галиота)

перевели в Керчь и включили в состав Азовской флотилии (кроме разбившихся на переходе шхуны «Браилов» и галиота № 6).

К сожалению, явный недостаток сил флотилии при очевидной нехватке выделенных на ее создание ресурсов вкупе с отсутствием четкого представления о ее задачах привел к печальным результатам. Фактически действия флотилии никак не сказалось на ходе войны, хотя постройка крейсерских судов или использование для этой цели имевшихся имело бы более серьезные последствия.

С другой стороны, и в случае применения в речной войне флотилия также могла принести существенно большую пользу. Но ни того, ни другого не произошло. Причиной этого стали как объективные обстоятельства, так и русское командование (в частности, и П.А. Румянцев, и командование флотилией, и Высочайший Совет).

А теперь подведем итоги действий русских военно-морских сил в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов и попытаемся дать сравнительную оценку состояния русского флота и его военно-морского искусства на фоне флотов ведущих европейских стран в период 1750–1770-х годов. Сразу же отметим главное: эта война положила начало выходу русского флота на новый уровень; состоялись три крупных прорыва: в опыте, тактике и статусе. Она стала первой большой морской войной России.

Вначале остановимся на итогах действий в Архипелаге. Отметим, что русский флот не отказывался от сражений, более того, сам стремился при первой возможности уничтожить противника. В результате были выиграны Хиосское, Чесменское и Патрасское сражения, определившие судьбу войны на море в Архипелаге. Таким образом, русский флот продемонстрировал четкую ориентацию на уничтожение неприятельского флота в качестве главного способа достижения победы на море (чем показал приверженность английской, а не французской стратегии ведения войны).

Более того, своей кампанией в Архипелаге русский флот самым убедительным образом доказал то положение, которое впоследствии стало краеугольным камнем доктрины А.Т. Мэхэна: разгром флота противника — самый эффективный ключ к овладению морем, а следо-

Граф А.Г. Орлов-Чесменский

вательно и к навязыванию неприятелю своей воли.

Правда, изначально такой способ действий предусмотрен не был, и Архипелагская экспедиция организовывалась, в первую очередь, чтобы поднять греков на восстание, и лишь во вторую — для действий на море, да и

то сразу против турецкой торговли. Наличие Османского флота не учли, и только вследствие возникновения угрозы с его стороны А.Г. Орлов принял решение попытаться покончить с ним, а потом уже действовать дальше. Тем не менее Морская экспедиция закончилась бесславно. Однако лучше понять что-либо поздно, чем никогда.

Пример кампаний 1770—1774 годов оказался поучительным: уничтожив турецкий флот при Чесме, русские морские силы установили господство на Средиземном море и, опираясь на него, начали, во-первых, вести войну против судоходства противника, дополнявшуюся, пусть и не тотальной, но блокадой столицы Османской империи, а во-вторых, разорять турецкое побережье (в частности, нанося удары по приморским городам и крепостям и высаживая десанты). Однако достичь успеха как в первом, так и во втором случае, к сожалению, не удалось.

В результате отказа от тотальной войны против судоходства не удалось полностью использовать ресурсы местных корсаров. В результате за 1771—1774 годы было захвачено или уничтожено около 365 турецких торговых

Вид на Босфор и Константинополь со стороны Мраморного моря.
(Адмирал Ушаков: письма, записки. — М., 2004)

судов и задержано 300 нейтральных³, что явно было недостаточно.

Между тем, уже существовали показательные примеры тотальной войны на морских коммуникациях, в частности, борьба Англии с Испанией в XVI веке. Не решаясь бросить открытый вызов испанскому флоту на протяжении почти всего XVI века англичане, тем не менее, развернули пиратские и каперские действия небывалого масштаба. Формально пиратство и в Англии XVI века считалось легальным. Однако уникальная политическая ситуация того времени оправдывала в глазах британского общества все действия Ф. Дрейка и ему подобных. Разница между капером и пиратом заключалась лишь в том, что капер нападал на корабли вражеских государств, имея на то правительственное разрешение, тогда как пират такого разрешения не имел.

Юридически грабеж испанских кораблей без формального на то разрешения считался пиратством, но поскольку это было «правильное пиратство», фактически на него смотрели как на каперство.

Операции «морских псов» финансировались или из казны, или частными инвесторами, даже компаниями и акционерными обществами. Пиратство приносило огромную прибыль, особенно если сочеталось с торговой деятельностью. Когда в 1560 году Томас Уайт возвращался в Англию из Северной Африки, ему по пути попались два испанских судна, везших ртуть. Хотя рейс Т. Уайта носил коммерческий характер, он не упустил случая захватить оба судна и доставить их в Лондон. Британские власти проигнорировали это открытое пиратство, зато инвесторы Т. Уайта наградили его и его команду денежной премией. Словом, от пиратства выигрывали все стороны, исключая испанцев, но их в расчет никто не брал (31, С. 2–3).

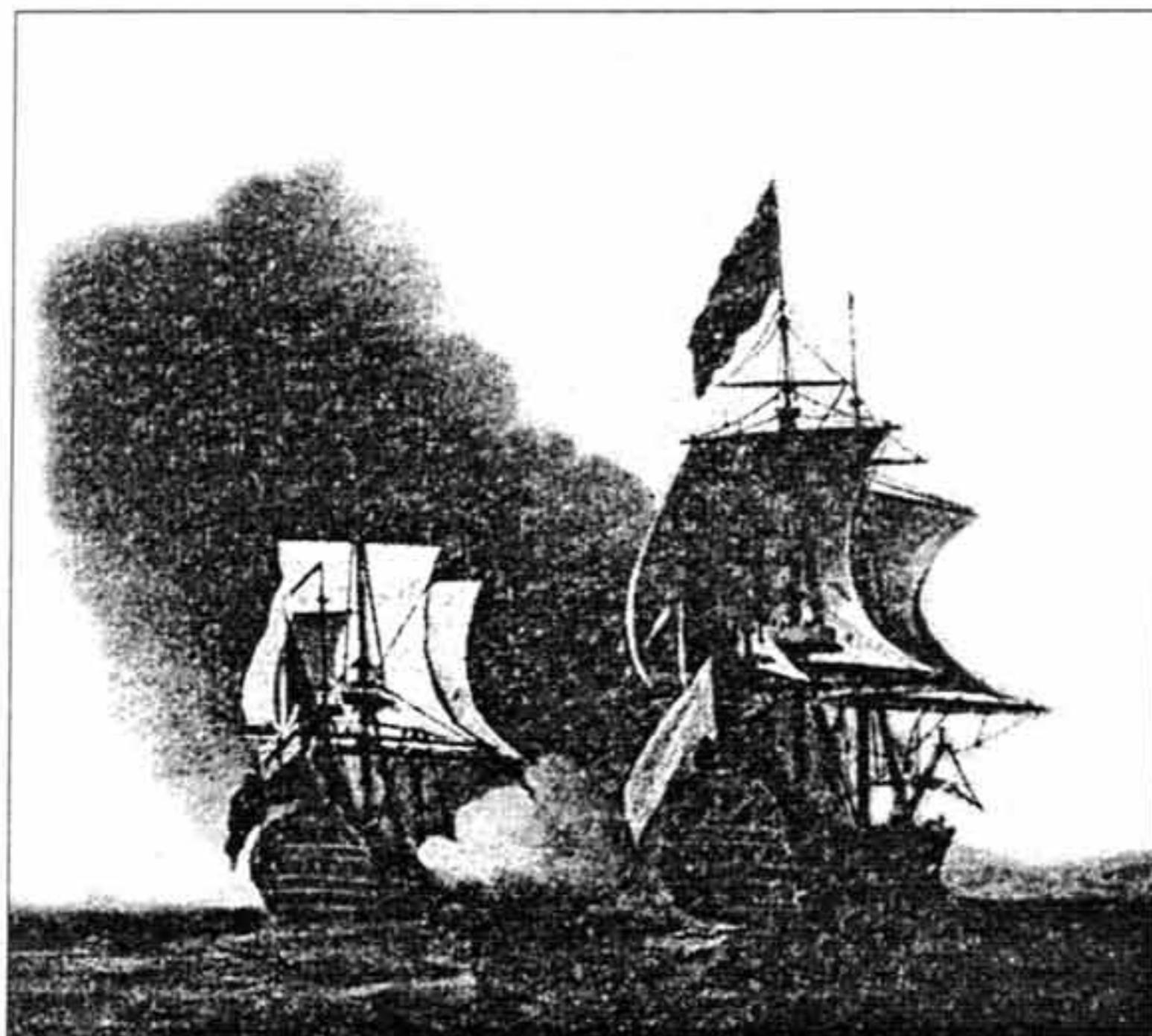
Войны конца XVII–XVIII веков также являются ярким подтверждением эффективности действий против морской торговли. Хотя не существует точных данных, но, по различным оценкам, в ходе войны Аугсбургской Лиги

Ф. Дрейк берет на абордаж «Какафуэго». С гравюры того времени

(1688–1797 гг.) французские рейдеры и каперы захватили около 4000 призов; в ходе войны за Испанское наследство (1701–1714 гг.) — 4500 призов; в ходе войны за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) — 3300 призов. Английские же каперы еще до начала Семилетней войны (1755 г.) захватили около 300 французских судов! В ходе самой Семилетней войны Франция захватила более 3000 английских торговых судов. Англии удалось избежать проблем только благодаря значительному росту своей торговли и крайней пассивности французского флота, уступившего с 1760 года безоговорочное господство на море англичанам.

Между тем, последние также вели крейсерскую войну, но с 1756 по 1760 год захватили у Франции только 950 торговых судов. Причина была проста: господство английского флота привело к замиранию французской морской торговли. Французские купцы боялись выходить в море. Кроме того, английский флот, как мы указывали в статье о Семилетней войне, не считался и с нейтральной торговлей, что также сказалось на Франции. Как следствие, Французское королевство

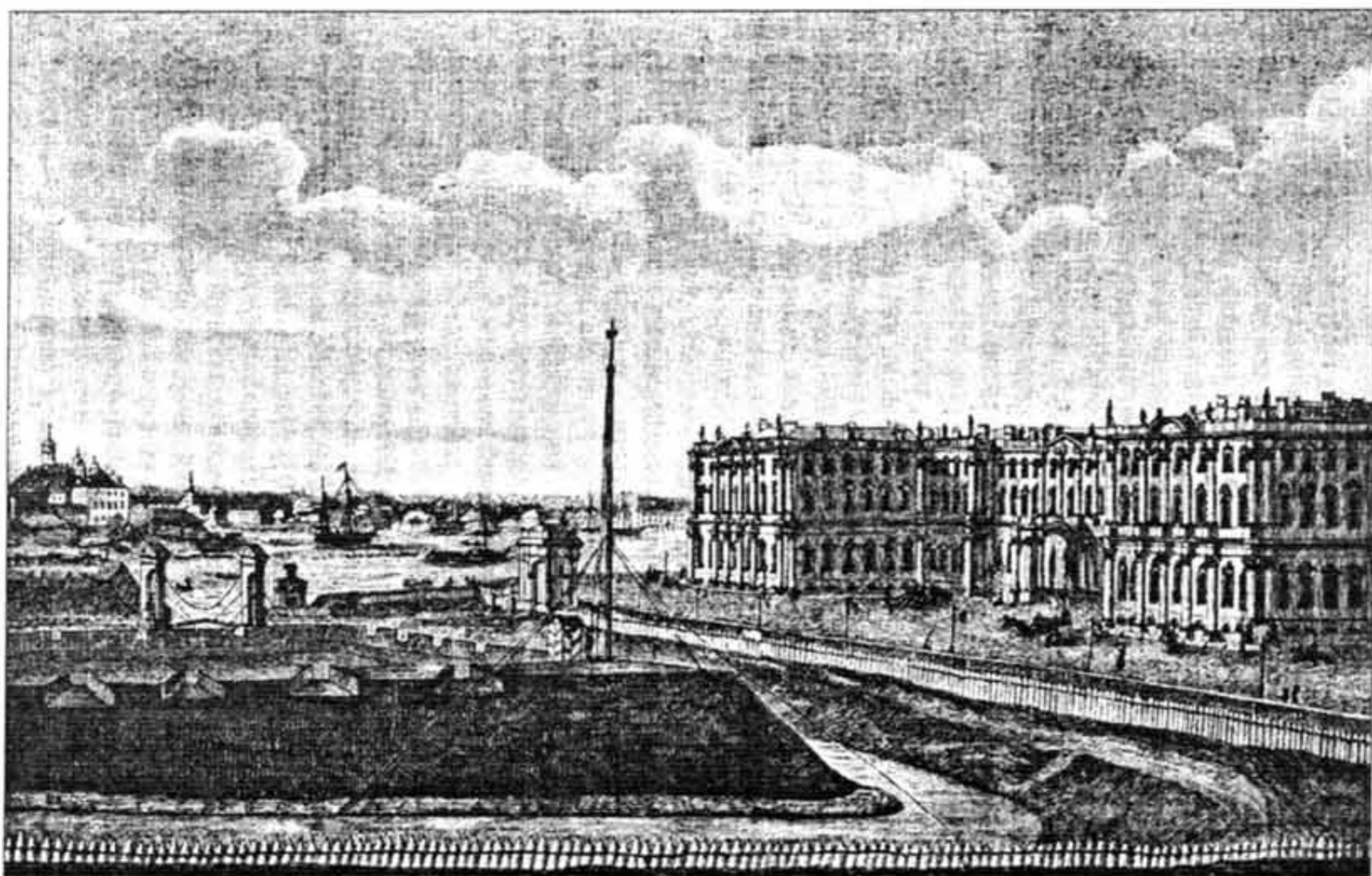
Бой между английским и испанским военными кораблями в XVIII веке

пережило тяжелое экономическое потрясение. «Расстройство, даже почти полное уничтожение морской торговли Франции, — писал А. Штенцель, — значительно понизило ее благосостояние. Постепенно стал обнаруживаться недостаток денежных средств. Для арсеналов и кораблей почти ничего не делалось» (46, с. 372). Возникшая колоссальная задолженность (в 1764 г. она составляла 2325,5 млн ливров) привела к печальным последствиям для государственной казны Франции, которая из-за высоких затрат на обслуживание государственного долга практически потеряла свободу действий. Фактически после завершения Семилетней войны Франция вступила в затяжной экономический кризис, из которого так и не смогла выбраться до 1789 года.

Есть и более близкие по времени примеры того, какие последствия может иметь тотальная война на морских коммуникациях — это действия флота США по блокаде Японских островов в 1944–1945 годах. Командующий американским подводным флотом адмирал Ч.Э. Локвуд отдал приказ: «Топи

их всех!», и американские подводные лодки выполняли его в буквальном смысле — топили любое судно в любом районе Тихого океана, где по их сведениям отсутствовали суда США. Результатом этого стал топливный и сырьевый голод, ощутимо сказался на японской экономике и заметно приблизивший поражение страны в войне.

Таким образом, становится очевидным, насколько действенный рычаг не был в должной мере использован русским флотом. На наш взгляд, это было большой ошибкой. Почему же Россия отказалась от таких действий? Главным виновником просчета, как мы видели, являлось российское правительство, выступавшее против тотальной крейсерской войны, с одной стороны, опасаясь вызвать недовольство ведущих морских держав, а с другой — надеясь создать благоприятный образ страны в регионе. Однако в Петербурге попросту не понимали ни реалий Средиземного моря, кишевшего пиратами, ни тех преимуществ, которые могли дать полномасштабные крейсерские действия против Турции. В результате русский

*Зимний дворец и Адмиралтейство во второй половине XVIII века.
Здесь в 1768–1774 годах принимались решения по действиям русского флота
в Архипелаге и Азовской флотилии на Азовском и Черном морях.
С акварели Бенуа, XVIII век*

флот в Архипелаге не получил нужных для большой крейсерской войны сил, а полноценные действия получивших патенты каперов были жестко ограничены Екатериной II, еще в 1769 году запретившей предпринимать враждебные действия против европейцев, греков и других христиан. Более того, русские власти еще и наказывали каперов в случае их своеволия; например, за взятые французские суда (18, с. 124 – 125), и это при том, что Франция занимала по отношению к России откровенно враждебную позицию.

«Одних угроз его (Версальского двора — Авт.) будет, конечно, не довольно к удержанию Нас от посылки из Балтийских Портов флота Нашего в неприятельские воды, — писала Екатерина II российскому послу в Париже И.С. Барятинскому в 1783 году, — а насильственное оного с пути обращение вспять немногую туркам пользу даст, ибо чувствительнейшие удары им последуют на сухом пути и со стороны Черного моря, но зато даст Нам полное право счесть действия Франции за сущий с Нами разрыв ипустить на французскую морскую торговлю множество корсаров, к чему конечно везде, а особенно в Англии, същется много охотников (курсив наш. — Авт.)» (42, с. 223).

В 1793 году в связи с разрывом отношений с революционной Францией

Тем не менее действия в Архипелаге все же стали первой большой крейсерской войной в истории русского флота, к тому же достигшей определенных результатов. Они показали, какое значение имеют малые суда и заблаговременная подготовка к такой войне. Более того, данная крейсерская война оказала влияние и на взгляды Петербурга. Так, в 1783 году Екатерина II уже открыто указывала на возможность организации в случае необходимости всеобъемлющих крейсерских действий против Франции:

Балтийский флот, вышедший для действий в море, получил прямое указание

не только препятствовать французской торговле, но и захватывать суда Дании и Швеции, так как обе эти страны отказались участвовать в торговой блокаде Франции. Протесты же Стокгольма отвергли на том основании, что война против Франции не может подчиняться общим правилам. Иными словами, идеологический элемент этой войны, или, как выразился вице-канцлер И.А. Остерман, тот факт, что французы являлись бунтовщиками, оправдывал задержание нейтральных судов и конфискацию французских товаров, как и товаров, происходящих из Франции или направляющихся туда на борту судов нейтральных стран.

Но, несмотря на все приведенные примеры развития взглядов относительно способов ведения войны против неприятельского судоходства, крейсерская война русского флота в войне

1768–1774 годов так и останется для него единственной в XVIII веке большой крейсерской войной. Тем большего внимания она заслуживает.

Кстати, слабость действий против судоходства в Архипелаге проистекала и из-за отказа от постоянной блокады Дарданелл, хотя именно на этом и настаивала Екатерина II в рескрипте от 22 марта 1771 года. Однако в течение всей войны русский флот действовал у Дарданелл лишь периодически выходящими туда эскадрами и отрядами. А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов так и не смогли организовать полную блокаду пролива, хотя бы в таком же виде, как это сделал русский флот в войне 1828–1829 годов. Как следствие, Константинополь продолжал практически в течение всего периода войны получать через Дарданеллы необходимые ему грузы.

Из впечатлений участника Архипелагской экспедиции 1769–1774 годов командира 66-пушечного корабля «Три Святителя» капитана 1 ранга С.П. Хметевского

Нынешний год (1772 г. — Авт.) почти было все перемирие, и так призов мало взято; всех других держав купецкие суда, узнав, что ежели в Константинополь, в Смирну, Салонику и другие места везут хлеб и прочее, кроме контрабандных вещей, на имя христианских в тех местах купцов, то российские крейсеры, хотя точно зная, что турецкий хлеб и везет к турку, не берут, а ежели кто возьмет, то отпущая, за простой деньги платят... Итак турок все может получать беспрепятственно.

Показательным подтверждением последнего служит поведение турецких властей, когда начинались настоящие проблемы с поставками продовольствия в Константинополь. В частности, в 1770 году турки сделали все возможное, чтобы помешать русским захватить остров Лемнос, а в 1807 году, уже после нескольких месяцев полной блокады Д.Н. Сенявином Дарданелл, султан буквально вытолкнул турецкий флот из проливов, чтобы попытаться снять или хотя бы ослабить блокаду. В 1773–1774 годах практически весь флот Османской империи действовал на Черном море.

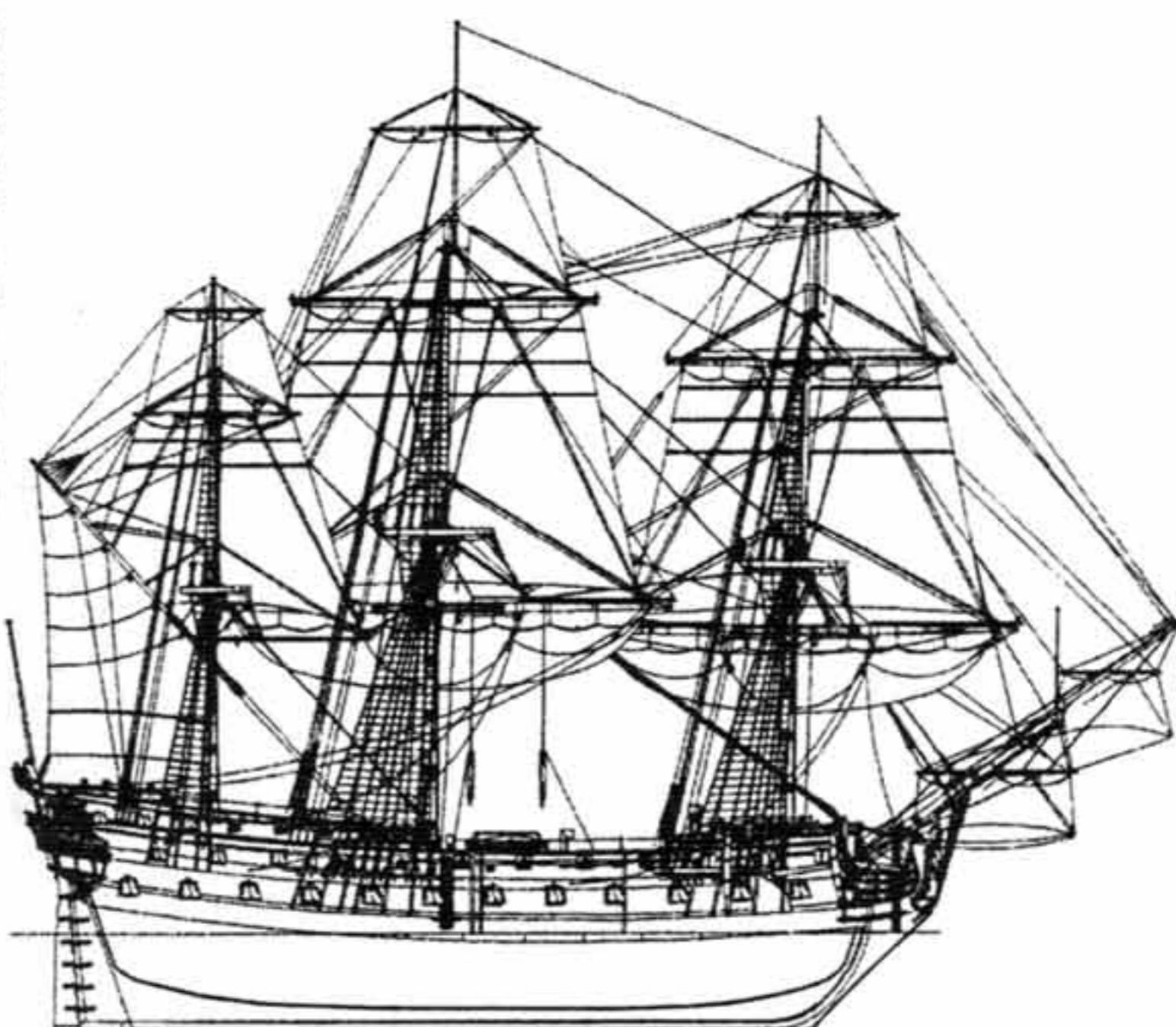
Последний момент, кстати, был также невыгоден России. Ведь угроза столице заставляла турок сразу же собирать для ее обороны все основные морские силы, что немедленно улучшало ситуацию на Черном море. Достаточно на-

помнить о том, что Чесменский погром, приковавший остатки турецкого флота к Дарданеллам, позволил А.Н. Сенявину сначала закончить формирование первой эскадры Азовской флотилии, а затем принять с нею участие в овладении Крымом. К 1773 году турки, видимо, убедились, что русский флот в Архипелаге больше не угрожает их столице, почему и перебросили свои корабли на Черное море. Учитывая все это, отказ А.Г. Орлова от нападения на Константинополь в 1770 году, по всей видимости, скорее следует признать промахом, чем правильным ходом.

Относительно же ударов по приморским городам и крепостям турок, т. е. по второму указанному нами пункту, отметим, что причины неудач здесь в основном заключались не в стратегических, а в тактических ошибках, которых мы коснемся ниже.

«Св. Евстафий Плакида» — типовой 66-пушечный русский линейный корабль периода 1731–1772 годов, отличившийся в Хиосском сражении.

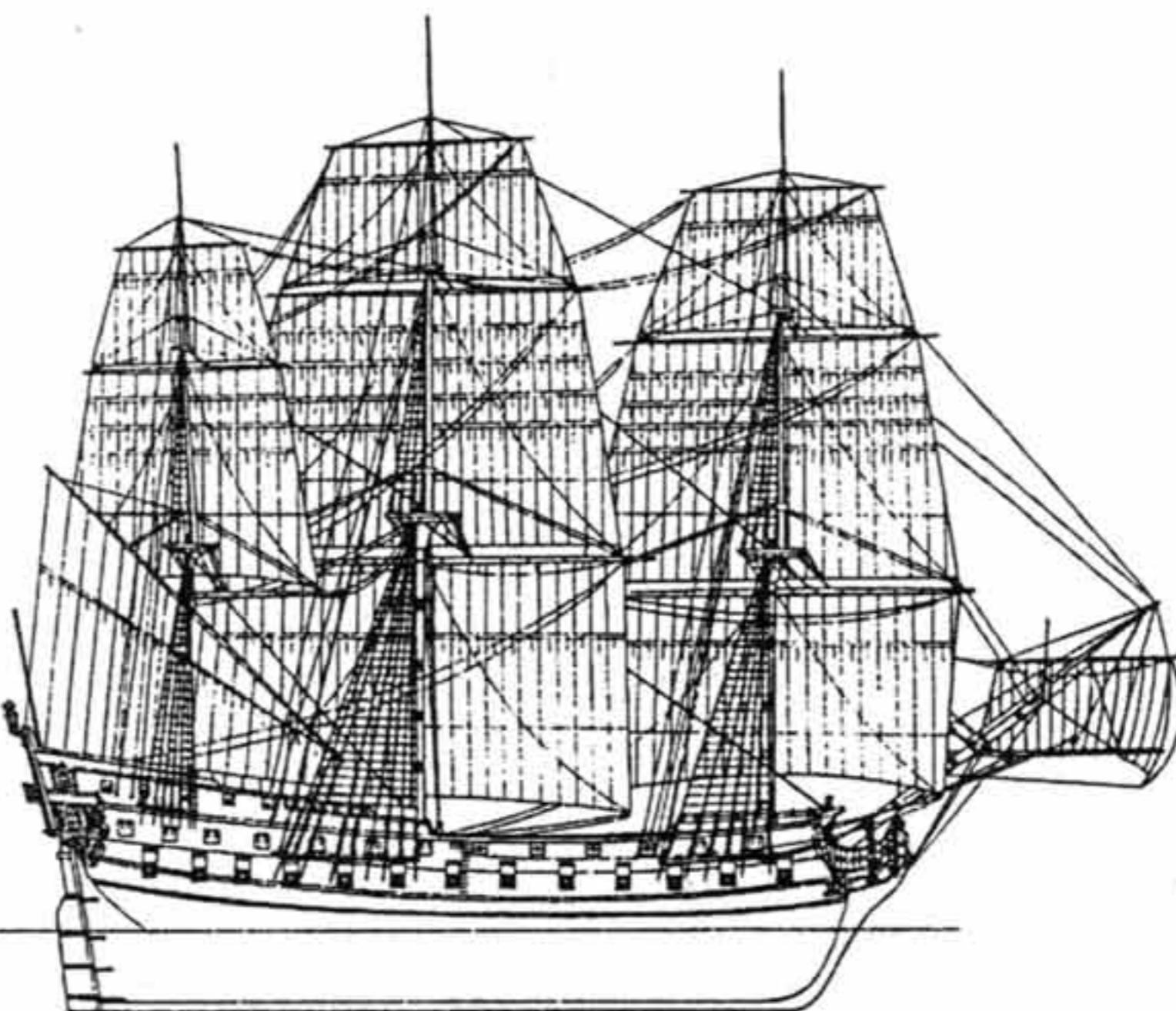
Показана бизань трапециевидного типа (Чертеж 66-пушечного линейного корабля «Святой Евстафий Плакида». Частный военно-исторический архив. — СПб., 2004)

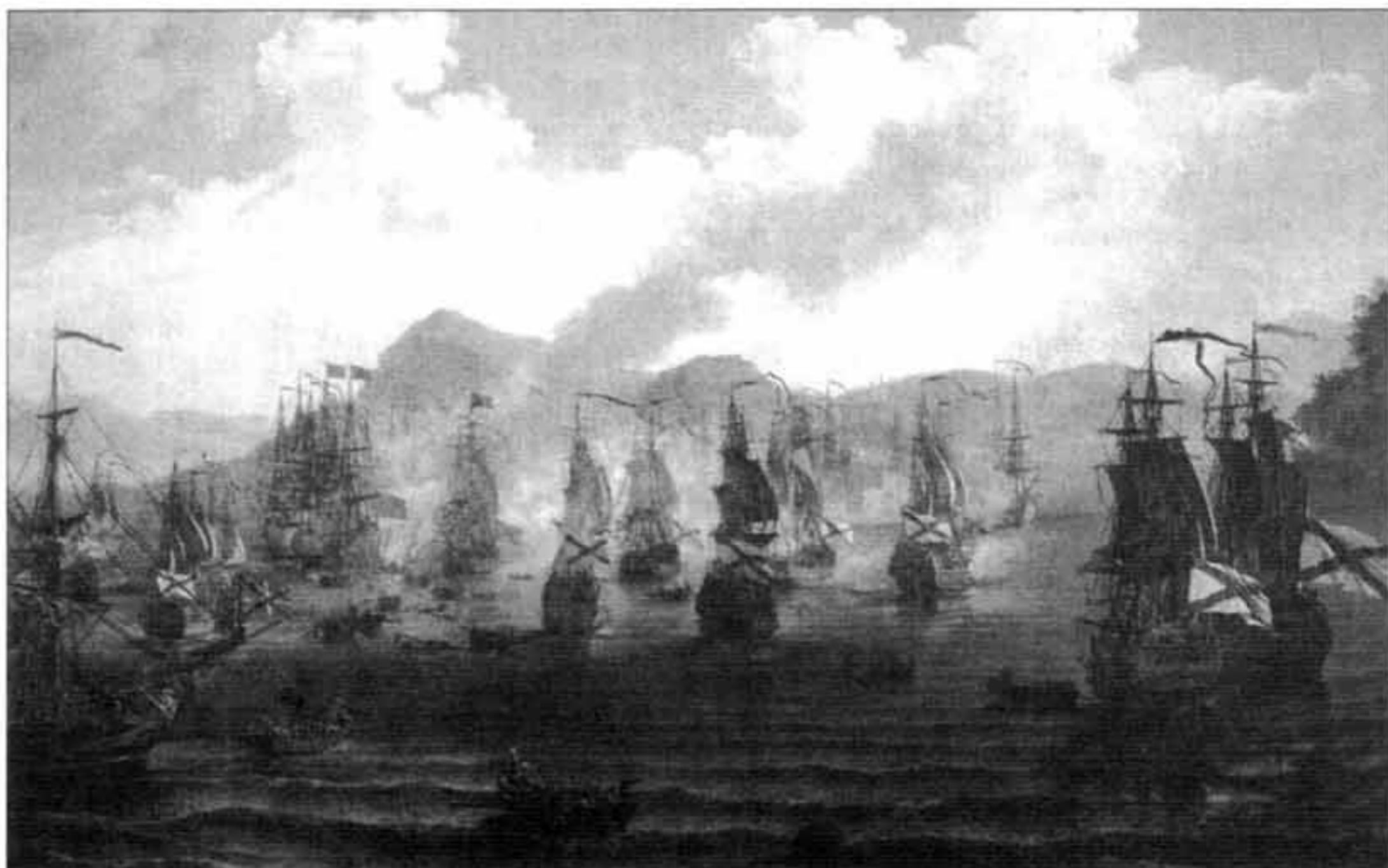

Таким образом, подводя итоги стратегических действий русского флота в Архипелаге, необходимо отметить, что они ясно продемонстрировали необходимость высокого уровня подготовки флота в мирное время, наличия большого числа малых и крейсерских

судов для войны против судоходства противника, а также для снабжения своих соединений⁴, своевременности постановки конкретных и обоснованных задач, обеспечения необходимыми силами и средствами (флоту в Архипелаге требовались корабли, войска),

«Трех Святителей» — типовой 66-пушечный русский линейный корабль периода 1731–1772 годов, отличившийся в Хиосском сражении и активно служивший в Архипелаге до конца войны. Показана четырехугольная полная рю-бизань

Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года. Художник П.-Ж. Волэр

более эффективного использования достигнутых успехов путем концентрации внимания на главных направлениях. К сожалению, в ходе данной экспедиции во всех указанных моментах присутствовали существенные промахи, вследствие чего далеко не все имевшиеся возможности были использованы русским флотом.

Тем не менее существенных успехов добился русский флот и в тактике. Наиболее показательными стали Хиосское и Чесменское сражения, в которых русский флот продемонстрировал ставку на ведение решительного боя. Богатым был и набор применяемых в них тактических приемов. Так, впервые выполнена атака с помощью кильватерной колонны, спускающейся на противника под углом почти в 90°, открывшая новые возможности проведения регулярного морского боя. Не меньшую значимость имело и использование известных, но довольно сложных приемов: сосредоточение сил на части эскадры противника, сближение на короткую дистанцию, нанесение решительного удара по флагманам, проведение артиллерийско-

брандерной атаки флота противника, укрывшегося в бухте.

Многие из этих приемов фактически использовались после долгой паузы. Менее «богатым» стало Патрасское сражение 1772 года, хотя и в нем М.Т. Коняев, во-первых, рискнул разрушить линию ради отсечения части турецких сил, а во-вторых, выполнил достаточно сложный удар по противнику, находившемуся под прикрытием береговых батарей, подойдя к нему на ближнюю дистанцию и открыв артиллерийский огонь со шпрингов. Показателен и конечный итог Чесменского и Патрасского сражений: в первом из них турецкий флот был уничтожен полностью, во втором — почти полностью. Завидный результат.

Однако опыта полноценного сражения с флотом противника в открытом море русский флот так и не получил. Более того, в произошедших двух столкновениях он продемонстрировал не лучшие качества. В 1770 году преследовать убегающих турок попытались с помощью построения линии, да и в первый день Патрасского сражения М.Т. Коняев начал с построения линии.

То есть русские флагманы продемонстрировали стремление в морской обстановке действовать строго по шаблону, которое только закрепилось впоследствии. В результате в Русско-шведской войне 1788–1790 годов русский флот практически ни разу не попытался отойти от шаблонного следования принципам линейной тактики.

Выявились проблемы в русском флоте и с проведением десантных операций. Серьезные ошибки были допущены при высадке в Морее, в период осады Лемноса, а также во время действий у Бодрума и Станчо. Причины указанных неудач объяснялись просто: нехватка войск, постоянная разбросанность сил и неумение учиться на ошибках.

В заключение анализа действий русского флота в Архипелаге хотелось бы отметить следующее. Накануне решения Крымской проблемы в начале 1783 года Г.А. Потемкин представил

Князь
Г.А. Потемкин-
Таврический

Екатерине II документ с планом действий русского флота в Архипелаге против Турции в случае войны с ней. В нем он, проанализировав все ошибки Архипелагской экспедиции 1769–1774 годов, абсолютно верно сформулировал, что должен делать русский флот в Средиземном море. В частности, Г.А. Потемкин писал:

Генерал-аншеф князь Г.А. Потемкин о задачах русского флота в планируемой Архипелагской экспедиции

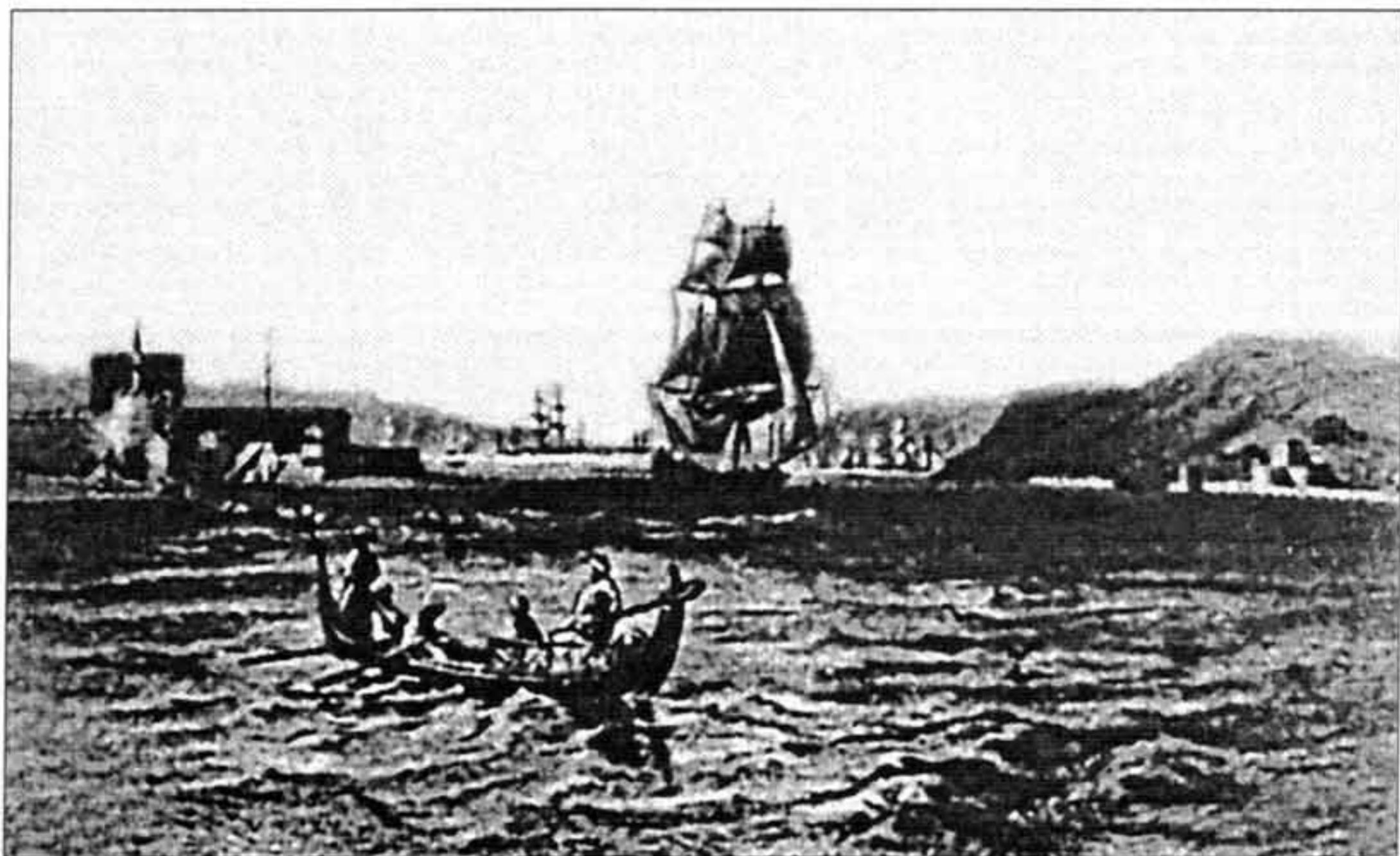
Санкт-Петербург

март 1783 года

Отправление флота в Архипелаг последует не ради завоеваний на сухом берегу, но для разделения морских сил. Удержав их флот присутствием нашего, всю мы будем иметь свободу на Черном море. А если бы что турки туда и отделили, то уже будет по нашим силам... Главный вид для флота Вашего величества — притеснять сообщение по морю туркам с их островами и Египтом, и через то лишить их помощи в съестных припасах. Притом все целить пройти Дарданеллы, что и несомнительно при благополучном ветре (курсив наш. — Авт.). Препятствовать турки захотят, тут они обязаны будут дать баталью морскую, чего нам и желать должно. Но чтобы Дарданеллы форсировать с сухого пути, на сие нужна армия, ибо у турок достанет сил обороняться. Притом мы видели в прошедшую войну, что они и тремястами человек гоняли наши большие десанты. Какая же разница флоту действовать единственно на водах? Число пятнадцати кораблей уже несомнительно превосходит силу турецкую. К тому числу почтенному сколько пристанет капреров, обесспекивающих везде их транспорты, а искусный и предприимчивый адмирал, верно, выйдет способ пролететь Дарданеллы (курсив наш. — Авт.)... Нужен испытанный в предприимчивости и знании адмирал. Нигде столько успехи от маневра и стратегии не зависят как на море, а сих вещей без практики большой знать нельзя, а Вашему величеству известна практика наших морских...» (21, с. 281–282).

Иными словами, Г.А. Потемкин четко обозначил в качестве приоритетных задач для нового отправления флота в Архипелаг то, что так и не было сделано в 1770–1774 годах: прекращение морской торговли с широким использованием капреров и максимально быстрый прорыв русского флота к Константинополю.

А теперь проанализируем с точки зрения военно-морского искусства действия Азовской флотилии. В кампаниях 1769–1770 годов флотилия организовала надежную оборону дельты Дона, руководствуясь принципом разумной достаточности (т. е. минимально необходимыми силами): три прама и вооруженные лодки перекрыли основ-

Дарданеллы. С гравюры XVIII века

ные доступы в Дон, грамотно используя его сложные гидрографические условия в данном месте (мелководье, сложный фарватер). Тем самым были высвобождены силы для развития флотилии.

В кампаниях 1771–1774 годов операции Азовской флотилии были связаны уже с открытым морем (точнее, с Азовским и Черным) и противостоянием на нем турецкому линейному флоту, в ходе чего она во многом выполняла функции флота.

Так, в кампании 1771 года флотилия осуществила переправу корпуса Ф.Ф. Щербатова на Арабатскую стрелку (военные лодки навели мост, а корабли обеспечили прикрытие), произвела психологическое воздействие на противника движением вблизи берега (для крымских татар и турок появление русских кораблей на Азовском море стало полной неожиданностью), вытеснила турецкий отряд из Азовского моря и перекрыла выход из Керченского пролива в него, расположившись на позиции в форме полумесяца. Кроме того, в интересах армии была соверше-

на переброска войск и артиллерии из Кафы в Ялту, да и в течение всей кампании флотилия осуществляла перевозки грузов для обеспечения армии.

Анализируя действия Азовской флотилии в кампаниях 1772–1773 годов, необходимо отметить выполнение ею обороны Крымского побережья и Керченского пролива, борьбы на коммуникациях Турции с Таманью и Крымом и транспортных перевозок в интересах армии. Обеспечивать защиту Крыма и противодействовать связи турок с полуостровом и Таманью флотилии приходилось одновременно: хотя Крымский полуостров и был занят русскими войсками в 1771 году, большинство крымских татар не скрывали своего враждебного отношения к России и с оживлением ждали турецкого десанта. Фактически шла борьба на два фронта. К этому важно добавить, что флотилии приходилось действовать в малоизученном районе (полноценных карт Крымского побережья еще не существовало), без обустроенных баз при постоянной угрозе появления намного более сильного флота противника.

Сами же действия флотилии у Крымского полуострова имели несколько вариантов: крейсерство вдоль побережья отрядов кораблей и целенаправленные выходы эскадр в случае ожидания турецкого флота. Кроме того, в 1772 году А.Н. Сенявин выдвинул идею осуществления крейсерства около Крыма отдельных кораблей на дистанции видимости друг друга, т. е. в виде непрерывной цепочки. Это резко усиливало возможности флотилии по борьбе с общением крымских татар и турок, но существенно понижало шансы на отражение турецких эскадр. Однако от осуществления этого плана Сенявин в итоге сам и отказался.

Главным же событием кампании 1774 года стала концентрация сил на обороне Керченского пролива. Однако прикрытие крымских берегов также было сохранено до выявления намерения турок ударить в Керченском проливе.

Таким образом, с точки зрения оперативного искусства, основными действиями Азовской флотилии, выполненными в 1771–1774 годах, были следующие: осуществление переправы войск через Сиваш, обеспечение приморского фланга русской армии в период проведения Крымской операции, защита побережья Крыма при одновременном нарушении связи между крымскими татарами и турками (путем проведения крейсерств отрядами и эскадрами флотилии), нанесение ударов по стратегически важному для турок порту (речь идет об атаках турецких судов в Казылташском лимане в 1773 г.), психологическое воздействие на противника (путем намеренного прохода кораблей вблизи берега при условии полной неожиданности этого для противника), а также выполнение транспортных и конвойных операций.

Особого упоминания заслуживает проявленное А.Н. Сенявином стремление даже при силах, уступающих силам противника, решать вопросы борьбы на море в генеральном сражении. Так он действовал в 1771 году, так он поступал и затем. Не менее важно подчеркнуть и достигнутую А.Н. Сенявином тесную

взаимосвязь действий флотилии и русской армии в Крыму на протяжении всей войны.

Кроме того, важно отметить планы использования флотилии для проведения десантной операции в Крыму (план самого А.Н. Сенявина в 1770 г. и план Петербурга на кампанию 1771 г.) и против Синопа (идея И.Г. Кинсбергена в 1773 г.), а также для крейсерской войны на Черном море и для экспедиции против Константинополя.

Хотя все эти планы не были реализованы, тем не менее, они, во-первых, ясно свидетельствуют о намерениях Петербурга широко использовать флотилию, а во-вторых, показывают отличное понимание роли морской силы на Черном море для достижения победы над Турцией, что служит ответом скептикам, считающим, что флот не так уж и требовался.

Что же касается шансов указанных планов на успех, то здесь можно отметить следующее. Если в ударе по Босфору в 1770 году флотилия участвовать еще не могла, а достижение успеха в экспедиции 1772 года остается дискуссионным вопросом, то успешное воплощение идей десантных операций в Крым и крейсерской войны на Черном море было вполне реальным. Единственное, о чем следует сказать: ни Петербург, ни А.Н. Сенявин не обратили внимания на строительство значительного числа крейсерских судов, что, безусловно, серьезно ограничивало возможности флотилии в крейсерской войне. Между тем, на наш взгляд, именно отсутствие такой войны на Черном море стало самой существенной ошибкой российского командования, поскольку еще П.А. Толстой в начале XVIII века отмечал значимость снабжения Константинополя по Черному морю.

Что же касается вопросов тактики, то здесь ситуация такова: кампании 1771–1774 годов отмечены пятью столкновениями отрядов и эскадр Азовской флотилии и турецкого флота (19–20 июня 1771 г., 23 июня 1773 г., 23 августа 1773 г., 5 сентября 1773 г., 9 и 28 июня 1774 г.), причем четыре из них

Константинополь и Босфор. С французской гравюры начала XVIII века

произошли в условиях открытого моря. Кроме того, трижды русские атаковали турецкие транспортные суда в порту противника (при Казылташской пристани): 29 мая и 8 июня 1773 года и 30 апреля 1774 года.

Таким образом, в 1771–1774 годах произошло восемь столкновений с неприятельским флотом, однако в тактическом плане интересны лишь проявленное моряками флотилии постоянное стремление атаковать, а не уклоняться от боя (т. е. ставка на решительный, а не пассивный бой), операции по уничтожению неприятельских судов в их порту с помощью артиллерийско-брондерной атаки в ночное время, а также позиционная оборона в Керченском проливе.

Примечательно и то, что из этих восьми столкновений четыре произошли в море, а не у берега, как в Ахипелагской экспедиции. То есть опыт собственно морских боев, причем над численно превосходящим противни-

ком, был получен именно в Азовской флотилии. И не случайно продолжат традицию активных атак противника в море именно черноморцы — сначала Ф.Ф. Ушаков, а затем и его ученик Д.Н. Сенявин.

Отдельную роль сыграла и выполненная флотилией операция по прикрытию корабельными силами лодочной эскадры при наведении последнего моста через Сиваш у Геничи в кампанию 1771 года. Но здесь обошлось без боевого соприкосновения с противником.

В остальном тактические действия Азовской флотилии оставались весьма шаблонными. Так, в событиях июня 1771 года и 5 сентября 1773 года А.Н. Сенявин при встречах с неприятелем слишком рано начинал строительство линии, в результате чего турки оба раза благополучно уходили. В линии баталии, только находящейся на контркурсе по отношению к туркам, провел бой у Суджук-Кале и И.Г. Кинс-

берген. Иными словами, тяга к проведению в море боя строго по основному (каноническому) принципу линейной тактики — линия на линию, четко просматривается и здесь.

Нельзя не отметить и не использованные А.Н. Сенявином и В.Я. Чичаговым в 1774 году возможности уничтожить турецкий флот ночью с помощью брандеров, когда он находился в Керченском проливе, хотя слабость турок вочных действиях к этому времени была подтверждена предшествующими событиями.

Тем не менее в целом важнее были перечисленные выше успехи Азовской флотилии, которые, кстати, представляют единственный в истории русского флота случай побед соединения, номинально значившегося флотилией, на морском театре военных действий над линейным флотом противника. Особое значение имела практика полноценного морского противостояния, в которой, как мы видели, был получен богатый опыт.

Подводя итог, укажем, что флотилия А.Н. Сенявина на каждом из этапов данной войны сыграла свою роль, причем ее значение с каждым следующим этапом все более возрастало. Так, в 1769–1770 годах Азовская флотилия обеспечила защиту крайне важной для России дельты Дона, которая, с одной стороны, являлась единственным выходом в южные моря, а с другой — крайне опасным с точки зрения последствий местом высадки турецкого десанта.

В кампании 1771 года флотилия уже действовала на море и сыграла значимую роль в занятии русскими войсками Крыма и в утверждении их там. Крейсерства же 1772 года способствовали подписанию с Крымским ханством столь важного для России договора о его отторжении от Турции.

Наконец, 1773–1774 годы стали подлинным триумфом флотилии, выигравшей противостояние на море у турецкого линейного флота. В частности, в эти две решающие кампании она осуществила успешную оборону Крыма и Керченского пролива, отразив все попытки неприятельского флота

проводить операцию по возвращению полуострова. Таким образом, Азовская флотилия А.Н. Сенявина по праву является одним из важнейших слагаемых победы России в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов. Фактически она положила начало русскому флоту на Черном море, функции которого во многом и выполняла в эти годы.

Однако событие, произошедшее в 1774 году, показало, что сил флотилии явно недостаточно, и для России в дальнейшем крайне важно было обзавестись на Черном море именно линейным флотом, способным давать туркам и генеральные сражения, в том числе на дальних подступах к Крыму. Речь идет о высадке турецкой эскадрой десанта в районе Алушты в конце июля 1774 года, уже после заключения мира. Это была та самая турецкая эскадра, которая с 10 июня по 16 июля бесславно противостояла Азовской флотилии в Керченском проливе.

Не сумев победить флотилию, турки все же сумели сковать ее, а затем, пусть и с опозданием, выполнили вполне напрашивавшийся тактический маневр, ведь при запертой флотилии десант можно высадить где угодно. И хотя В.М. Долгоруков оказался готовым к такому маневру и достаточно легко справился с десантом, продемонстрированная перспектива оказалась не самой приятной.

Правда, у Турции проблем было еще больше: война полностью подтвердила всю глубину ее внутреннего кризиса. Первое свидетельство тому — целый букет стратегических и тактических ошибок турецкого военно-морского командования. Наиболее показательными примерами первых стали: отказ от упреждающего занятия Азова и Таганрога, крайне вялая экспедиция против них летом 1769 года, фактически добровольный уход от борьбы за Азовское море и Керченский пролив в 1771 году и, наконец, упущененный шанс использовать в 1773–1774 годах наиболее выгодный сценарий борьбы за Крымский полуостров, когда флот блокирует флотилию в проливе, одновременно перебрасывая в Крым войска (что, правда,

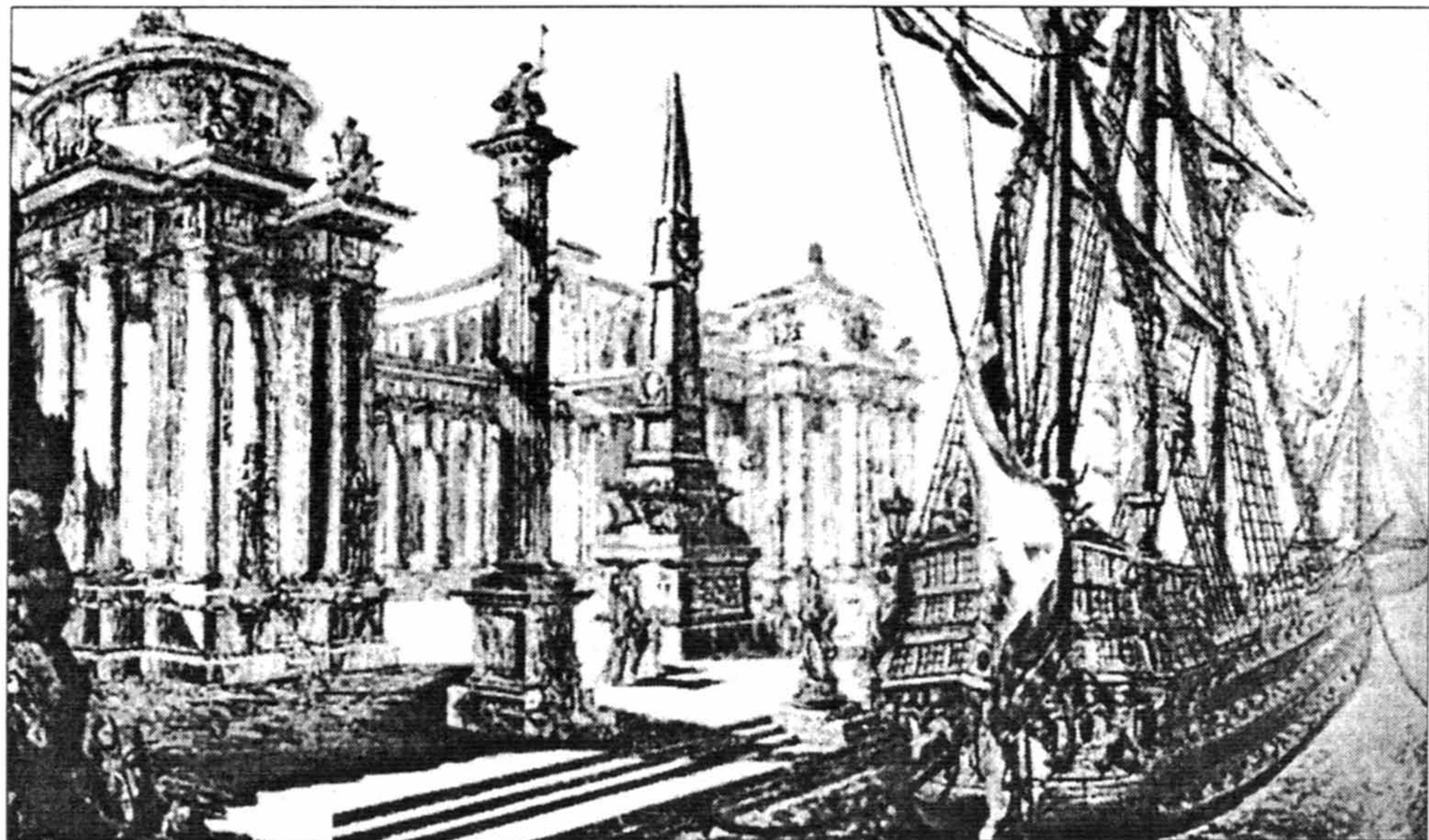
произошло в июле 1774 г., но было уже слишком поздно). Однако в последнем случае как раз прослеживается еще одна большая заслуга флотилии: своими успешными действиями в 1773—1774 годах она сумела посеять в противнике неуверенность в своих силах, что, при и без того не высоких боевых качествах неприятельского флота, привело к его пассивности, которая была невыгодна для самих турок. А заставить противника, да еще без боя, делать то, что ему невыгодно — это победа, и победа немалая.

В области тактики также имелись наглядные примеры. Речь, в частности, идет о неумении турок организовать уничтожение эскадры Д. Эльфинстона у Наполи ди Романы в мае 1770 года, многочисленных ошибках в действиях против объединенной эскадры А.Г. Орлова в Чесменском сражении 24—26 июня того же года, неспособности разбить отряд И.Г. Кинсбергена в Балаклавском бою и с ходу разгромить эскадру В.Я. Чичагова в бою 9 июня 1774 года у Керченского пролива, а так-

же об отказе от каких-либо действий против русской эскадры в проливе при таком превосходстве в силах (можно было попытаться уничтожить русские корабли гребными судами, даже пойдя на размен корабль на корабль).

Правда, справедливости ради, надо признать, что замыслы турецкого командования в Балаклавском бою 23 июня 1773 года по окружению русских кораблей и в бою 9 июня 1774 года у Керченского пролива по попытке отрезать эскадру В.Я. Чичагова от Керченского пролива и постановке ее в «два огня» являлись весьма интересными. Однако исполнение, опять-таки, сгубило все.

Но одним только низким уровнем командования проблемы турецкого флота не ограничивались. Вторым, и не менее пагубным фактором для него оставалась артиллерийская стрельба: она просто никуда не годилась. Не случайно важным правилом борьбы с противником станет сформулированное позднее Д.Н. Сенявиным положение, что чем ближе к нему в бою, тем меньше от него вреда.

Павильон на Ходынке в Москве, построенный для празднования заключения мира с Турцией. Макет парусного корабля наглядно свидетельствует о высокой оценке роли морских сил в победе над Османской империей в войне 1768—1774 годов (Павленко Н.И. Екатерина Великая. — М., 1999)

Возвращаясь же к Кучук-Кайнарджийскому миру, нужно отметить, что по его условиям Российское государство добилось выхода на Черное море с правом свободы торгового мореплавания по нему и через проливы Босфор и Дарданеллы. Русские купцы получали в Турции права и привилегии, которыми пользовались купцы других стран. Крымское ханство стало независимым от Османской империи, а к России перешли крепости Азов, Таганрог, Керчь, Еникале и Кинбурн. О плаваниях военных судов по Черному морю не было сказано ни слова. Но ведь разрешено все, что не запрещено!

В результате важнейшие положения черноморской проблемы были решены. И хотя до ее полного разрешения оставалось еще далеко, уже то, чего удалось достичь в 1774 году, серьезно способствовало развитию России, укреплению ее обороноспособности, а следовательно, укрепляло и ее государственность.

Итак, что же дал России ее военно-морской флот в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов? Даже при его далеко не лучшем состоянии удалось разгромить Турцию и добиться выхода на Черное море, т. е. сделать то, что было невозможным в течение более полу века! Именно благодаря флоту удалось растащить и сковать турецкие силы (что сыграло судьбоносную роль в 1771 г. при занятии Крыма), подорвать экономический потенциал противника, обеспечить занятие Крыма и удержание его.⁵ О том, насколько трудным было бы овладение Крымом без флота, свидетельствует Русско-турецкая война 1735–1739 годов. Благодаря его успешным действиям и победе в войне резко возрос и международный авторитет России. Европейская пресса писала после Чесмы, что Россия вернулась в число Великих Держав. Кроме того, флот получил опыт ведения морской войны на удаленном театре.

Относительно же значения Архипелагской экспедиции вполне уместно привести мнение Н.Д. Каллистова:

«Архипелагская экспедиция ввела Россию в более широкий круг внешней политики, чем это было когда-либо, и

тем способствовала возвышению и укреплению русского престижа.

Влияние Архипелагской экспедиции на европейскую политику России особенно сильно сказалось впоследствии, когда Екатерина II, опираясь на прогремевшее по всему свету имя Чесма, с таким гордым сознанием своей силы продиктовала Европе начала морского вооруженного нейтралитета.

Архипелагская же экспедиция выяснила значение для России Средиземного моря как театра для воздействия флота в войнах против Турции».

А что дала русскому флоту Русско-турецкая война 1768–1774 годов? Во-первых, правительство России обрело богатый опыт ведения морской войны и использования флота. Это позволило в дальнейшем более эффективно планировать его использование и развитие.

Во-вторых, значительно возросло военно-морское искусство русского флота, получившего опыт ведения практически всех известных на тот момент видов действий. Кроме того, важно отметить, что Архипелагская экспедиция русского флота вообще стала одной из первых и столь масштабных стратегических операций военно-морских сил на удаленном театре военных действий.

Полученные знания позволили русскому флоту не только выйти на новый уровень боеспособности, но и принять важное участие в общем развитии военно-морского искусства.

Так, огромную роль сыграли действия и планы действий против Константинополя. В частности, именно эта война положила начало стратегическим идеям проведения в случае конфликта с Турцией как полной блокады Дарданелл, так и операции непосредственно против Константинополя, причем, что касается собственно России, сразу в нескольких вариантах (один из них — Г.А. Потемкина, был, кстати, процитирован нами выше).

В сфере же практического приложения военно-морского искусства отметим, что наибольших успехов добился Ф.Ф. Ушаков, сумевший осуществить дальнейшее развитие показанных

в 1768–1774 годах приемов ведения как войны, так и боя. В частности, в области стратегии он продолжал делать ставку на генеральное сражение, а в области тактики развел такие приемы, как сосредоточение своих сил против части сил противника, нанесение решающего удара по флагманским кораблям и сближение на максимально короткие дистанции. При этом, что очень важно, с обязательным сохранением управления всеми кораблями своей эскадры на всех фазах боя.

*Выдающийся
русский
флотоводец
Ф.Ф. Ушаков.
Гравюра начала
XIX века*

Однако впоследствии успехи в области военно-морского искусства, достигнутые в войне 1768–1774 годов, к сожалению, так и не стали обязательной основой для большинства командующих русскими эскадрами: фактически Ф.Ф. Ушаков остался в одиночестве.

В-третьих, русские моряки впервые получили столь широкую и полноценную боевую практику, а вместе с тем, опять же впервые, приобрели и опыт дальних плаваний. Результаты не замедлили сказаться: если во время перехода эскадры Г.А. Спиридова в Архипелаг число больных достигало 800 человек, то при возвращении домой уже на эскадре А.В. Елманова умерли всего 33 человека, а больных было лишь 28. Следствием этого стали, с одной стороны, дальнейшее расширение дальних плаваний и усиление подготовки в мирное время, а с другой — повышение авторитета русского флота в мире.

В-четвертых, война позволила, наконец, провести самую полную диагно-

стику технических и организационных проблем русского флота. Так, небывало остро встали проблемы качества кораблей, чрезвычайной закостенелости их не самых совершенных конструкций (в частности, наиболее массовые линейные корабли русского флота этого времени, 66-пушечные типа «Слава России», начали строиться в 1731 г. и имели скорость только до 8 уз, в то время как французский 74-пушечник «Invincible» 1744 г. уже обладал скоростью в 13 уз), а также нехватки вспомогательных и крейсерских судов. Первые две обернулись частым выходом судов из строя и, как следствие, снижением ударной силы флота в целом; последнее же привело к трудностям как со снабжением русских эскадр, так и с ведением тотальной крейсерской войны.

Чтобы повысить уровень кораблестроения, Екатерина II, как и Петр I обратилась к иностранному опыту. Она пригласила в 1770 году на должность генерал-интенданта флота английского адмирала Ч. Ноульса, человека образованного, энергичного и настойчивого.

Даже несмотря на то, что между Ч. Ноульсом и членами Адмиралтейств-коллегии постоянно возникали трения, за короткое время под его личным руководством в Кронштадте и Петербурге были построены 18 кораблей. Он быстро сократил хищения в портах, ввел более простую отчетность, ускорил и удешевил судостроение и сделал ряд усовершенствований, как в способах постройки кораблей, так и в их вооружении. А в 1773 году Адмиралтейств-коллегия разрешила Ч. Ноульсу построить по его собственным чертежам и под его наблюдением корабль «Иезекиль», ставший первым линейным кораблем 74-пушечного ранга в русском флоте, изначально заложенным под такое число орудий (два предыдущих 74-пушечника являлись фактически копиями 80-пушечных). Кроме того, его удалось спустить на воду всего через $8\frac{1}{2}$ месяцев, в то время как обычно на постройку корабля аналогичного класса затрачивалось до пяти лет. Однако и Ч. Ноульсу не удалось побороть царившую в Адмиралтейств-коллегии рутину.

Тем не менее он смог добиться введения важных изменений в конструкцию русских кораблей. Дело в том, что вплоть до 1771 года они строились по пропорциям, разработанным еще при Петре I. В сентябре 1771 года Ч. Ноульс предложил свои чертежи 74- и 66-пушечных кораблей. Суть его предложений сводилась к увеличению главных размерений кораблей, что давало возможность устанавливать более крупную артиллерию и делало палубы более просторными.

В 1773 году для заведования судостроительными работами в Архангельске был приглашен еще один англичанин — В. Гунион. Будучи знаком с печальным опытом Ч. Ноульса, он в контракте поставил такие условия, при которых Адмиралтейств-коллегия и другие ведомства не могли вмешиваться в его дела. Это позволило за семь лет построить 16 кораблей. Некоторое время помощником В. Гуниона был русский корабельный мастер М.Д. Портнов, для которого работа с англичанином стала ценным опытом.

Глубокий след оставила в ходе войны и постройка Азовской флотилии. Русские судостроители впервые за долгие годы получили возможность проводить эксперименты в поисках выхода из сложной гидрологической обстановки реки Дон. В итоге в русском, да и в европейских флотах тоже впервые появились 42–58-пушечные фрегаты, имевшие на вооружении 18-фунтовые единороги, что делало их весьма серьезной силой. Кроме того, на этих фрегатах была сплошная верхняя палуба и, соответственно, двухдечное (двухпалубное) расположение артиллерии. Все это открыло эпоху бурного развития черноморских фрегатов, игравших столь большую роль в истории Черноморского флота России вплоть до 1800 года!

Однако, несмотря на все это и ряд достигнутых успехов, в целом качество постройки русских кораблей по-прежнему оставалось весьма низким, что и продемонстрировал поход в Средизем-

ное море 5-й эскадры С.К. Грейга. Что же касается резкого увеличения численности вспомогательных и крейсерских судов, то здесь серьезных выводов так и не последовало.

В-пятых, в годы войны существенно возросла численность Балтийского флота. И здесь мы вернемся к проблеме, затронутой в статье о Семилетней войне.* В ней, в частности, мы указывали на принятие Екатериной II в 1764 году доктрины развития корабельного состава русского флота и утверждение новых штатов Балтийского флота. Необходимо учесть, что это была именно доктрина развития корабельного состава, а не военно-морская доктрина, как пишет Г.А. Гребенщикова.

Суть здесь в том, что военно-морская доктрина подразумевает целый набор элементов, в том числе наличие четких планов по использованию своего флота, подразумевающих знание или убеждение в существовании конкретных планов у противника.

В России планов морской войны против Швеции и Дании не составлялось. Более того, они рассматривались как часть создаваемой «Северной системы». К тому же для борьбы с ними хватило бы и 21 линейного корабля, что и продемонстрировала Екатерина II в 1772 году, указав в связи с угрозой войны со стороны Швеции подготовить к следующему году 20 линейных кораблей на Балтике.

Однако в вариантах штатов 1764 года фигурировали и 32 (малый комплект военного времени), и 40 кораблей (большой комплект военного времени)! Что же получилось на практике? В 1774 году численность Балтийского флота увеличилась до 33 линейных кораблей. Но война уже закончилась, и логично было бы вернуться к штату 1764 года (мирного времени), предполагавшему 21 линейный корабль!

Однако от варианта штата в 21 корабль Россия вообще отказалась. Таким образом, утвержденное Екатериной II в 1764 году положение о флоте, равно как и принятые тогда же штаты нужно

* См.: Гангут. — Вып. 48.

рассматривать как ее план по постепенному созданию в России мощного наступательного линейного флота, где штат в 21 корабль стал необходимым минимумом, а в 40 — точкой стремления. Война позволила Екатерине II пройти первый этап на этом пути и перейти от 21 к 32 линейным кораблям.

Французский адмирал П.-А. Сюффрен

Говоря о последствиях Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, нельзя не отметить, что повлияла она не только на русский флот. Хотя официальные стратегические и тактические доктрины ведущих флотов оставались консервативными, ряд флагманов Франции и Англии именно после этой войны начали возвращаться к забытым с начала XVIII века творческим при-

Английский адмирал Д. Родней

емам ведения как войны, так и сражений. Так, опыт действий русского флота в Архипелаге отлично использовал французский командор П.-А. Сюффрен в Ост-Индии в кампаниях 1782 и 1783 годов (которые, кстати, проходи-

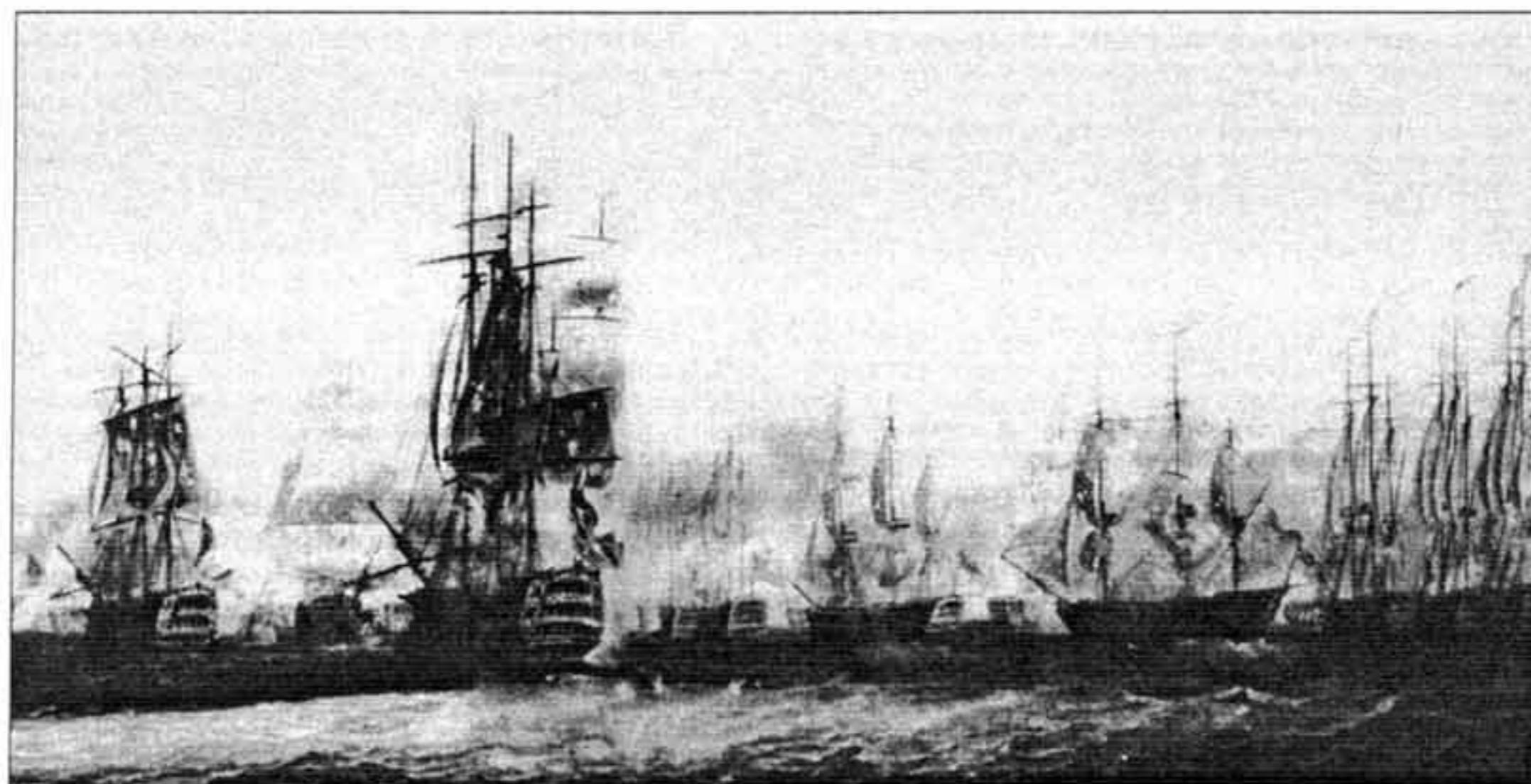
ли, как и Архипелагская экспедиция русского флота, в удаленном от основных баз районе).

В частности, в области стратегии П.-А. Сюффрен впервые во французском флоте XVIII века сделал ставку именно на разгром главных сил противника в морском генеральном сражении, а в области тактики старался отойти от шаблонных методов в регулярном бою (используя атаку противника в порту, с ходу, сближение на короткие расстояния, попытку сосредоточения сил на части эскадры противника).

И это не случайно, поскольку П.-А. Сюффрен являлся свидетелем действий русского флота в Архипелаге. По данным В.Л. Крашенинникова, в 1769–1772 годах он служил на Мальте в качестве командира галеры, а в 1772–1773 годах командовал фрегатом «Миньон», на котором совершил походы в левантийские воды, в том числе побывав у Крита, в Измире, и даже в Дарданеллах (последний момент еще раз показывает, насколько формально проводилась блокада проливов в 1772 г.) (26, с. 48–51).

Кроме того, анализ войны 1778–1783 годов показывает, что еще два французских флотоводца попытались также отойти от шаблона в регулярном бою: д'Орвилье при Уэссане в 1778 году хотел обойти английский арьергард, а де Грасс у о. Сент-Киттс в 1782 году кильватерной колонной, построенной под углом к англичанам, стоявшим на шпринге, попытался провести атаку против части их сил. Однако оба они в итоге потерпели неудачу, хотя действия де Грасса внешне воспроизвели атаку русских при Хиосе.

Несмотря на носившие вначале шаблонный характер регулярные морские бои войны 1778–1783 годов, учли опыт войны в Архипелаге и англичане, впервые после XVII века начавшие творчески подходить к ведению такого боя. Так, по данным Б. Танстона, в регулярном сражении у Мартиники (по А.Т. Мэхэну — у Гваделупы) в 1780 году Д. Родней, имея меньшие, чем у французов, силы, намеревался провести сосредоточение своих сил

Сражение при острове Святых (у о. Доминика) 12 апреля 1782 года.
(Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650–1815. Сражения великих адмиралов / пер. с англ. — М., 2005)

против центра и арьергарда французской эскадры, но непонимание его задумки частью командиров кораблей и несовершенство сигнальной системы привело к срыву этого маневра (39, с. 282 – 284; 33, с. 418): бой проходил как классическое противостояние одной линии другой.

Как оказалось, это была только прелюдия к дальнейшим переменам. В сражении у острова Доминика 12 апреля 1782 года эскадра того же Д. Роднея совершила еще более показательные маневры. Так, хотя на первом этапе французы все же выиграли наветренное положение, но сближение с ними

Схема пяти фаз сражения английской и французской эскадр у острова Доминика 12 апреля 1782 года, отражающая тактические приемы, примененные эскадрой А. Роднея. Составлена автором

в кильватерной колонне, построенной под углом, позволило англичанам нанести удар по части французской эскадры, оставив вне сражения 6–10 французских кораблей авангарда.

Тем самым бой, хоть и завязался на контркурсах, но становился отнюдь не бесплодным. Не случайно французский командующий де Грасс в ответ приблизил к англичанам авангард, чем попытался не допустить концентрации сил против своего арьергарда. Однако его линия приобрела изогнутый характер, да еще и с нарушением строя. Более того, угроза охвата французского арьергарда все равно не миновала, и потому следующим сигналом де Грасс приказал повернуть на обратный курс, чтобы сохранить наветренное положение. Но в условиях ближнего боя и нарушения строя это только усугубило проблему, в частности, создав в линии разрывы, куда и проникли английские флагманские корабли (Д. Роднея и Э. Эффлека), на этот раз поддержаные последующими мателотами. Французская линия оказалась разрезанной.

Результатом стало тяжелое поражение французской эскадры, которое положило начало новой эпохе англо-французских регулярных морских сражений.

Таким образом, сражение у острова Доминика оказалось намного сложнее, чем просто прорезание неприятельской линии, что, в основном, отмечают исследователи, указывая одновременно, что данную идею незадолго до сражения предложил известный английский теоретик военно-морского искусства Дж. Клерк. А на самом маневре

настоял флаг-капитан Д. Роднея Ч. Дуглас.

Эти положения требуют комментария. Во-первых, перед нами новый пример использования кильватерной колонны, построенной при атаке под углом к линии неприятеля. Во-вторых, Доминикское сражение продемонстрировало также новую попытку провести сосредоточение сил на части эскадры противника. Наконец, в-третьих, впервые после длительной паузы в качестве средства осуществления сосредоточе-

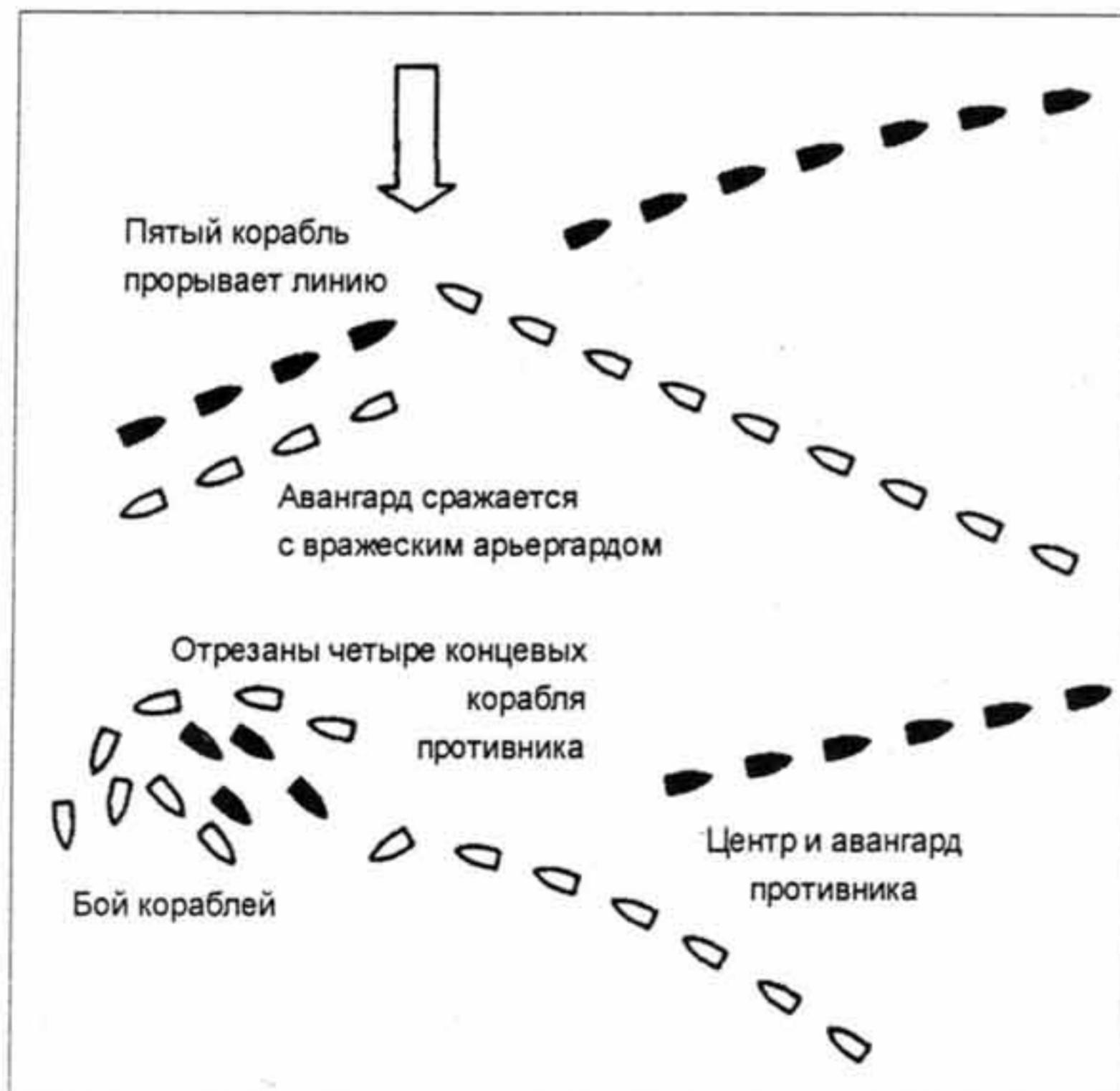

Схема действий по прорыву линии противника с последующим окружением его арьергарда, предложенная Дж. Клерком.
(Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650–1815. Сражения великих адмиралов / пер. с англ. — М., 2005)

ния сил был применен прием прорезания неприятельской линии.

И во всех этих предложениях Дж. Клерк являлся не новатором, а лишь человеком, акцентировавшим, исходя из анализа исторического опыта, внимание на творческих приемах. Кроме того, Д. Родней параллельно с Дж. Клерком пришел к этим же элементам ведения боя. Более того, по мнению Р. Скаловского, он даже совершил прорезание неприятельской линии уже в ходе сражения у м. Сент-Винсент в январе 1780 года, но только отдельными кораблями и в бою после погони (47, с. 118–121). А теперь самое интересное: все эти тактические «новинки» в английском флоте появились аккурат после Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, причем две из них имели явное сходство с элементами Хиосского сражения.

Как видим, в 1780–1782 годах произошли существенные сдвиги в военно-морской тактике европейских флотов. Почему мы связываем их с влиянием событий 1768–1774 годов? Ответ прост: в 1705–1768 годах не было ни одного случая отхода от шаблонного противостояния линий при проведении регулярного боя, а Чесма потрясла и Лондон, и Париж.

В последовавших после этой войны событиях к творческому ведению регулярного морского боя вернулись как англичане, так и французы. Ведь и те, и другие собрали подробные отчеты о Чесменском сражении 24–26 июня 1770 года. На составленный англичанами отчет мы, в частности, указали выше в данной главе, а сейчас еще отметим, что в 1780-х годах Ч. Дуглас вел переписку с С.К. Грейгом.

Кроме того, в дальнейших сражениях 1797–1805 годов англичане вообще практически полностью перешли к атаке французов и голландцев в кильватерных линиях, построенных под углом к ним, что как раз и было впервые сделано в указанном сражении.

Но в 1774 году всему этому еще предстояло произойти, а потому вернемся к результатам Русско-турецкой войны 1768–1774 годов и ответим на вопрос: каково же было положение русского

флота по итогам войны относительно ведущих европейских флотов? Однозначный ответ здесь невозможен. Ясно, что русский флот получил, наконец, хорошую практику и что сравнивать его с тех пор можно было только с английским или французским флотом.

И здесь сразу бросается в глаза, что по образу действий, т. е. по стремлению решать исход войны в морском сражении, а морского сражения — в решительной, а не пассивной схватке, русский флот четко следовал британским принципам. Важными представляются и тактические успехи, показавшие способность действовать нестандартно. Во всем этом флот России явно выигрывал у французов, равно как и в полученной практике ведения длительных действий в море. Французы в 1772 году открыто заявляли, что длительные действия в море невозможны.⁶

Однако имел русский флот и проигрышные, по отношению к французскому, моменты: во-первых, он однозначно уступал в качестве кораблей, а во-вторых, обладал намного меньшей практикой морских сражений, в которых французские моряки умели столь великолепно обороняться. Что же касается англичан, то их флот имел ощутимое превосходство почти по всем статьям: и по умению доводить начатое до логического конца, и по умению добиваться своего любым путем, и по качеству кораблей, и по подготовке артиллеристов. Из всего этого следует, что если в борьбе против французского флота, который в рассматриваемое время просто не умел атаковать, русский флот мог рассчитывать на примерное равенство возможностей, то английскому флоту он уступал практически безоговорочно, особенно потому, что так и не получил опыта полноценного сражения в открытом море. Для всех же остальных противников русский флот теперь стал действительно опасным соперником.

Таким образом, Русско-турецкая война 1768–1774 годов, с одной стороны, позволила существенно вытянуть русский флот из достаточно серьезного кризиса, в котором он пребывал долгие годы, а с другой — снова заставила

говорить о нем как о серьезной силе. В частности, приведем следующее высказывание, на наш взгляд, наиболее полно отразившее значение флота для России в этой войне и войны для флота России.

Прусский посланник барон Гольц привел следующие слова руководителя французской дипломатии Э.Ф. Шуазеля: «*Ведаете ли вы о новом феномене, о русском флоте? Вот где новая морская держава появилась!*».

Примечания

- ¹ Подробный разбор действий флотилии в кампании 1773 года. см.: сб. «Гангут». — Вып. 40 и 45.
- ² Подробный разбор действий флотилии в кампании 1774 года. см: сб. «Гангут». — Вып. 47.
- ³ Цифра в 300 судов за 4,5 года, кстати, приводится в историографии без каких-либо пояснений и подтверждений. Стоит заметить, что она была весьма невелика, поскольку по данным Е.В. Тарле в 1783 году в среднем все европейские державы вели с Турцией торговлю на общую сумму в 110 млн. ливров в год, а это требовало участия не менее нескольких тысяч судов (даже Петербургскому порту в 1780 г. торговый оборот в 19,7 млн руб обеспечивали 555 судов).
- ⁴ Нельзя забывать, что снабжение Архипелагской экспедиции происходило на 95% не из русских портов, а из портов Англии, Минорки, Ливорно и других. И тут приходилось платить звонкой монетой за провиант, порох, стоянки и ремонт судов, за покупку фрегатов и транспортов и проч.
- ⁵ Архипелагская экспедиция окупила себя уничтожением турецкого флота при Чесме, а главное тем, что она фактически разделила Османскую империю на две половины. Ведь до войны почти все транспортные артерии, связывавшие Стамбул с Грецией, Албанией, Сирией, Египтом, Алжиром и другими окраинами, проходили по Средиземному морю. А в 1770—1775 годах эти части империи фактически существовали сами по себе, почти не оказывая экономической и военной помощи метрополии в ее войне с Россией. Архипелагская экспедиция наглядно показала, что воевать на чужой территории гораздо выгоднее, чем на своей. В частности, она на 70—80% кормила сама себя за счет захватов торговых судов судами русской эскадры, за счет отчислений греческих корсаров, податей с многочисленных островов «губернии», контрибуций с турецких приморских городов, в том числе в Сирии, Ливане и Египте.
- ⁶ Так, глава французского внешнеполитического ведомства Эгильон говорил в 1772 году Н.К. Хотинскому: «...Турки знают, что ваши эскадры не в состоянии больше держаться в море, чему и дивиться нечего, когда принуждены десять месяцев в году отправлять службу; от этого корабли испортились и люди гибнут...». Француз явно опирался на опыт своего флота, поскольку тот до этого времени длительных действий не вел, занимаясь в основном переходами из порта в порт. Кстати, первой практической кампанией французского флота на море стала как раз кампания 1772 года. Вот, что пишет французский историк Мадлен дю Шатне: «27 мая 1772 г. через два дня после возвращения из Португалии, где гардемарины провели три месяца, они вновь пошли в море на корабле из эскадры графа д'Орвилье, которая направилась на большие маневры в Атлантику. Из Версаля поступили деньги на вооружение Западного флота, и появилась возможность целых три месяца... посвятить обучению корабельных экипажей. Это первые маневры в масштабах эскадры, которые французский флот проводил в мирное время и в открытом море... Раньше такие маневры проводились только на рейдах, и пользы от них было существенно меньше» (44, с. 59).

Источники и литература

1. РГАВМФ. Ф. 168, 172, 212, 870.
2. Архив Государственного Совета: в 2 томах. Совет в царствование Екатерины II 1768—1796. — Т. 1—2. — СПб., 1869.
3. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756—1776). — М., 2003.
4. Из дел Московского отделения общего архива Главного штаба // Известия Таврической археографической комиссии. — 1914. — № 51.

5. Материалы для истории первой турецкой войны. Сборник военно-исторических материалов / под. ред. Н. Дубровина. — Вып. III.
6. Материалы для истории русского флота. Ч. 6. — СПб., 1877.
7. Материалы для истории русского флота. Ч. 11–12. — СПб., 1886–1888.
8. П.А. Толстой. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. — М., 2006.
9. Рескрипты и указы императрицы Екатерины II А.Н. Сенявину // Русский архив. — 1871. — № 9.
10. Собственноручные письма Екатерины II к графу И.Г. Чернышеву // Русский архив. — 1871. — № 9.
11. Книга Устав Морской. — СПб., 1763.
12. Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с XI в. по 1917 г. — М., 1948.
13. Век Екатерины II. Дела балканские. — М., 2000.
14. Великие адмиралы: сб. / сост. Д. Святмэн. — М., 2002.
15. Головачев В.Ф. Чесменское сражение и русский флот в 1769–1770 гг. // Морской сборник. — 1900. — № 1–2.
16. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. — СПб., 2007.
17. Гребенщикова Г.А. Проблема Босфорских экспедиций второй половины XVIII — первой половины XIX века // Новый Часовой. — 2006. — № 17–18.
18. Гребенщикова Г.А. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопросы истории. — 2007. — № 2.
19. Грунт А. Создатель Азовского флота [адмирал А.Н. Сенявин]. — М.; Л., 1945.
20. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. 1774 год. — М., 1955.
21. Елисеева О.И. Григорий Потемкин. — М., 2005.
22. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская Старина. — 1894. — Т. 81, № 3–5.
23. Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. — М., 1989.
24. История русской армии и флота. — Вып. VIII. — М., 1912.
25. Кинсберген И.Г. Извлечения из биографии // Морской сборник. — 1866. — № 12.
26. Крашенинников В.Л. Адмирал Сюффрен. — М., 2005.
27. Кротков А.С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 гг. — СПб., 1889.
28. Лебедев А.А. Малоизвестная страница известной войны: деятельность Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Чтения по военной истории / сб. ст. — СПб., 2006.
29. Лебедев А.А. Рождение русского флота на Черном море: создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Новый Часовой. — 2006. — № 17–18.
30. Мазюкевич М. Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. — СПб., 1874.
31. Морские псы Елизаветы. Британские корсары против испанцев. 1560–1605 гг. // Новый солдат. — 2002. — № 163.
32. Морской Атлас. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 1. Описания к картам. — М., 1959.
33. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. — М. — СПб., 2002.
34. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред.: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. — М., 1999.
35. Скаловский Р.С. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. — Ч. 1. — СПб., 1856.
36. Скрицкий Н.В. Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. — М., 2002.
37. Соколов А. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки гидрографического департамента Морского министерства. — Ч. 7. — СПб., 1849.
38. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. — Кн. XIV–XV. История России с древнейших времен Т. 27–29 / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. — М., 1993.
39. Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650–1815. Сражения великих адмиралов / пер. с англ. — М., 2005.
40. Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774 гг.) // Избранные сочинения в IV томах. — Т. 4. — Ростов-на-Дону, 1994.
41. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. — М., 1995.
42. Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774–1792. — М., 2001.

43. Чернышев А.А. Российский парусный флот: справочник в 2 т. — М., 1997–2002.
44. Шатне Мадлен дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / авториз. пер. с фр. М.Л. Андреева. — М., 2003.
45. Широкорад А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. — М., 2006.
46. Штенцель А. История войн на море: в 2 т. — Т. 2. — М., 2002.
47. Экинс К. Описание сражений английского флота с 1690 по 1827 гг. с критическим разбором и чертежами. — СПб., 1840.
48. Anderson M.S. Great Britain and the Russo-Turkish war of 1768–1774 // EHR. — 1954. — Vol. LXIX.
49. Anderson M.S. Great Britain and the Russian Fleet. 1769–1770 // SEER. — 1952. — Vol. 31, № 76.
50. Clowes W.L. The Royal Navy. A history from the earliest time to the present. — London, 1898–1899. — Vol. 3–4.

Вниманию читателей!

В мае 2009 года Издательско-полиграфический комплекс «Гангут» осуществил переиздание брошюры из серии «Мидель-шпангоут»:

А.Ю. Емелин «Крейсер II ранга "Новик"».

В новом издании значительно увеличен текстовой объем, добавлен фотографический и чертежный материал, часть которого публикуется впервые.

Стоимость брошюры с пересылкой по почте 430 руб.

По вопросам приобретения обращайтесь по адресу:

191024, Санкт-Петербург, а/я 71.

Тел./факс (812) 325-28-21

e-mail: gangutprint@yandex.ru

www.gangut.su